

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЕРИЯ «НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Основана в 1959 году

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ИМ. С.И. ВАВИЛОВА РАН ПО РАЗРАБОТКЕ
НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ ДЕЯТЕЛЕЙ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

академик *Н.П. Лаверов* (председатель),
академик *Б.Ф. Мясоедов* (зам. председателя),
докт. экон. наук *В.М. Орёл* (зам. председателя),
докт. ист. наук *Э.К. Соколовская* (ученый секретарь),
докт. техн. наук *В.П. Борисов*, докт. физ.-мат. наук *В.П. Визгин*,
канд. техн. наук *В.Л. Гвоздецкий*, докт. физ.-мат. наук *С.С. Демидов*,
академик *А.А. Дынкин*, академик *Ю.А. Золотов*,
докт. физ.-мат. наук *Г.М. Идлис*, академик *Ю.А. Израэль*,
докт. ист. наук *С.С. Илизаров*, докт. филос. наук *Э.И. Колчинский*,
академик *С.К. Коровин*, канд. воен.-мор. наук *В.Н. Краснов*,
докт. ист. наук *Б.В. Лёвшин*, член-корреспондент РАН *М.Я. Маров*,
докт. биол. наук *Э.Н. Мирзоян*, докт. техн. наук *А.В. Постников*,
академик *Ю.В. Прохоров*, член-корреспондент РАН *Л.П. Рысин*,
докт. геол.-минерал. наук *Ю.Я. Соловьёв*,
академик *И.А. Шевелёв*

О. А. Связева

**Сергей
Яковлевич
СОКОЛОВ
1897–1971**

Ответственные редакторы:
доктор биологических наук
В.И. ГРУБОВ,
кандидат биологических наук
Ю.С. СМИРНОВ

МОСКВА
НАУКА
2007

УДК 630(092)
ББК 43г
С25

Рецензенты:

доктор биологических наук В.И. ВАСИЛЕВИЧ,
кандидат биологических наук О.В. РЕБРИСТАЯ

Связева О.А.

Сергей Яковлевич Соколов, 1897–1971 / О.А. Связева ; отв. ред. В.И. Грубов, Ю.С. Смирнов. – М. : Наука, 2007. – 158 с. – (Научно-биографическая литература). – ISBN 978-5-02-035357-2 (в пер.).

Издание посвящено крупнейшему ученому-дендрологу, геоботанику, лесоводу, интродуктору, заслуженному деятелю науки РСФСР, доктору биологических наук, профессору. Приведены основные даты жизни и творческой деятельности С.Я. Соколова, очерк о научной, организаторской и педагогической работе, экспедиционных поездках, воспоминаниях о нем учеников, указатель научных публикаций.

Для ботаников, дендрологов, работников ботанических садов, геоботаников и интересующихся историей науки.

Темплан 2006-II-216

ISBN 978-5-02-035357-2

© Российская академия наук и Издательство «Наука», серия «Научно-биографическая литература» (разработка, оформление), 2007

© Связева О.А., 2007

© Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2007

Предисловие

Каждая историческая эпоха рождает своих лидеров, людей незаурядных, ярких творческих личностей с огромными организаторскими способностями, видящих дальше, шире, глубже всех и умеющих повести за собой других. Именно такой личностью был заслуженный деятель науки РСФСР, профессор, доктор биологических наук Сергей Яковлевич Соколов. Огромный творческий потенциал, энциклопедические знания, неумная энергия, редчайшая работоспособность, высокая порядочность, ответственность, умение отстаивать свои идеи и заражать ими других и в то же время постоянная забота о сохранности всего живого на планете, беззаветная преданность науке, любимому делу, городу, стране – все это соединилось в одном человеке. И вместе с тем тонкое, поэтическое восприятие природы, живописи, скульптуры, поэзии... Сергей Яковлевич не пропускал художественных выставок и не расставался с акварельными красками, любил рыбную ловлю и охоту, в том числе «тихую», с фотоаппаратом. Он никогда не замыкался в маленьком мирке кабинета: полем его деятельности, без преувеличения, была вся наша страна.

Вся жизнь С.Я. Соколова – это служение Природе, это стремление увлечь, научить этому служению как можно больше людей разного возраста, разных интересов и не только в одном Ботаническом саду, институте, городе, но по всей нашей необъятной стране. Он готовил научные кадры для России и Прибалтики, Украины и Молдавии, Кавказа и Средней Азии. К нему приезжали ученые из Польши и Чехословакии, Германии и Англии, его трудами интересовались в Индии, Китае, США и других странах мира. С.Я. Соколов был не только ученым, но и общественным деятелем. В разные годы он входил в состав Ученых советов Научно-исследовательского института лесного хозяйства и Государственного института проектирования лесного транспорта, Научно-технического совета Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства (УСПХ и ЗС) Ленинграда, был председателем Комитета по озеленению городов при ЛенОблНИТОлеса, членом Архитектурного совета Ленинграда и Охраны памятников старины и природы Ленинграда, членом Президиума Совета

ботанических садов СССР, председателем методической комиссии технического совета треста «Госзеленхоз», членом Научно-технического совета по лесам пригородной зоны, рецензентом Высшей аттестационной комиссии, научным руководителем экспериментальной базы Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР (БИН) в совхозе «Южные культуры» в Адлере.

С.Я. Соколов не умел беречь себя. Был всегда открыт людям. Вместе со всей страной переживал все потрясения, войны, невзгоды, но всегда с оптимизмом смотрел в будущее.

Мне посчастливилось в течение 11 лет работать рядом с С.Я. Соколовым, быть его последней помощницей, соавтором и завершать начатые им труды.

При подготовке этой книги использованы материалы личного архива С.Я. Соколова, хранившиеся в его кабинете, материалы, сданные в Петербургский филиал Архива РАН, и материалы Архива Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН. В книгу включены «Автобиография», написанная С.Я. Соколовым в 60-х гг. XX в., и воспоминания о нем его учеников и коллег. При характеристике научной деятельности С.Я. Соколова частично использованы публикации проф. Н.Е. Булыгина и доктора биол. наук В.С. Порфирьева. Все фотографии публикуются впервые.

Я бесконечно благодарна заведующему Ботаническим садом БИН Ю.С. Смирнову за предоставленную мне честь рассказать об одном из самых ярчайших ученых, трудившихся в этом Саду. Пользуюсь случаем поблагодарить ответственных редакторов В.И. Грубова и Ю.С. Смирнова, рецензентов О.В. Ребристую и В.И. Василевича за просмотр рукописи и моральную поддержку, а также родных С.Я. Соколова: дочь, Татьяну Сергеевну Портнову, и Ольгу Яковлевну Чаплыгину за предоставленные фотографии из семейного архива. Я благодарю за оказанную помощь в работе с архивными материалами Т.И. Симоненко (Архив БИН), сотрудников Библиотеки РАН при БИН А.В. Медведеву и Г.Н. Панкратову за помощь в подготовке рукописи к печати, сотрудника Ботанического сада БИН Н.Н. Арнаутова за техническую помощь в подготовке списка научных трудов С.Я. Соколова и С.В. Степанова за подготовку фотографий к печати.

Жизненный путь

Сергей Яковлевич Соколов о себе и современниках (автобиография)

Я родился 7 мая 1897 г. (ст. стиля) в г. Белебее Уфимской губернии в семье земского врача Якова Николаевича Соколова. Знаю, что прадед Иван Соколов был преподавателем в Первой Казанской гимназии, а дед – Николай Иванович Соколов – врачом Миусской заводской больницы на Урале. Отец заведовал Белебеевской земской больницей и почти один обслуживал и весь Белебеевский уезд. В 1910 – 1915 гг. в России он был на втором месте среди хирургов-глазников по количеству операций, производимых ежегодно. Умер отец в 1919 г., когда переселился вовсе в больницу, чтобы быть ближе к тифозным больным, от которых сам и заразился тифом. Отец многие годы был членом городской и земской управ и почетным попечителем нескольких сельских школ. Он заслужил большой авторитет у местных жителей и пользовался их любовью. Я помню, как в 1915 г. отец сломал ногу, упав с тарантаса. Через час около нашего дома собралась огромная толпа желающих знать о состоянии его здоровья. Городской сад в Белебее, который строился под руководством отца, и наша улица звались Соколовскими. Помню, что на первое заседание городской управы, бывшее после этой болезни, отец был внесен на второй этаж на кресле членами управы, вышедшими встретить его. В день его похорон в городе были прекращены все работы.

Мать – Мария Васильевна Соколова (урожденная Софотерова) – происходит из уральских казаков. Знаю только, что дед по материнской линии был священником. Мать была очень скромной, заботливой и ласковой. Она вела воспитание детей и все сложное домашнее хозяйство. Детей в семье было 9 человек. Два первых ребенка (сын и дочь) умерли в детском возрасте. Старше меня было четыре брата: Александр Яковлевич Соколов – заслуженный врач РСФСР и Башкирской АССР, хирург, заведовал той же больницей, что и отец. Окончил Казанский университет. Алексей Яковлевич Соколов, зоолог и ученый агроном, окончил

Казанский университет и Петровскую сельскохозяйственную академию в Москве. Заведовал кафедрой зоологии позвоночных в Казанском университете. Во время «ежовщины» был арестован, выслан и скончался в ссылке. Посмертно реабилитирован. Николай Яковлевич Соколов, заслуженный врач РСФСР и ТАССР, хирург, заведовал Тетюшской районной больницей. Окончил Казанский университет. Михаил Яковлевич Соколов – зоолог, окончил Казанский университет, кандидат биологических наук. Заведовал кафедрой биологии и дарвинизма в Уфимском педагогическом институте, а затем в Башкирском университете. Умер в 1959 г. от рака после операции, сделанной ему в Ленинграде. Младшие братья: Петр Яковлевич Соколов окончил Лесной институт в Казани. Был аспирантом кафедры лесоводства в Лесном институте в Ленинграде (у проф. Н.П. Кобранова). Умер в 1926 г. после неудачной операции аппендицита в Ленинграде. Иван Яковлевич Соколов умер в 1919 г. от менингита перед окончанием реального училища.

Я учился сначала в приходском училище в г. Белебее. В 1907 г. поступил в Казанскую первую гимназию, а в 1910 г. перевелся во вновь открытое Белебеевское реальное училище. Если от приходского училища и Казанской гимназии остались воспоминания, как о типичной бурсе, то о реальном училище – самые светлые воспоминания: в нем были исключительно хорошие педагоги, глубоко знающие свои предметы и умевшие их преподнести учащимся в живой форме. Была и разумная, строгая дисциплина. Пору своего детства и учения в гимназии и реальном училище я вспоминаю как светлое время.

Дома у нас было всегда весело и вместе с тем тихо. Летом мы играли с большой компанией соседских ребят. Устраивали иногда целые войны с ребятами других кварталов, доходящие до того, что в одиночку боялись выходить за ворота. В периоды же перемирий все вместе дружили до того, что нас трудно было разлить водой. Вместе с тем определенное время мы обязаны были работать в саду и огороде, что делалось всегда с охотой. Вечерами на полив растений и полку гряд всегда выходила вся семья, кроме отца, который обычно был занят с больными.

Летом всегда у нас гостил дядя Леня (Леонид Васильевич Софотеров), брат мамы, директор Казанской фельдшерской школы. Он был страстным любителем-садоводом. С утра до ночи весь каникулярный период он возился в саду и заставлял нас помогать ему. Сад был в образцовом порядке. Свой виноград он посылал И.В. Мичурину, на что в трудах последнего есть ссылка. Зимой в Казани у дядя Лени всегда жили два Соколенка, как нас звали в детстве. В 1907–1908 гг. жил у него и я.

Уже с восьми лет я помогал отцу при глазных операциях. У меня был свой белый халат, и меня в городе звали в шутку доктором. Я наспециализировался на подаче инструментов отцу и, видимо, редко ошибался в инструменте и времени подачи, что очень важно, так как хирург не отводит своего взора от оперируемого глаза. Всякая задержка в подаче инструмента или подача ненужного вызывали со стороны отца бурные и грозные окрики, чего очень боялся обслуживающий персонал. На меня отец никогда не кричал. Поэтому помощники его были всегда рады видеть меня, помогающим отцу.

В детстве нас редко наказывала мать, ставя в угол. Отец наказал меня лишь один раз, давши щелчок по голове и поставив в угол на время, пока он зашивал в больнице щеку брату Петру после раны, которую нанес я грязным стеклом в пылу борьбы за обладание этой драгоценностью.

С 8 лет я был уже обладателем маленькой шомпольной двустволки и принимал участие в охоте на уток и куликов на озере Кандры-Куль, куда мы выезжали дважды в год охотиться всей семьей. Позднее в 1909 г. дядя Леня подарил мне и брату Петру прекрасные льежские централки и чудесных пойнтеров, сам с нами пристреливал ружья и натаскивал собак. С этого времени я стал уже заправским охотником и в старших классах реального училища охотился часто и довольно успешно. Особое удовольствие доставляли облавы на зайцев (а иногда и глухарей). На них мы ездили вместе с отцом и привозили десятки зайцев.

В небольшой библиотеке отца, обогащенной книгами, привозимыми дядей и старшими братьями, были между прочим «Атлас растений» Н.А. Монтеверде, «Жизнь растений» А. Кернера, «Определитель растений» П.Ф. Маевского, «Жизнь животных» А.Э. Брема, «Рассказы Н.А. Холодковского своей дочери», «Биология древесных пород» Г.Ф. Морозова, «Растительные сообщества» В.Н. Сукачева, «История искусств». Эти книги я очень любил. Под влиянием Брема я ходил на гору за город и устраивал битвы у муравьев, переноса их из одного муравейника в другой. Под влиянием дяди я ставил втихомолку опыты с невероятными прививками одного вида на другой, всегда одинаково неудачные.

В реальном училище был очень хороший преподаватель черчения и рисования Владислав Михайлович Стемпневский, молодой и занозистый поляк. После рисунков геометрических тел и проволочных моделей мы рисовали орнаменты. Эта работа прерывалась неожиданностями: вдруг в классе появлялась галка или курица или во дворе училища – теленок. Сейчас же мы со своими пюпитрами окружали натурщиков, и нам предлагалось писать их сразу акварелью. То же самое было, если в горах появлялся туман

или они были интересно освещены. В классе читались Стемпневским стихи или какой-нибудь рассказ, и на дом задавалось написать к ним иллюстрацию акварелью. Эта манера научила нас видеть природу и ценить ее. До сих пор я именно поэтому продолжаю рисовать карандашом и писать акварелью, хотя в свое время получал от преподавателя порядочно двоек и троек. До сих пор я сохранил дружбу с В.М. Стемпневским и его семьей и всегда навещаю его, когда бываю в Москве. Он давно окончил Институт путей сообщения, защитил кандидатскую диссертацию, преподавал в том же институте и теперь ушел на пенсию.

Реальное училище я окончил в 1915 г. и по конкурсу аттестатов поступил в Петроградский лесной институт. В институте в это время был выдающийся состав профессоров и преподавателей, ученых с мировыми именами (проф. Н.А. Холодковский, Л.А. Иванов, М.Н. Римский-Корсаков, В.Н. Сукачев, Г.Ф. Морозов, М.М. Орлов и другие). На мою долю выпало большое счастье учиться у них. Однако на втором курсе к концу 1916 г. я заболел какой-то устойчивой формой экземы и, будучи «прокаженным», был вынужден уехать домой. Только благодаря этой болезни я не попал в военную школу и не участвовал в первой империалистической войне. В Белебе в 1917 г. я работал канцелярским работником в Заготконторе, а затем с февраля по осень 1918 г. был первым секретарем Уездного совета крестьянских и красноармейских депутатов. Осенью 1918 г. призван в Красную армию и красноармейцем-артиллеристом участвовал в боях с белыми, пройдя путь от Перми до Томска пешком и на поезде-броневике. Под станцией Чепца был контужен, но остался в строю. В 1920 г. демобилизован с курсов высшего командного состава как студент второго курса и направлен в Томский технологический институт. Последний был мне вовсе не по душе. В это время мне стало известно, что в 1919 г. скончался отец. Весной 1921 г. я получил отпуск и поехал домой в Белебей. Здесь за лето удалось заработать деньги на разгрузке кирпичных печей, и осенью я уехал в Казань, где и поступил в Университет на лесной факультет. Университет не работал. Я организовал Совет студенческих представителей; был его председателем. Общими усилиями ректора и студенчества университет был поднят на ноги. Мне же приходилось еще и работать: я был преподавателем высших военных курсов, где за паек читал в клубе лекции по биологии, главным образом по ботанике. Летом 1922 г. во время студенческой практики я сделал первую научную работу «Зарастание песков Раифского озера» под руководством проф. А.Я. Гордягина, замечательного ученого и выдающегося лектора. В то же лето я преподавал практику по геодезии студентам Казанского лесного техникума.

За этот год я успел сдать экзамены по большинству предметов, меня интересовавших, и проработать по ним лабораторные занятия. По совету проф. А.Я. Гордягина, исходившего из того, что мои научные интересы ближе всего лежат к взглядам В.Н. Сукачева, осенью 1922 г. я перевелся в Петроградский лесной институт, чтобы специализироваться именно у В.Н. Сукачева. Сюда я переехал вместе с М.И. Сахаровым, имея за лето заработанный капитал (две золотые 5-рублевые монеты царской чеканки, 2 пары новых штиблет и кожаные подметки на две пары обуви). Этого капитала с небольшими приработками нам хватило на год. За этот срок мы с Михаилом Ивановичем сдали все экзамены за два с половиной курса, прошли лабораторные занятия, хотя полгода жили в каменном курятнике, куда пустил нас сторож Евреинской дачи. Были, конечно, и огорчения: я провалился на зачете по микроскопическому анализу образцов древесины, хотя значительную часть данных мне образцов успел спрятать под стол, пока профессор В.А. Петровский выходил из кабинета. По приезде в Петроград я сделал доклад в студенческом кружке при кафедре В.Н. Сукачева о работе, выполненной мною в Казани у А.Я. Гордягина. Работа эта получила одобрительные отзывы А.П. Шенникова и самого Владимира Николаевича. После этого он предложил мне в 1923 г. стать его сотрудником по Научно-исследовательскому совету Лесного института и вместе с тем делать и мою дипломную работу. Должность оплачивалась 36 рублей в месяц. Но Владимир Николаевич предложил половину зарплаты передать другому дипломнику – Н.В. Фадееву; вот мы и работали вдвоем в течение 1923 г. в разных учебно-опытных лесничествах Лесного института. Я занимался исследованием растительных ассоциаций и торфяников Осинорощинской дачи Парголово-ского учебно-опытного лесничества. Помогал мне в качестве рабочего студент А.И. Анантов, мой близкий товарищ. Жили впроголодь. Но за лето, после безумно занятой зимы, воскресли.

Зимой 1923–1924 гг. я обрабатывал материал в кабинете профессора геологии С.А. Яковлева, так как в других помещениях института было холодно. С первого взгляда мрачный и поэтому страшноватый, С.А. Яковлев предложил мне работать в его личном кабинете. У нас скоро установилось соревнование в работоспособности. С.А. Яковлев работал упорно с утра до обеда и после перерыва до позднего вечера или ночи. Я не имел большей частью необходимости на обеденный перерыв, так как обедать мне было часто не на что. И вот мы молчаливо работали визави, изредка обмениваясь репликами. После одной досады, высказанной мной, он принес мне из дома акварель, тушь и ватман, которых у меня не было. Это было очень трогательно, хотя сделано почти бессловесно.

В.Н. Сукачев лишь один раз приезжал ко мне на летние работы. Прошел со мной в лес, сказал, что здесь много интересного. Что именно интересное он увидел, я спросить не решился: для меня кругом все было загадочно и мучительно непонятно! Это мучительное и непонятное влекло к себе, но методику узнавания приходилось в значительной мере изобретать самому на ходу.

Весной 1924 г. зашел Владимир Николаевич в кабинет С.А. Яковлева и предупредил, что через несколько дней мне придется делать доклад о своей работе на открытом заседании Ученого совета института, что будет много студентов и поэтому доклад должен быть популярным. Вот я такой популярный доклад написал и дал его на просмотр Владимиру Николаевичу. В тот же день он прибежал крайне взволнованный, разнес меня и, ссылаясь на А.П. Шенникова, заявил, что такой доклад делать невозможно и я, конечно, не смогу через 2–3 дня выступать на Ученом совете. Я имел смелость заверить его, что сделаю не популярный доклад, а научный. Как ни странно, он, не зная меня, поверил мне. Доклад был назначен. 2–3 дня я запирался в аудитории геологического кабинета, развешивал свои таблицы, которых Владимир Николаевич не видел, и говорил доклад перед пустыми столами. Начало доклада я выучил наизусть так, чтобы минут 10 говорить, даже не сознавая себя. Волновался я ужасно. Перед докладом выпил пузырек валерьянки. И все же, когда увидел большую аудиторию, заполненную студентами, и своих профессоров, сидящих в первых рядах, душа у меня ушла в пятки, а мышцы отказались повиноваться. Председательствовал Л.А. Иванов. После вступительного слова он назвал мое имя. Ничего не чувствуя, я вышел на кафедру и, как попугай, стал говорить выученную часть доклада, не видя аудитории. Затем прорезалась голова Сукачева с рукой, приложенной к уху. Смотрю, он, мой высший судья, слушает, его не тошнит, он даже сочувственно моргает ему только свойственным способом. Далее доклад пошел уже по таблицам, представлявшим рисованный конспект. После доклада я ответил довольно ядовито на ряд замечаний, часто, как, к сожалению, мне свойственно, незаслуженно и резко. В мой адрес последовало довольно много теплых слов, особенно со стороны С.А. Яковлева. После этого доклада меня «признали» научным работником, особенно студенты, хотя и я сам был еще студентом. Дипломную работу на ту же тему я защищал позднее: весной 1924 г. Оппонентом был проф. В.В. Гуман, так как проф. М.Е. Ткаченко отказался, считая себя, видимо, обиженным теми ответами, которые я ему дал после доклада на Ученом совете.

После защиты дипломной работы я поступил заведующим лесоустроительной партией Управления Мурманской железной

дороги. Район работ – Сорока (теперь Беломорск) – Шуерецк – Кемь. Дикий, суровый север: гранитные скалы и «бараньи лбы», одетые лишайниками, бескрайние болота, чахлые сосняки, полоски хороших лесов вдоль рек и ближе к побережью Белого моря. Первое впечатление – край бледной северной красоты, край белых ночей, комаров, гнуса, замкнутых охотников-лопарей и суровых, выдавших виды, поморов. Первый опыт крупной работы в поле. Сопутствующие лесные инженеры так же молоды, как и я. Страшно, а надо делать дело. Разбиваю генеральные просеки и блестяще сажусь в галошу. Инструмент – только астролябия. Стрелка на ней пляшет: вместо прямой линии приходится делать углы, объясняя их смещением по ходу. Это длится 2–3 дня, пока рабочие не начинают смеяться надо мной. Только тогда я понял, что дело в железной болотной руде и что с астролябией работать невозможно. Пришлось перейти на рабочий глазомер, а проверку хода делать только на твердой минеральной почве. Кончали мы эти лесоустроительные полевые работы в середине октября, нередко купаясь в болотах и, обледенелые, ночуя у костров.

Мне удалось летом собрать материал по типологии лесов Шуерецко-Сорокской дачи. Его я доложил в Лесном обществе на заседании под председательством проф. М.М. Орлова, яркого противника лесной типологии. Произошла довольно бурная схватка с ним, после которой он неожиданно покинул заседание.

Зимой 1924–1925 гг. я был занят обработкой лесоустроительных материалов. Этой же зимой проф. В.Н. Сукачев предложил мне должность преподавателя на своей кафедре морфологии, систематики растений и дендрологии в Лесном институте, а через некоторое время проф. М.М. Орлов провел меня через Ученый совет еще и лесничим-опытником учебно-опытных лесничеств Института.

Весной 1925 г. я начал опытные работы на питомнике в Парголовском лесничестве около Удельного парка, а затем типологические исследования в Лисинском лесничестве. Последнее оказалось очень сложным. Осенью этого года я женился на студентке Лесного института Ольге Владимировне Ключаревой. Жена моя – дочь Владимира Кирилловича Ключарева, бывшего губернским агрономом в г. Вятка, и его жены – Валентины Болеславовны Антошевской. Последняя была двоюродной сестрой Н.К. Крупской. Оба они умерли – бабушка в 1942 г. в Ленинграде и бабушка в 1943 г. в Казани во время эвакуации.

Зимой 1925–1926 гг. мною были написаны первые статьи о типах леса Парголовского лесничества (вышла в печати в 1928 г.), Шуерецко-Сорокской дачи (напечатана в 1926 г.), Лисинского лесничества (вышла в 1926 г.). Я вступил в члены Ботани-

ческого и Географического обществ, а зимой 1925–1926 гг. был избран секретарем Лесного общества, председателем которого вместо М.М. Орлова стал проф. Н.П. Кобранов.

На кафедре В.Н. Сукачева в это время было исключительно интересно и живо. Владимир Николаевич своей кипучей энергией и общительностью заражал положительно всех. При кафедре интенсивно работал Студенческий научный кружок, в котором, кроме студентов, делали доклады сам Владимир Николаевич и все сотрудники кафедры. В 1925–1932 гг., когда на мою долю выпало счастье работать на этой кафедре, состав преподавателей ее был исключительно хорош: кроме Сукачева, на кафедре работал знаменитый дендролог Экберт Людвигович Вольф, казавшийся нам уже глубоким стариком и первое время относившийся к нам, молодым преподавателям, как к злу, которое необходимо терпеть. Старшими преподавателями были Александр Петрович Шенников и Геннадий Иванович Ануфриев, ставшие позднее первый чл.-корр. АН СССР, второй – академиком АН БССР. Младшими были Нил Алексеевич Коновалов (теперь доктор биологических наук, профессор Уральского университета), Владимир Алексеевич Поварницын (теперь профессор Украинской сельскохозяйственной академии и член-корреспондент АН УССР), Петр Лукич Богданов (теперь профессор Лесотехнической академии). Около кафедры, выполняя различные исследовательские работы вместе с В.Н. Сукачевым, работали будущие профессора: Генриетта Ипполитовна Поплавская, Александр Дмитриевич Гожев, Ирина Михайловна Покровская, Ольга Васильевна Федорова-Саркисова, Алексей Александрович Гаель, Виктор Борисович Сочава. Все эти энергичные исследователи жили в значительной мере общими интересами, постоянно обменивались докладами, которые обсуждались с большим жаром и страстью. Формировалась и росла своеобразная фитоценологическая школа, получившая в дальнейшем название Сукачевской школы.

Сотрудники кафедры еще со студенческих лет были связаны с Ботаническим и Географическим обществами, в которых часто делали доклады, и были энергичными участниками съездов, собираемых этими Обществами. Возможно деятельное участие в этом принимал и я.

Летом 1926 г. моя жена, будучи у родителей в г. Вятка, произвела на свет дочь. Я был в это время в экспедиции в глуши Нижегородской области. Затем заехал за ней и дочерью в Вятку и познакомился с ее милыми родителями, которые через год переехали к нам в Ленинград. Дочь назвали Галиной. Теперь она, окончивши Первый медицинский институт и защитив далее кандидатскую диссертацию, работает в Институте физиологии АН СССР.

Желая поставить лесную типологию на службу лесному хозяйству, к чему стремился и я, проф. М.М. Орлов, бывший тогда директором Лесного института и начальником Управления учебно-опытных лесничеств института, направил меня в 1926 г. на исследование типов леса Шелековского лесничества в Архангельской области, в 1927 г. – для тех же целей в Баковарнавинский лесхоз Нижегородской области и в 1928 г. – в Хинельское лесничество Брянской области. Повсюду типологические работы проводились в связи с лесоустройством; последним руководил непосредственно доцент А.И. Тарашкевич. Эти работы дали возможность опубликовать мне в 1926–1931 гг. ряд статей и подойти к некоторым обобщающим классификационным лесотипологическим построениям.

Под влиянием В.Н. Сукачева у меня, несомненно, рос интерес к фитоценологии, общим биологическим и физико-географическим вопросам, а под влиянием М.М. Орлова – к лесохозяйственным.

Весной 1929 г. звонит по телефону В.Н. Сукачев и, как всегда неожиданно, просит зайти к нему завтра утром с проектом программы экспедиции, которая поедет исследовать ценные древесные породы на Южном берегу Крыма и на Черноморском побережье Кавказа. Он должен завтра на Ученом совете Лесного института доложить эту программу и думает, что он будет начальником экспедиции, а я его заместителем. Экспедиция эта и была организована Центральным научно-исследовательским институтом лесного хозяйства. В 1929 г. было 2 отряда – один в Крыму и другой на Кавказе. В 1930 г. работы экспедиции значительно расширились на Кавказском побережье, где работало 5 лесоводственных отрядов (начальники отрядов: В.А. Поварницын, И.И. Кузнецов, А.Е. Дьяченко, Я.Я. Васильев, Н.А. Брызжев), один дендрологический отряд (начальник М.И. Стародубцев) и фенологии экзотов (М.И. Адо) непосредственно под моим руководством; стационарный отряд (начальник Г.Г. Савицкий, а после его смерти – Ю.П. Бяллович); лесокультурный отряд (начальник Л.Ф. Правдин и в Крыму Г.В. Воинов и Н.И. Калужский); отряд рубок (начальник А.П. Калинин, А.И. Асосков и консультант проф. В.В. Гуман); таксационный отряд (начальник Г.А. Макеев, консультант проф. Н.В. Третьяков); энтомологический (начальник В.И. Гусев, консультант проф. М.Н. Римский-Корсаков); фитопатологический (начальник П.Н. Борисов, консультант проф. С.И. Ванин); лесного транспорта (консультант проф. В.А. Попов); лесозономический (начальник М.И. Ивановский). По почвоведению экспедицию консультировали акад. Л.И. Прасолов и проф. И.Н. Антипов-Каратаев. Основной состав экспедиции –

молодежь, из которой многие впоследствии стали крупными учеными.

Для меня эта экспедиция была большой школой, принесшей много мучений и радостей. Мучений, потому что на мне, кроме научного руководства, лежала и вся организационно-административная часть, а сотрудников было очень много; нужно было устанавливать деловые связи со многими краевыми, местными и московскими учреждениями; нужно было непосредственно руководить лесоводственными отрядами, следить за другими отрядами и направлять их деятельность в определенное русло. А консультантами отрядов были мои вчерашние профессора. Выполнять свои обязанности мне было подчас очень трудно. К тому же вид у меня был вовсе мальчишеский, вызывавший большое недоумение у «начальства», с которым приходилось иметь дело. Поэтому приходилось иногда вести разговоры так, да простит мне это В.Н. Сукачев, что начальство долго не знало, с кем оно имеет дело: с Соколовым или Сукачевым, который находился в Ленинграде (хотя я никогда себя Сукачевым не называл!). Когда же выяснилось, что я Соколов, то к этому моменту хорошие отношения уже были установлены.

На полевых работах на Кавказе и лишь около Красной Поляны и Хосты Владимир Николаевич побывал всего один раз. Эта экспедиция была вовремя закончена. Она дала прекрасные отчеты и ряд крупных практических предложений. Практические предложения были одобрены Наркомлесом. Однако в лесном хозяйстве они почти не были осуществлены.

Во время работы экспедиции я познакомился с директором Кавказского заповедника А.И. Молодчиковым и, по его просьбе, написал представление о выделении в качестве заповедника участка тисового и самшитового леса около Хосты. Это предложение было утверждено Правительством, и заповедник существует до сих пор.

В 1930 г., по предложению Кавказского заповедника, я организовал в нем Лесную опытную станцию. Сначала она помещалась в г. Сочи, а затем в Красной Поляне. В Сочи станция помещалась на Батарейке. Устроили там питомник. Выращенные на нем платаны и пирамидальные кипарисы были далее высажены в сад против почтампта и теперь украшают город.

Питомник в Красной Поляне, организованный еще экспедицией, был передан в заповедник, а материал, выращенный на нем Л.Ф. Правдиным, использован для парка на усадьбе Южного отделения заповедника. Для работ на Лесной опытной станции я привлек своих еще студенческих друзей: М.И. Сахарова, Л.И. Соснина и А.И. Северову, затем Ю.П. Бялловича, В.А. Ко-

жевникова и Г.В. Микешина. Станция имела в 1932 г. 19 сотрудников и была признана краевой.

Кроме работ в самом заповеднике, были организованы фенологические наблюдения в лесничествах Северо-Кавказского края, главным образом, за дикими плодовыми как служба урожая и указания мест для сбора плодов. Программа этих наблюдений была мной опубликована в Ростове-на-Дону.

Вместо ушедшего директора заповедника А.И. Молодчикова, энтузиаста охраны природы и человека широко образованного, директором был назначен форменный бандит В.И. Краснобрыжев. Работу заповедника он развалил, работе станции всячески мешал. Несмотря на мое горячее сопротивление ему в Комитете по заповедникам, мне пришлось оставить станцию. Бандит этот в дальнейшем был расстрелян. Станция впоследствии существовала под заведованием М.И. Сахарова, потом Л.И. Соснина примерно до 1945 г., когда была потихоньку закрыта в связи с общим падением исследовательских работ в заповедниках. Сотрудники станции опубликовали значительное количество работ. Все перечисленные выше лица стали кандидатами наук.

В 1932 г. я оставил преподавание в Лесном институте. Расстаться с ним было тяжело, и я долго тосковал по этой работе. Оставить же ее было необходимо по следующим причинам: курс морфологии и систематики растений, который я преподавал параллельно с В.Н. Сукачевым, А.П. Шенниковым и Г.И. Ануфриевым, из года в год уменьшался в объеме и становился неинтересным, появились молодые преподаватели – В.А. Поварницын и П.Л. Богданов, нагрузки которым не хватало.

Работа на кафедре В.Н. Сукачева дала мне очень много. Можно сказать, она поставила меня на ноги: именно в это время и сложилось мое мировоззрение. Этот период работы я всегда вспоминаю с большой теплотой и глубокой благодарностью к товарищам по работе и, особенно, к В.Н. Сукачеву.

В 1931 г. я поступил старшим научным сотрудником в Лесной музей АН СССР, директором которого был академик В.Л. Комаров, его заместителем – С.Н. Недригайлов. Учреждение это не понравилось: оно под влиянием Недригайлова имело лесоэкономический уклон и какой-то неясный профиль. Поэтому, по рекомендации В.Н. Сукачева, я перешел оттуда в отдел геоботаники Ботанического института АН СССР и далее с Ботаническим институтом уже не расставался. Отделом заведовал В.Н. Сукачев, затем человек с чудесной душой – Юрий Дмитриевич Цинзерлинг и далее Е.М. Лавренко. На мою долю пришлась лесная тематика отдела. В 1933 г. я был начальником лесного отряда по изучению плодовых лесов Южной Киргизии. Отряд входил в состав Комп-

лексной экспедиции СОПС АН СССР и состоял, кроме меня, только из двух сотрудников – Л.И. Соснина и П.А. Красовского. В обработке материала приняли участие Н.Н. Дзенс-Литовская и С.С. Печникова. В задачу работ входило изучение природы, запасов и эксплуатации наплыва на грецком орехе. Кроме этих вопросов, отряд изучал плодоношение ореха, яблони, алычи, их формовое разнообразие, типы леса. Отряд поднял вопрос об организации в лесах Южного Тянь-Шаня специальных лесоплодовых хозяйств и содействовал их возникновению.

В 1934 г. я был начальником Абхазской экспедиции БИН. Экспедиция состояла, кроме меня, из В.П. Малеева, В.А. Поварницына, М.А. Беляева. Исследовались леса, типы леса, экзоты, лесная экономика. Результаты работ этой экспедиции, как и предыдущей, опубликованы. Кроме того, я участвовал в разработке программы отдела растительных ресурсов Абхазского музея краеведения, в разработке программ его ботанических исследований и некоторых программ для Батумского ботанического сада и Лесной субтропической опытной станции. В 1932–1934 гг. я, кроме того, заведовал географо-гидрологической группой в Государственном гидрологическом институте. Здесь под общим руководством проф. Б.Л. Личкова наша группа в составе В.В. Уханова, Л.Е. Родина, А.В. Прозоровского при участии ряда лиц, в тесном контакте с климатологом проф. А.В. Вознесенским, гидрологом проф. П.Н. Поповым и географом М.Д. Семеновым-Тян-Шанским разработала методику гидрологического районирования СССР по косвенным физико-географическим признакам, составила много картосхем Союза и дала общее географо-гидрологическое районирование его территории. Эта работа была крайне интересна и перспективна. Она была подготовлена к печати, но по ряду причин не опубликована. Лишь две небольшие статьи, касающиеся комплексных географо-гидрологических экспедиций и некоторых теоретических вопросов, были опубликованы мною из серии работ, выполненных в этой группе. Совместная работа со многими выдающимися учеными широкого профиля дала мне много ценного.

В эти годы в отделе геоботаники БИН я принимал участие в разработке программ геоботанических исследований, а совместно с В.Н. Сукачевым, А.П. Шенниковым и П.Л. Богдановым в составлении учебника «Дендрология с основами лесной геоботаники», участвовал также с докладами на всесоюзных съездах – ботаническом, географическом, охраны природы и на конференции по развитию природных богатств Горьковской области.

В 1935–1938 гг. по назначению Всесоюзного Центрального Исполнительного Комитета РСФСР, я был членом Комитета по

заповедникам при Президиуме ВЦИК РСФСР. Председателем Комитета был П.Г. Смидович. Это было время расцвета заповедников: число их было доведено почти до 50. После смерти П.Г. Смидовича председателем Комитета была назначена бесцветная личность, фамилии которой я не помню. Она принесла много вреда охране природы и фактически свела роль Комитета до нуля. Комитет и заповедники держались лишь благодаря проф. В.Н. Макарову, энтузиасту и преданнейшему работнику. После войны начальником Главного управления по заповедникам при Совете Министров РСФСР был назначен А.В. Малиновский; им было проведено постановление Правительства о ликвидации многих заповедников и об уменьшении площади большинства из 18 оставшихся заповедников. Этим был нанесен трудно поправимый и до сих пор еще не исправленный удар охране природы в СССР, начатой еще В.И. Лениным в первые годы советской власти.

В 1935 г. Президиумом Академии наук СССР мне без защиты диссертации была присуждена степень кандидата биологических наук.

С 1935 по 1938 г. я дополнительно к основной работе преподавал дендрологию во вновь открытом в Ленинграде техникуме зеленого строительства. Этот техникум меня интересовал со многих сторон: он должен был приготовить специалистов нового профиля; курс дендрологии в нем был шире курса этого предмета в Лесотехнической академии и имел специальный уклон, раскрывающий декоративные и гигиенические свойства растений. Поэтому я охотно согласился быть председателем методической комиссии техникума. Последняя и разработала все программы специальных курсов. Ведя курс дендрологии, я участвовал и в курсе проектирования и архитектуры зеленых устройств, помогая преподавателям, архитекторам в подборе и композиции древесных пород в садах и парках. Для помощи проектировщикам зеленых устройств и студентам мною была выпущена брошюра «Основные декоративные признаки древесных и кустарниковых пород» и статья о методике преподавания дендрологии, а для общего ознакомления с растениями – брошюра «Цветение и размножение растений». Работая далее в этом направлении, я прочел в 1938 г. в Доме архитектора в Ленинграде цикл лекций, посвященных декоративным древесным и композициям их в садах и парках.

В 1935 г. ко мне обратились с просьбой дать методику диагностики типов лесов и болот с самолета для выбора мест поселений и сельскохозяйственных угодий в Карелии. Это и было мною сделано. Тогда я получил настойчивое предложение самому принять

участие в этой экспедиции, порученной Тресту лесной авиации. Это был один из интереснейших опытов. База экспедиции была на Сегозере, с которого и поднималась маленькая амфибия «Ш-2». Полеты делались на высоте около 300 м. Кидало на этом самолете очень сильно. Первый полет показал, что методику, написанную мною, можно упростить. Во второй полет я сделал с самолета зарисовки акварелью характерных типов болот и лесов, выработал схему таксационных записей. Дальнейшие работы с наземной проверкой выделов, сделанных аэровизуально, показали, что работы, произведенные с самолета, обладают достаточно «хорошей» точностью, а производство их в десятки раз быстрее, чем наземные исследования. В результате работ под моей редакцией в 1937 г. был выпущен сборник «Применение самолета в геоботанических целях», где между другими были и две мои статьи. Это, по существу говоря, первый опыт использования самолета для геоботанических исследований.

В 1937 г. вместе с В.П. Малеевым я совершил поездку на Северный Кавказ в пределах Майкопского района для изучения типов леса. В 1938 г. был консультантом Гипролестранса и вместе с его экспедицией исследовал бассейн реки Лабы в целях разработки проекта эксплуатации лесов. В дальнейшем для этого же учреждения мною были разработаны генеральные схемы типов леса и их лесохозяйственного значения в западной части Карельской АССР и был дан общий очерк лесохозяйственного значения типов леса таежной полосы. Последняя работа была опубликована лишь в 1951 г. после доклада ее на конференции по лесной типологии, созванной Институтом леса АН СССР.

В 1938 г. дирекция и общественные организации БИН настойчиво потребовали, чтобы я принял на себя заведование Ботаническим садом. Я просил дать мне год или хотя бы полгода на написание докторской диссертации. В этом мне было отказано. Три месяца я просидел дома, не являясь в институт. Написал диссертацию на тему «Некоторые основные проблемы фитоценологии и решение их на примере изучения лесов Западного Закавказья», представил ее к защите и принял в апреле 1938 г. заведование Ботаническим садом.

Несколько слов о защите диссертации. Оппонентами по диссертации у меня были профессора В.Н. Сукачев, Н.А. Буш и Д.Е. Янишевский. Пока я писал диссертацию, Владимир Николаевич звонил мне по телефону несколько раз и спрашивал, на какую тему я пишу. Всякий раз я отвечал, что не знаю сам, что заголовки работы и введение будут последней частью работы. Перед защитой диссертации он предложил показать аудитории пример научного диспута, на что я охотно согласился. Незадолго

перед защитой диссертации зашел ко мне в кабинет Д.Е. Янишевский и сказал, что свой отзыв он сдал, что он в нем написал, что морфология и анатомия растений одна наука, а не разные, что это никакого отношения не имеет к моей работе и что он просит меня не «трогать» его во время защиты.

Защита диссертации происходила 20 декабря 1938 года. В БИН это была первая докторская защита. Собравшиеся слушатели не вместились в зал и стояли в коридоре, на лестнице и на третьем этаже в окнах. Председательствующий директор Б.К. Шишкин предупредил меня, что он не даст мне для доклада более положенных 30 минут. В этот промежуток времени я точно уложился с докладом. В.Н. Сукачев изложил свои возражения, написанные в отзыве; с ними я уже был знаком и ответы на них, конечно, приготовил. Затем с жаром, свойственным ему, он стал добавлять новые и новые свои соображения. Я их записываю и готовлю ответы. Смотрю, в аудитории появляется на лицах слушателей выражение недоумения и жалости ко мне: Сукачев разбивает, топит своего ученика! Тогда я уже решил, что диспут, действительно, состоится! Н.А. Буш также сделал несколько словесных дополнений к своему письменному отзыву. Д.Е. Янишевский ничего не добавил. Я ответил сперва Янишевскому, затем Бушу. Последний воспринял мои ответы на письменный и словесный отзыв так, что я понял – больше мне уже не следует ему возражать! Стал отвечать В.Н. Сукачеву. Он несколько раз прерывал меня новыми замечаниями; пришлось с ходу готовить новые ответы. Смотрю, аудитория приходит постепенно в накаленное и жизнерадостное состояние: впечатление гибели диссертанта ясно снято. Голосованье было единогласным «за».

После защиты Д.Е. Янишевский зашел ко мне в кабинет, по болезни отказался быть на ужине и преподнес мне бутылку шампанского. В ответ на мой робкий протест он прочел мне жестким голосом следующую нотацию: «Вы, брат, помоложе меня, а я порядки знаю! Когда защищают кандидатскую диссертацию – кандидат обязан поить факультет. Когда защитил доктор – факультет обязан поить доктора». Этой старой традиции, вероятно, следовало бы держаться и впредь!

Возвращаюсь к первой поре заведования Ботаническим садом. Взяв на себя эту обязанность, я не представлял, насколько она окажется тяжелой. Ботанический сад со времени слияния его с Ботаническим музеем (1931 г.) стал одним из научных отделов вновь организованного Ботанического института, директором которого был назначен академик Б.А. Келлер. Моими непосредственными предшественниками по заведованию Садом были В.Л. Комаров, А.П. Ильинский и Н.В. Шипчинский. Сад был при

них фактически хранителем коллекций живых растений и слабым пропагандистом ботанических знаний на показе, главным образом, оранжерейных растений. Сад как научный отдел Института не имел специального профиля, которым обладали другие отделы БИНа (геоботаники, флоры и систематики, физиологии и экологии). Сотрудники Сада встретили меня далеко не ласково! Пришлось многих и многое приводить в порядок. Прежде всего, необходимо было придать научным работам Ботанического сада определенный профиль, отличный от профиля других отделов БИНа. Стержневой проблемой была избрана проблема интродукции и акклиматизации растений, самым существенным образом связанная со всей деятельностью Ботанического сада в прошлом, настоящем и будущем. Народнохозяйственная направленность этих работ – зеленое строительство в его широком смысле (в населенных местах, у путей транспорта, в защитных полосах, лесных культурах). Работы экспериментального характера должны были сосредотачиваться на введении в культуру новых видов и сортов растений, на выведении последних, на изучении физиологических и общебиологических изменений растений при интродукции. Общей работой для всех сотрудников отдела и привлеченных лиц стало составление монументальной сводки «Деревья и кустарники СССР». Много энергии пришлось потратить на улучшение культурно-просветительной работы. Сектор, ведущий эту работу, стал проводить экскурсии на темы, для которых предварительно были разработаны методические записки; пробные экскурсии обсуждались в присутствии методиста Городского экскурсионного бюро и заведующего Ботаническим садом. По всем научным темам также были введены программы и методические записки с указанием габаритов работ. В значительной мере был упорядочен учет растений в оранжереях и открытом грунте; были начаты фенологические наблюдения. Для усовершенствования садоводов ежегодно проводились курсы повышения их квалификации.

Все эти и многие другие мероприятия помогли Ботаническому саду довольно быстро занять достойное место среди других научных отделов Института. Сад почти полностью подготовил к печати первый том сводки – «Деревья и кустарники СССР». Начавшаяся война не дала возможности сдать его в печать.

По-видимому, в 1936 г., по поручению директора БИН акад. Б.А. Келлера, я ездил в Москву в целях выбора места для будущего Ботанического сада. Место было выбрано на Воробьевых горах, как раз там, где теперь находится здание университета. Под руководством Б.А. Келлера в БИН была организована проекторочная группа с архитекторами А.И. Изосимовым и З.И. Кры-

ловой. В 1937 г. Б.А. Келлер был переведен в Москву, и в 1938 г., в связи с моим назначением в Ботанический сад, руководство группой было поручено мне. В то же время Президиум АН СССР, однако, разрешил Б.А. Келлеру организовать в Москве параллельную проектировочную группу. Наш ленинградский проект был утвержден президентом АН СССР В.Л. Комаровым. Проект следовало провести через экспертный совет при главном архитекторе Москвы. На заседании этого Совета и встретились наш проект с проектом, сделанным группой акад. Б.А. Келлера. На этом заседании вместе со мной были проф. А.П. Ильинский, Б.А. Федченко, главный архитектор Ленинграда проф. Л.А. Ильин и архитекторы-проектировщики А.И. Изосимов и З.И. Крылова. Перед докладом мы познакомились с келлеровским проектом и затем вместе с проф. Ильиным показали его несостоятельность с ботанической и архитектурной сторон. Председатель Совета, видимо, не желая обидеть акад. Келлера и архитектора А.В. Власова (главного проектанта, ставшего позднее главным архитектором Москвы и академиком архитектуры), задал естественно вытекавший вопрос: почему президент АН СССР представляет на рассмотрение архитектурного совета два проекта? На этот вопрос я ответил, что наш проект, о чем говорит на нем подпись президента АН СССР, утвержден им. Тогда поднимается Б.А. Келлер и передает письмо В.Л. Комарова, в котором он просит архитектурный Совет рассмотреть оба проекта как равные. После этого председатель Совета снял с рассмотрения проекты по той причине, что, очевидно, президент АН СССР не выбрал сам ни одного из них. Немедленно я поехал к В.Л. Комарову. После довольно неприятного разговора он приказал завтра же собрать виднейших архитекторов Москвы и ботаников для обсуждения обоих проектов. Заседание с пышным составом участников под председательством В.Л. Комарова происходило в зале Биотделения АН СССР. Снова, сперва Б.А. Келлер, а затем я доложили свои проекты, стоящие на выставке. После этого В.Л. Комаров обращается к келлеровскому проекту и с нарочито комично-серьезным видом, указывая на оранжереи, спрашивает: «Что это у Вас за нобельские баки?» Архитектор Власов отвечает: «Это оранжереи, Владимир Леонтьевич!». «Нет, нет, Вы меня не убеждайте! Это баки для нефти, а в ботаническом саду они не нужны». Этого было достаточно, чтобы зарезать келлеровский проект. Затем, обращаясь к нашему проекту, В.Л. Комаров задает вопрос мне: «Почему у нас не запроектированы поля огурцов, пшеницы, москвичи—де до сих пор считают, что французские булки растут на деревьях». Я мог ответить только то, что В.Л. Комаров, очевидно, смешивает между собой задачи сельскохозяйственной

станции с задачами Ботанического сада. Последовал истерический возглас президента: «По-видимому, ни мне Вас, ни Вам меня не убедить! Возьмите пулемет и расстреляйте меня!» Я встал и заявил, что у меня пока рука на В.Л. не поднимается.

В.Л. Комаров направился к выходу из зала заседания. Я был очень раздражен; соскочил с места и, идя вдоль другой стороны стола заседаний, загородил собой выходную дверь. Когда он подошел ко мне, я во всеулышанье заявил, что кончать заседание так, как хочет он, невозможно! Комаров смерил меня взглядом с головы до ног и, повернувшись к собравшимся, сказал: «Представить завтра утром оба проекта на рассмотрение заседанию Президиума АН. А вас никого не надо!» Сделав по военному шаг в сторону, я пропустил президента в дверь.

Оставив наш проект в Президиуме АН, мы, ленинградцы, уехали в этот же вечер домой. По рассказам я знаю, что на следующий день на заседание Президиума АН явился Б.А. Келлер, но допущен не был. Оба проекта доложил Президиуму сам В.Л. Комаров. Последовало совершенно мудрое решение: принять за основу проект, разработанный ленинградской группой; передать его для дальнейшего технического проектирования в архитектурную мастерскую Власова. Последующие разговоры с В.Л. Комаровым не повели к изменению этой нелепости! Благодаря этой нелепости и возник в дальнейшем в Москве Главный ботанический сад АН СССР как самостоятельное центральное ботаническое учреждение, а не как филиал также центрального Ботанического института в Ленинграде.

Этот рассказ – некоторое отвлечение в сторону; может быть, он и пригодится когда-то как историческая справка.

Ко времени начала второй мировой войны Ботанический сад жил полной и плодотворной жизнью.

В 1939–1940 гг. я был профессором на кафедре общей ботаники в Ленинградском сельскохозяйственном институте. Кроме курса ботаники, мною был прочитан и курс экологии растений. От дальнейшего чтения лекций здесь я далее отказался, так как атмосфера интриг на кафедре, которой ведала О.В. Троицкая, была совершенно страшной.

Так как большинство ботанических садов Союза влачило довольно жалкое существование, работало вразнобой и часто вовсе не в своем профиле, а наш Сад по своему положению должен был бы играть ведущую роль, то, по моей инициативе, в начале 1940 г. был созван Первый Всесоюзный съезд ботанических садов и родственных организаций. Свою работу съезд начал в Москве и закончил в Ленинграде (опубликованы тезисы и краткая информация). Съезд принял, между прочим, мое предложение об органи-

зации Совета ботанических садов при АН СССР. Позднее этот Совет и был создан при Главном ботаническом саде АН СССР в Москве.

Началась война. Тематика Сада в значительной мере изменилась постановкой к разрешению задач, выдвигаемых командованием. Мною и сотрудниками были сделаны работы по рекомендациям растений и их компановке для маскировочных целей, разработаны приемы создания переносных газонов для маскировки военных объектов, изысканы способы получения ветвей, не меняющих окраски при высыхании и не читаемых в специальные очки с воздуха (эта работа проводилась совместно с оптиками). В оранжереях был организован полужавод, выпускающий искусственные ветви прямо для фронта. Добровольцем меня не взяли, хотя я и являлся на сборный пункт.

К моему счастью, в августе 1941 г. удалось с одним из последних эшелонов эвакуировать жену и двух дочерей из Ленинграда в г. Белебей к брату (вторая дочь, Татьяна, родилась у нас в 1939 г.). Когда эвакуировали ученых (октябрь 1941 г.), я отказался уехать из Ленинграда, так как не мог бросить на произвол судьбы Сады, многочисленных сотрудников и работы для фронта.

В начале войны фашистские бомбардировщики и разведчики почти безнаказанно летали над Ленинградом. Я переехал жить в свой кабинет и ежедневно нес дежурства на чердаках здания. Тушил бомбы. Сгорели бадаевские склады продовольствия. Начался ужасный голод и смерть за смертью близких людей. Перестали давать электроток; прерывалось отопление оранжерей. Пришлось снять водопроводные трубы, сложить каменные времянки и обогревать оранжереи ими и кострами дров. Растения мерзли. Ночные разговоры с руководящими организациями ничему помочь не могли. В одну из таких ночей мне обещали начальник Ленэнерго и в Ленсовете, что завтра дадут ток. Садоводы уже выбились из сил; некоторые из них лежали в преддверии голодной смерти, другие – с болезнью глаз от отравления дымом и углекислотой в оранжереях. Дежурных не было. Я вызвал также голодного Леонида Федоровича Правдина, тогда бывшего сотрудником Ботанического сада, и мы вдвоем всю ночь поддерживали в оранжереях огонь в кострах и печках. На следующий день никакого тока не дали, и трубы отопления в Большой папоротниковой оранжерее наверху стали разрываться замерзшей водой. Дядя Саша (А.Ф. Родышевцев) и Ф.Б. Богданов, старые слесари и регулировщики отопления, героически боролись с этим ужасом.

В ночь на 15 ноября я ушел из Сада к себе на квартиру в Лесное навестить мать жены. Ночью была сильная бомбежка, а на рассвете за мной прибежали из Сада с известием о том, что оран-

жереи разбиты разорвавшейся бомбой. Я сейчас же пошел в город. Захожу в свой кабинет: окно и фрамуга от двери выбиты, книжный шкаф опрокинут; диван, на котором я обычно спал, иссечен стеклом. Взрывной волной совершенно открыло Большую пальмовую и саговниковую оранжереи, соседние оранжереи пострадали сильно, но все же менее тяжело; выбиты все окна в здании Музея. На дворе -8° . Под руководством Н.И. Курнакова уже организовано спасение растений – мелкие растения выносились в оранжереи 22 и 2, имевшие свои небольшие частные водяные котлы. Голодные и, по правде сказать, страшные старые садоводы и женщины-рабочие, часть научных сотрудников в этот день сверх всяких сил трудились над спасением растений. (Но все же даже в это ужасное время некоторые садоводы и научные работники сидели дома с температурой 37° и не вышли на работу несмотря на мои убедительные просьбы. Не хочу называть их фамилий!) Высокие пальмы, лавры, бамбуки и другие растения в Большой пальмовой оранжерее стояли уже замерзшими. Ценнейшие саговники я сам выбивал из кадок, обрубал корни и листья, завертывал в рогожи стволы. В таком виде мы их сложили во 2-й оранжерее в надежде выгнать весной в рост. Была вызвана бригада мальчиков-ремесленников, которая фанерой залатывала те оранжереи, где дыры в стеклянном покрове были слишком велики.

Оранжереи продолжали замерзать. В бывшей квартире В.П. Малеева устроили стеллажи и перенесли туда почти всю коллекцию суккулентов; мелкие пальмы раздали по квартирам. Хвойные перенесли в помещение Музея, где вставили в окна однорядные рамы. Растения здесь в Музее и замерзли. Растения оставались живыми в оранжереях 2, 22 и 20. Меня приютила семья Ильинских. Однако в это время я еще писал отзывы на диссертацию А.Д. Гожева, еще на какие-то работы и готовил к печати ряд статей. Усиливался артиллерийский обстрел города.

Выжил я потому, что в сентябре собрал остатки грецких орехов из своей большой коллекции, уже в значительной мере расхищенной к тому времени; ежедневно я ел по два ореха. Нашел у себя пачку агар-агара, 3 плитки столярного клея и собрал все ремни – это все пошло в дополнительный рацион к голодному пайку. В ноябре из Треста зеленого строительства мне отпустили несколько килограмм семян клевера и костра и неожиданно также несколько килограммов овса и гнилого хлопкового жмыха. Нужно было кормить бабушку (тещу), преданную домработницу и питаться самому. Костер и клевер мы разделили с В.П. Малеевым, уже почти умирающим, и с Б.А. Федченко. Часть своей порции я отдал голодному В.В. Уханову, который, выйдя от меня, скончался

за калиткой институтского забора. От гнилого жмыха страшно страдали дети В.С. Соколова, замещавшего тогда директора института, да и мы сами. С А.П. Ильинским мы научились готовить листья замерзших агав и стеблей кактусов, которые и были съедены очень быстро дружной семьей еле живых садоводов. В БИНе было две лошади. Одну из них угнали, когда возчик отошел от нее. Другую, с разрешения какого-то начальства, зарезали и разделили между сотрудниками – попался кусок и мне. Кормился я у Н.И. Курнакова и в Доме ученых, ходить в который, да еще под обстрелом, было очень тяжело. Жить в Ленинграде становилось бессмысленно. Хлопотать о выезде не было сил. В январе 1942 г. я попал на питание в стационар, открывшийся в БИНе. Это было совершенно великолепно! Окрепши, в начале февраля я стал хлопотать о разрешении выезда из Ленинграда для группы сотрудников БИНа.

Это разрешение было получено мною вместе с Ф.С. Первухиным в Смольном, до которого мы еле-еле дотащились. 8 февраля 1942 г. мы выехали из Ленинграда. Накануне выезда Яков Яковлевич Васильев отправился в Лесное за своими вещами. Утром мне сообщили, что его труп подобрали около института. Я пошел на хозяйственный двор и вынул его из штабеля трупов. Его, по-видимому, обокрали. Кроме документов, в небрежно засунутом бумажнике у него ничего не оказалось. Доехали до Ладоги, имея уже одного покойника (умер К.И. Солоневич). С большим трудом получили грузовик для переезда через озеро по «Дороге жизни». В Борисовой Гриве умер А.И. Лесков. Двух человек с голодным поносом я почти насильно навязал здесь медпункту, благодаря этому оба они остались живы (А.А. Рябинин, фамилию второго я забыл).

Поехали дальше на восток. На эвакуационных пунктах нам давали много, но, конечно, плохой пищи. Она поднимала общее состояние, но портила желудок, отвыкший переваривать что-либо. Неожиданно нашу группу направили в Гаврилов Ям Ярославской области на повышенное питание. Здесь нас встретили очень трогательно городские власти и врачи; встретили с ватрушками и кофе. Поплакали. Не без боя мы разместились очень хорошо. Всех пропустили через баню. Было довольно комично видеть себя среди скелетов, обтянутых кожей, и чувствовать, как выступающие ребра бьют по пальцам, тянущим мочалку.

Кормили нас три раза в день, хорошо и обильно. Однако этого казалось мало. Пошли в обмен вещи. Через районные организации я наладил лекторскую группу, которая сделала много докладов по колхозам. Стали нам давать тогда еще и дополнительный паек. В одну из таких поездок я простудился и заболел крупозным воспалением легких. От такой болезни только что умер

ехавший с нами Н.Ф. Комаров. Мне повезло: с нами эвакуировалась врач-физиолог Андреева, которая где-то достала сульфидин. За мной очень заботливо ухаживала ехавшая вместе с нами жена брата Петра – Екатерина Владимировна, а также теща и домработница. Я помню, как сквозь приятный туман я видел печальные лица навещавших меня сотрудников БИНа и старался подбодрить их какой-нибудь шуткой.

В конце апреля 1942 г. из Гаврилова Яма мы переехали в Казань, куда попали уже в мае. В Казани базировался наш институт, разместившийся в университете. Меня назначили заменять заведующего отделом геоботаники Е.М. Лавренко, который работал в Москве над оборонными заданиями.

В это время Казанский промышленный узел испытывал топливный голод. Поэтому, вероятно, по предложению Татарского Совнаркома, Госплана и СОПС АН СССР, мною были начаты работы по изучению лесов Татарской, Чувашской и Марийской автономных республик, особенно, в целях интенсификации эксплуатации леса. К этим работам были привлечены Управления лесоохраны всех трех республик, Госпланы их и преподавательский состав Поволжского лесохозяйственного института в г. Йошкар-Ола. Помимо конкретной помощи хозяйству, эта работа была позднее частично опубликована.

Зимой 1942/43 г. я числился профессором Казанского университета и читал курс лесоведения в нем.

Весной 1943 г. мне удалось соединиться с семьей, которую я перевез из Белебея в Казань. Еще до войны я (вероятно, не только я) подавал в Президиум Академии наук СССР докладные записки о существенной необходимости организации в АН института леса. Этот же вопрос я поднимал и в других организациях. В 1943 г. В.Н. Сукачев был избран академиком, и вопрос об организации Института леса в АН весной 1944 г. был разрешен Правительством положительно. Владимир Николаевич, как это видно и по его письмам, переданным мною в Архив, настаивал, чтобы я перешел из БИНа в этот институт. При встрече на вокзале в Казани зимой 1943 г. он прямо заявил мне, что этот институт должен организовать я, что он только будет числиться директором и предоставит мне карт-бланш. Именно на таких условиях я и согласился перевестись в Москву. Оставив семью в Казани и поселившись в Москве у родных, я уже решил, что перейду в Институт леса. Днем я, чем мог, помогал Владимиру Николаевичу, а вечерами и ночью копал землю и сажал картофель на Воробьевых горах.

Однако дело осложнилось, Владимир Николаевич получал кредиты не только от Академии наук, но и от Наркомлеса. А этот наркомат дал ему двух одинаково непригодных заместителей.

Владимир Николаевич был уверен, что обоих уволит, а меня возьмет вместо них. В начале июля он вел на эту тему разговор в наркомате и приехал домой с отрицательным ответом. Он предложил мне взять на себя заведование сектором селекции древесных пород и ждать подходящего момента, когда ему удастся убрать своих замов, чтобы занять их место. Естественно я отказался от этого предложения, считая совершенно морально невозможным сидеть рядом с человеком в качестве бомбы замедленного действия. Произошел очень тяжелый разговор с Владимиром Николаевичем, а затем с ним и его супругой Г.И. Поплавской. Владимир Николаевич был в слезах, говорил, что многие просят в его институт – он им отказывает, а я отказываю ему в просьбе, когда он хочет, чтобы я работал с ним. Г.И. Поплавская упрекала меня в измене «сукачевской короне» и считала, что своим отказом я снимаю возможность стать членом-корреспондентом АН. Это окончательно убедило меня в своей правоте. Владимир Николаевич просил меня на следующий день быть на заседании в Отделении биологических наук, которое должно было утвердить его представление кандидатов на руководящие должности в Институте леса. Я пришел. Приехал Владимир Николаевич и спросил меня – не изменил ли я своего решения. Я ответил отрицательно. Началось заседание. Я остался в соседней комнате. Вдруг выходит секретарша и передает мне просьбу Л.А. Орбели прийти в зал заседания. Ну, думаю, наверное Владимир Николаевич пожаловался на меня! Я уже на ходу решил, что в этом случае я расскажу все начистоту. Владимир Николаевич вопросительно посмотрел на меня и, получив отрицательный ответ кивком головы, доложил свое предложение, не упоминая моей фамилии.

Я подал заявление о командировке в Казань и на следующий же день уехал из Москвы. Чувствовал я, что неприятный разрыв с Сукачевым продлится несколько лет. Это было очень болезненно, так как я искренне любил, люблю его и глубоко уважаю. Так оно действительно и было примерно до 1947 г.

В Казань я приехал накануне эвакуации БИНа в Ленинград. На другой же день по приезде мы уже погрузились в поезд. Наша квартира в Лесном оказалась занятой; в нее, находящуюся в разваливающемся доме, стоящем теперь на пустырях, и не хотелось возвращаться. До осени мы прожили в квартире любезных Лавренко, а затем получили квартиру в доме БИН.

Я продолжал работать в отделе геоботаники и очень не хотел возвращаться в Ботанический сад. В 1944 г. по приглашению СОПС и настоянию В.Н. Сукачева я стал его заместителем по Киргизской комплексной экспедиции СОПС, которая должна была подвергнуть всестороннему изучению территорию плодо-

вых лесов на южных склонах Ферганского и Чаткальского хребтов. Вторым заместителем В.Н. Сукачева был Иван Степанович Лупинович (теперь президент Белорусской академии сельскохозяйственных наук). Я ведал научной стороной работ, он – организационно-хозяйственной. В 1944 г. экспедиция сосредоточила свои работы в лесоплодовом совхозе Караалма, и лишь И.С. Лупинович, проф. А.Д. Беззубов и я рекогносцировочно обследовали другие пространства.

В 1945 г. состав экспедиции значительно расширился; в ней работало около 200 научных и научно-технических сотрудников; было много отделов, во главе которых стояли виднейшие научные силы: геоморфологический (проф., затем академик И.П. Герасимов), климатический (проф. В.П. Алисов), почвенный (в 1944 г. проф. Д.Г. Виленский; в 1945 г. Ю.А. Ливеровский и А.Н. Розанов), эрозионный (проф. С.С. Соболев), геоботанический (проф. Е.М. Лавренко), лесной (проф. С.Я. Соколов), анатомии растений (канд. биол. наук А.А. Никитин), технологический (проф. А.Д. Беззубов), изучения корневых систем (канд. биол. наук П.К. Красильников), сельскохозяйственный (И.С. Лупинович), экономический (М.К. Расцветаев).

Отделы делились на отряды по отдельным совхозам. Работало много талантливых молодых сотрудников. Весь район был снят с воздуха. Кроме экспедиционных работ, были организованы и стационарные исследования, главным образом в Караалме. Программы работ отделов согласовывались через меня. Руководство полевыми работами вел также я. Результатами работ явились большие отчеты и ряд партийных и правительственных постановлений об организации Заказника и хозяйства в нем. Были изданы труды экспедиции. Кроме того, на страницах специальных журналов появилось много отдельных статей участников экспедиции. В 1946–1947 гг. продолжалась обработка материалов, составлялись инструкции по лесоплодовым хозяйствам и т.д.

Много энергии ушло на участие в дискуссии по представлению о борьбе за существование у растений и, особенно, о наличии или отсутствии внутривидовой борьбы за существование.

Т.Д. Лысенко, как известно, в 1947 г. на основе опыта с посевом кок-сагыза выступил со статьей, в которой отрицал наличие внутривидовой борьбы у растений и ее эволюционное значение. Статья вызвала бурные протесты в прессе и на дискуссии в Московском университете. Академия наук собрала специальное заседание при Отделении биологических наук, на котором должно было произойти обсуждение этого вопроса. Заседание состоялось в начале декабря 1947 г. На нем было поручено сделать доклады акад. Т.Д. Лысенко, И.И. Шмальгаузену, В.Н. Сукачеву и мне.

Мне было поручено дать разбор опытов Т.Д. Лысенко с кок-сагызом. Председательствовал акад. Л.А. Орбели. Атмосфера была заранее страшно накаленной. На заседание допускались только сотрудники Академии наук и философы. Открывая заседание, Леон Абгарович во вводной речи предупредил, что он будет решительно пресекать оскорбительные высказывания и что все, что будет говориться здесь, запрещается печатать где-либо. Печатать будет сама Академия наук. В заключение он отметил, что надо решить вопрос: надлежит ли и впредь рассматривать, следуя Дарвину, внутривидовую борьбу за существование как один из существенных факторов эволюции или предпочесть подход к ней, как к некоторому номеру цирковой программы.

Т.Д. Лысенко, по существу говоря, отказался от доклада. Он лишь напомнил, что касался рассматриваемого вопроса в двух статьях; новых соображений, кроме опубликованных, у него нет. Он просил всех выступающих цитировать его слова по подлинникам статей, так как интерпретация его мыслей другими людьми, да еще малосведущими, приведет только к ошибкам. Далее он бросил обвинение акад. И.И. Шмальгаузену, что тот под псевдонимом (под статьей были неверно набраны инициалы И.И.) пишет ложь, а эту ложь пропускает редактор «Литературной газеты» акад. М.Б. Митин (Митин присутствовал на заседании). После этого последовали выступления М.Б. Митина и И.И. Шмальгаузена. Шмальгаузен затем сделал очень толковый доклад, подтверждающий наличие внутривидовой борьбы. Последовал далее и доклад Сукачева, доказывающий то же самое. Выступил акад. Е.Н. Павловский с рядом зоологических примеров, показывающих необходимость правильного, дарвиновского понимания внутривидовой борьбы за существование. Слово взял П.А. Баранов. Его выступление Лысенко неоднократно прерывал репликами и довел до того, что Л.А. Орбели прекратил это выступление, превратившееся в обмен обоюдоедкими фразами. Слово взял А.А. Авакян. Сделав общий выпад против защитников дарвиновских позиций, он стал по-детски критиковать примеры внутривидовой борьбы за существование, приведенные В.Н. Сукачевым, чем неоднократно вызывал смех в аудитории. Говорилось им все вдобавок еще ядовито, и Л.А. Орбели вынужден был предупредить его дважды, что лишит его слова, если он позволит себе еще раз употребление оскорбительных выражений. Авакян ушел с кафедры, сделав обиженный вид.

Напряжение слушателей было крайне высоким. Предложения Орбели о перерыве отклонялись. Шел примерно 5-й или 6-й час заседания, когда слово для доклада было предоставлено мне. Были повешены таблицы опыта Лысенко с кок-сагызом и эти же данные при уничтожении в них ошибок. Полученные на основе

этих пересчетов кривые были сравнены с «нормальными» кривыми внутривидовой борьбы, что говорило о том, что опыты Лысенко не отрицают, а подтверждают наличие внутривидовой борьбы за существование. Были показаны методические ошибки в проведении самих опытов. Под возмущенные крики собравшихся Лысенко заявил, что он вообще не ставил никаких опытов с кок-сагызом. Ему просто натаскали корней с поля. Далее мною была дана классификация форм внутривидовой борьбы у растений и показано, что в своей статье Т.Д. Лысенко фактически двойственен: отрицая внутривидовую борьбу, он в то же время признает ее. С чем он вслух согласился. Слушая мой доклад, Лысенко многократно пытался сбить меня своими репликами. На первые из них я давал резкие ответы, а затем решил пренебречь ими и заглушал их усилением голоса. В конце, однако, мы обменялись комплиментами. Последней фразой моего доклада было: «Таким образом Т.Д. Лысенко впадает в противоречие с самим собой, Дарвиным и дарвинистами», и я пошел с кафедры, как раз мимо Лысенко, сидящего одиноко в первом ряду. Он встал и задал мне вопрос: «И с Вами?». Вытянувшись во фронт, я ответил: «Так точно!» и, оставив его растерянным, ушел на свое место. После моего доклада выступал ряд философов, доказывавших ошибочность высказываний Лысенко.

Было около или более 12 часов ночи, когда Л.А. Орбели, закрывая заседание и подытоживая общее мнение о неправильности позиции Т.Д. Лысенко, спросил его – настаивает ли он на открытой дискуссии, о чем он просил ранее. Лысенко заявил, что от открытой дискуссии отказывается.

На следующий день я получил распоряжение остаться в Москве и сдать свой доклад готовым к опубликованию. То же самое было предложено и другим докладчикам, так как Президиум АН или президент решили печатать материалы дискуссии немедленно. Доклад свой я сдал. То же сделали и другие докладчики, кроме Т.Д. Лысенко. Из-за этого печатание материалов задержалось. После же знаменитой августовской сессии ВАСХНИЛ, укрепившей позиции Лысенко, эти материалы Академия наук уже и не решилась опубликовать.

В материалах, сданных мною в Архив АН, находится часть подлинной стенограммы этого совещания с изложением моего доклада и репликами Лысенко.

После августовской сессии в Ленинграде работала какая-то комиссия по искоренению и выявлению ученых, не разделяющих взглядов Лысенко, особенно так называемых морганистов-менделистов. Совершенно случайно я попал в Доме Ученых на доклад, кажется, председателя этой комиссии – проф. Н.В. Турбина, впо-

следствии изменившего Лысенко. Помню, как он сказал примерно следующее, касающееся меня непосредственно: среди противников Лысенко имеются ученые, которые возражают ему принципиально и в то же время не имеющие никакого отношения к морганизму-менделизму. К числу их относится С.Я. Соколов. Таких людей мы уважаем!

Однако постановлением Ученых советов БИН и ЦНИИЛХ я был исключен из числа членов этих Советов. На заседаниях обоих Советов меня заставляли каяться в грехе. Я каялся: говорил, что выступал против Лысенко, по-видимому, несвоевременно, но я ни разу не говорил, что выступал с неверными утверждениями.

Многие из членов Ученого совета БИН подходили ко мне до заседания и смущенно говорили, что они вынуждены голосовать за исключение меня из членов Ученого совета, за что заранее просят простить их. Нашелся лишь один принципиальный человек – проф. Г.В. Пигулевский, который совершенно неожиданно для всех и для меня, в частности, выразил протест против всей постановки вопроса об исключении из Ученого совета меня, В.И. Полянского и В.Б. Сочавы и отказался голосовать.

Решение Ученого совета БИН сопровождалось вместе с тем настойчивыми предложениями дирекции и общественных организаций мне взять на себя вторично заведование Ботаническим садом. Я говорил о нелогичности этих предложений «штрафному», но в конце концов принял Ботанический сад в том же 1948 г.

Оранжереи Ботанического сада лежали в руинах и лишь частично были залатаны хозяйственным способом, хотя большинство разрушений, нанесенных Ленинграду во время блокады, было уже реставрировано. Малоинициативные Н.В. Шипчинский и директор института Б.К. Шишкин упустили все возможности получения средств для восстановления и оранжерей, и сильно пострадавшего парка. Хотя и не особенно вслух, но считалось в БИН, что вообще не стоит восстанавливать наши оранжереи в их прежнем великолепии. Я пошел на прием к С.И. Вавилову, президенту АН СССР, в один из его приездов в Ленинград и получил от него настоящий афронт: он мне прямо сказал, что Академия наук будет строить ботанический сад в Москве, а в Ленинграде хватит того, что есть и что восстанавливать оранжереи в Ленинграде Академия не будет. Не встречая должной поддержки у директора института, я вынужден был привлечь к этому вопросу внимание председателя Исполкома Ленинградского горсовета тов. Лазутина. Он несколько раз приезжал в Ботанический сад и, наконец, вопрос о восстановлении его был решен на сессии Ленгорсовета. Это же было поддержано и Горкомом и Обкомом ВКП(б). В следующий свой приезд С.И. Вавилов был вызван в руководящие ор-

ганизации, после чего пригласил меня к себе и просил дать ему предварительные соображения о проектировании восстановления оранжерей Ботанического сада и парка. Записка такая была представлена мною. Тогда началось то, что называется «волынкой»: восстанавливать оранжереи надо; дайте проект; а на проектирование денег нет, хотя соответственные задания к проекту мною были даны в Президиум АН, а оттуда в Академпроект. Дело было доведено до такого тупика, что я был вынужден обратиться с письмом к И.В. Сталину. Приезжаю однажды в Москву в Академпроект, и мне говорят что около Вашего дела заметно оживление: какой-то негодяй, мол, пожаловался Сталину, в ЦК вызывали акад. И.П. Бардина и проектирование, кажется, начинается. Во избежание недоразумений я дал разъяснение, что этим негодяем являюсь я. Составление проекта началось. Appetit приходит во время еды. В состав проекта, кроме восстановления оранжерей и парка, с благословения акад. И.П. Бардина были включены надстройка Гербария, зданий спорового отдела и Музея, строительство нового жилого дома и некоторые другие работы. Общая сумма стоимости осуществления проекта была доведена до 75 млн рублей.

В 1952 г. проект пошел на экспертизу в Комитет по строительству при Совете Министров. И началось! Почему проект превзошел разрешение Совета Министров, которое дано было только на восстановление оранжерей и парка? Снять все излишества! Надстройки Гербария, спорового отдела, Музея и постройка жилого дома сразу отпали. Пошли срезания денег, запроектированных на оранжереи: стоимость восстановления была доведена до 12 млн рублей. Это вполне устраивало, и мы условились с экспертами, что именно эта сумма будет доложена ими на заседании у председателя Комитета по строительству при Совете Министров. Какого же было мое удивление, когда мы встретились с экспертами через несколько дней в преддверии зала заседаний и они сообщили мне, что урезали проект до 3,5 – 4 млн рублей. Я сразу же заявил им, что на заседании я провалю их предложение.

В громадном зале заседания в конце длинного стола восседал мой раздраженный однофамилец. По бокам стола почтительно сидели какие-то неизвестные мне личности. Эксперты доложили проект, сообщив, что урезали его с 75 до 3,5–4 млн рублей, так как в нем, по разрешению И.П. Бардина, были допущены излишества. Председатель очень раздраженно вынес выговор Бардину, а затем дал слово мне. Взяв в руки альбом с фотографиями разрушенных оранжерей, парка и изгороди, я побежал по залу к его месту и также раздраженным голосом вступил с ним в острую перепалку. Подобный способ переговоров был, по-видимому,

редким в его кабинете, где сидели люди навтыяжку. Положительно через 5–10 мин вопрос был решен так, как его только и можно было решить в данный момент: возратить проект экспертам, обязав их выделить сумму, устраивающую действительную возможность восстановления оранжерей. Через несколько дней стало известно об отпуске на этот предмет 6,1 млн рублей. Это было маловато. Подумав, что освоение этой суммы потребует не менее пятилетия, а за это время экономика СССР, несомненно, улучшится, я не стал протестовать. Эта сумма нам и была отпущена Советом Министров в 1954 г.

Началось составление технического проекта; кроме меня, никто из ботаников БИН в нем участия не принимал. Началось и капитальное восстановление оранжерей Академстроем, организацией, получившей название Академнестроя, и нашим Отделом капитального строительства. Последний делал работы значительно лучше, чем первый. Все это стоило больших затрат энергии и нервов. И все же до сих пор (до 1960) огромная папоротниковая оранжерея еще не восстановлена полностью.

За время моего отсутствия в Ботаническом саду (1942–1947 гг.), как уже было сказано, им заведовал Н.В. Шипчинский. Как и огромное хозяйство Ботанического сада, так и научная работа в нем к 1948 г. оказались сильно запущенными, а культурно-просветительная работа почти прекращенной. Пришлось почти заново организовывать и то, и другое. Опять пришлось вводить методические записки по темам, разрабатываемым научными сотрудниками, организовывать курсы повышения квалификации для садоводов, проводить инструктирование экскурсоводов и налаживать экскурсии в парке и в оранжереях. Чтобы определить правильность избираемой тематики и быть убежденным, что она является хозяйственно актуальной, мне пришлось войти в тесный контакт и с Управлением садово-паркового хозяйства и зеленого строительства Ленинграда, где я был и состою теперь членом Научно-технического совета, а также стать на два года председателем Комитета по озеленению городов при ЛенОблНИТОлеса.

По моей инициативе, в 1949 г. в Ботаническом институте было созвано Всесоюзное совещание по зеленому строительству в целях содействия этой отрасли хозяйства, особенно, там, где города сильно пострадали за время войны. Это совещание, решения которого были разосланы многим правительственным, хозяйственным и научным организациям, имело определенное положительное значение и для теории, и для практики зеленого строительства.

С 1949 г. удалось начать выпуск капитальной сводки «Деревья и кустарники СССР», с 1950 г. и выпуск Трудов отдела в виде ше-

стой серии Трудов БИН – «Интродукция и зеленое строительство». К 1960 г. вышло 7 выпусков.

Необходимо было теперь составить себе полный отчет в теории акклиматизации и интродукции растений. Такая сводка взглядов с выяснением и своей позиции была сделана мною. Однако эти взгляды следовало проверить возможно строже и с разных сторон. Поэтому в 1953 г., по моей инициативе, была созвана Всесоюзная конференция по теории и методам акклиматизации растений. Труды этого совещания опубликованы. Совещание показало, что мои позиции в значительной мере правильны и что существенно новых точек зрения в теории интродукции, кроме известных мне, у ученых СССР нет. Вместе с тем ясно стало и то обстоятельство, что многие из них до сих пор путают между собой два понятия «интродукция» и «акклиматизация». Для меня стало возможным приступить к разработке теории этих двух вопросов, имея в виду их разработку особенно на материалах, изложенных в шести томах «Деревья и кустарники СССР». Этим я и занят в настоящее время.

В эти и последующие годы у меня было ежегодно до 12 докторантов и аспирантов. Большинство из них защитило диссертации, как и некоторые сотрудники Ботанического сада, не проходившие докторантуры и аспирантуры.

В 1953 г. директор БИН передал в Ботанический сад ряд сотрудников, занимающихся вопросами интродукции технических, лекарственных и плодовых растений. Этот акт я считал правильным: интродукционная работа должна была быть сосредоточена в одном отделе института. Переведенная группа сотрудников оказалась очень мало квалифицированной. С ней пришлось много работать, чтобы заставить делать что-то толковое.

Чтобы наладить как следует интродукционную работу в широком плане, по моей инициативе, в 1956 г. была созвана еще одна Всесоюзная конференция, основными организаторами которой были В.С. Соколов и И.Ф. Сацыперова. Конференция была посвящена вопросу введения в культуру новых полезных растений, особенно, из дикой флоры СССР. Она строилась по следующему плану: 1) какие новые хозяйственные растения и в каких количествах необходимы производственным организациям? Этот вопрос должен быть освещен в докладе представителей Министерств и хозорганизаций; 2) какие новые хозяйственные ценные растения уже интродуцированы научными учреждениями и могут быть ими рекомендованы для широкого внедрения в культуру? 3) над каким видовым составом новых полезных растений с целью введения их в культуру будут далее работать те или другие научные учреждения и хозяйственные организации? Конференция сделала свои рекомендации по этим трем разделам. Они были ра-

зосланы в ЦК КПСС, Совет Министров и т.д. Труды этой конференции были опубликованы в тезисах, в виде практических предложений и, наконец, в полном виде. Все эти конференции и съезды имели, несомненно, большое значение для поднятия деятельности ботанических садов и родственных учреждений, а также для координации работ и направлений их на разрешение вопросов, имеющих крупное народнохозяйственное значение.

С 1948 г. по 1957 г. наш Ботанический сад был координирующим органом по проблеме интродукции и акклиматизации растений, разрешаемой во всех филиалах Академии наук СССР и академий союзных республик, а также и во внеакадемических ботанических садах. Первые три года все отзывы по планам и отчетам большого количества учреждений писал я сам. Затем эта большая работа была распределена между рядом сотрудников отдела, но строго контролировалась мною. На многих конференциях, созываемых Отделением биологических наук и БИН, мне приходилось делать доклады, обобщающие состояние проблемы «интродукция и акклиматизация растений в СССР» и о планах ее разрешения.

В конце 1956 г. на Втором Всесоюзном съезде ботанических садов, созванном Советом ботанических садов, координация названной проблемы, по моему предложению, была целиком возложена на Главный ботанический сад АН СССР.

Говоря о координационной и методологической (методической) работе, нельзя не сказать о том, что, начиная с 1938 г., мною давалось очень большое количество консультаций приезжающим сотрудникам различных ботанических институтов, садов, опытных станций. Кроме того, я выезжал на места работ. Так в течение 1938–1941 гг. мною консультировались работы Ботанического сада АН Белорусской ССР. В 1941 г. за эти работы, по представлению этого сада, моя кандидатура была выдвинута в академики АН БССР. Выборы не состоялись из-за начавшейся войны. После войны я консультировал на месте работы Куйбышевского ботанического сада, ботанических садов Молдавского филиала АН СССР, Армянской ССР и частично ботанических садов Абхазской АССР, Башкирской АССР, Узбекской ССР, Полярно-альпийского сада Кольского филиала АН СССР.

Начав выпускать сводку «Деревья и кустарники СССР», я убедился, что в литературе имеется очень немного сведений о биологии и экологии как диких, так и, особенно, интродуцированных древесных пород. Путем открытых писем, опубликованных в журнале «Природа» и «Ботанический журнал», удалось привлечь к выяснению этих вопросов десятки лиц и получить от них сведения. Кроме того, с 1953 г. в Риге и Ташкенте, по моей инициативе, были собраны специальные совещания дендрологов: первое – прибалтийских

республик, второе – среднеазиатских, на которых была принята разработанная мною программа составления региональных дендрологий. Эта же программа была принята совещанием дендрологов кавказских республик и Дальневосточным филиалом АН СССР. Таким образом, было организовано начало составления региональных дендрологий, должных, в частности, дать материал для второго издания «Деревья и кустарники СССР». В дальнейшем я в силу ряда причин ослабил свое внимание к фактическому состоянию этих работ. В результате – «Дендрология Прибалтики» (руководитель – акад. Вага Л.Я.), видимо, подходит к концу, то же самое и «Дендрология Кавказа» (акад. В.З. Гулисашвили); изданы «Деревья и кустарники Сахалина» (проф. А.И. Толмачев), издаются «Деревья и кустарники Молдавии» (проф. В.Н. Андреев), изданы «Деревья и кустарники, интродуцированные в Абхазии» (доктор биол. наук А.В. Васильев); оказались несостоятельными дендрологи Средней Азии (руководитель – чл.-корр. АН УзССР Ф.Н. Русанов).

В этот же период деятельности в нашем Ботаническом саду мною и коллективом сотрудников давались консультации по проектам строительства следующих ботанических садов – Белорусской, Узбекской, Таджикской Академий наук, Кольского, Молдавского, Уральского, Дальневосточного филиалов АН СССР, Московского и Днепропетровского университетов, Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений.

В 1957 г. неожиданно для меня я был командирован Академией наук СССР в Китай для участия в работе комплексной китайско-советской экспедиции. Эта экспедиция уже работала два года. В задачу отрядов, состоящих из энтомологов и ботаников, входило изучение биологии шеллакового червеца (энтомологи) и биологии, а также и экологии древесных пород хозяев (ботаники). Ботаники должны были решать вопрос о расширении и улучшении пищевой базы для червеца, а затем и участвовать в интродукции червеца в СССР, указав древесные растения, на которых следовало бы его разводить. Ленинградские врачи не советовали мне ехать в Китай, так как у меня уже была стенокардия. Однако согласились дать разрешение, будучи, как и я, убеждены, что пропускать этот случай возможности побывать в тропических лесах Китая, очень обидно. 5 февраля 1957 г. мы, Ан.А. Федоров (начальник отряда), И.А. Линчевский и я, выехали в Москву. 6–8 февраля вместе с энтомологами А.С. Мончадским, Н.С. Борхсениусом, географом Д.В. Панфиловым и климатологом А.В. Шнитниковым мы провели в непрерывной и бестолковой беготне для оформления документов.

Ровно в 00 ч 9 февраля ТУ-104 поднялся в воздух с мокрого аэродрома и ушел высоко за серую муть, одевающую землю.

03.35 – Омск, начинает чуть-чуть светлеть. 06.30 – совершенно светло. Справа видны белые заснеженные вершины Саян, пояс черневых лесов. Ан.А. Федоров, знающий Саяны, узнает отдельные хребты и вершины. Меандры р. Кан как будто выписаны на снегу. Лиственничная тайга. Благодаря теням деревья кажутся стоящими в правильных рядах, тянущихся с запада на восток. 07.30 – Иркутск – -41° . Выходить из самолета нет никакой охоты! В 08.55 вылетели из Иркутска; 09.05 – Байкал. Горы, одетые лиственницей, гольцы и заснеженные пади. Вот Гусиное озеро. В 09.15 самолет довольно резко поворачивает к югу. Монголия представляется заснеженным эродированным плато, вовсе ненаселенным. В 10.40 под самолетом бегут сплошь обработанные плоскогорья и даже значительные горы, заснеженные лишь частично по межам, превращенным преимущественно в каналы. Начался Китай. Все обжито. Вдоль канав посадки листопадных деревьев. Вдали показывается желтоватое облако пыли и в 11 ч самолет садится на Пекинский аэродром. -12° . Снег. Летели мы вместе с акад. В.Н. Сукачевым, С.В. Зонном и Н.В. Дылисом, которые должны были исследовать леса Юньнана.

На аэродроме нас встретили многие китайские ученые во главе с Чжу Кэ-чжэном, вице-президентом АН Китая, приехавшим к нам в Ленинград. Здесь же на аэродроме мы получили настойчивые предложения сделать 13 февраля доклады на Всекитайском съезде ботаников. Предложения эти следовали так: 1) Не будете ли Вы любезны сделать доклад; 2) Мы рады, что Вы изъявили согласие сделать доклад; нас интересует тема; тема – любая, какую Вы выберете сами; 3) Какая же тема доклада? Имейте в виду, Ваш доклад будет 13 февраля около 3 часов дня; 4) Когда Вы дадите доклад в письменном виде: его надо перевести на китайский язык, – спрашивали уже через час переводчики, пришедшие в номер гостиницы. В это же время пришел и будущий начальник работ в Цзиндуне проф. Лю Цун-ло и назначил заседание для разработки программы работ стационара и проф. У Чжэн-и для составления маршрутов экспедиции.

Пришлось не спать ночь и написать доклад на тему «Интродукция и акклиматизация растений в СССР». В.Н. Сукачев делал доклад на русском языке, а переводчик переводил. Доклады С.В. Зонн, Н.В. Дылис; доклады Ан.А. Федорова, В.И. Полянского и мой были переведены заранее. Мы только приветствовали съезд на русском языке и в нескольких фразах давали общее содержание доклада. Мой доклад читал директор Пекинского ботанического сада Юй Дэ-дзюн, а у доски стоял проф. У Джен-и, который довольно часто писал некоторые слова иероглифами; по-видимому, это были слова, которые в разных частях страны

произносятся различно. В Пекине 14 февраля мы побывали только в Музее естественной истории и сельского хозяйства. 16 февраля утром вылетели в Кантон.

От Пекина (подъем в воздух 07.10) до Чжэнчжоу самолет идет над сплошь обработанной слегка заснеженной равниной, прорезанной относительно небольшими реками, имеющими очень широкие долины, заполненные молодым аллювием. Справа видны очень глубокие каньоны, прорезанные этими реками, по-видимому, в лессовых предгорьях Айханьшаня.

09.30 – Чжэнчжоу. На аэродроме безлистные *Ulmus pumila* и *Robinia pseudoacacia*, пустынно-степные злаки. Сероземная почва. Далее на Ухань, за исключением невысокого хребта Хуайяньшаня, самолет идет так же над сплошь обработанной равниной. Небольшие речки и водоемы покрыты льдом, большие реки – с припаями льда; в горах на северных склонах – снег; южные свободны от него. Горы сплошь террасированы. За Хуайяньшанем начинаются рисовые поля с их специфической и сверху видимой террасовой структурой. Огромная долина реки Янцзы, самая мощная река Китая с большим количеством разных парусников; строящийся мост. Огромный город Ухань с новыми корпусами заводов. Около аэровокзала вечнозеленый *Euonymus japonicum*, *Ligustrum japonicum*, *Juniperus chinensis* и *Trachycarpus fortunei*, с которого при нас снимали материю, закрывавшую его на зиму. Около Уханя много зимних огородов с капустой. В 12.30 вылетели из Уханя на Кантон. Под Уханем много искусственных водоемов. Мелкохолмистая равнина вся обработана. Начинаются красноземовидные почвы. Лесов нет. 12.50 – довольно значительные Южно-Китайские горы, отдельные вершины которых поднимаются почти до 2000 м. На северных склонах снег. Обработано все, что доступно и, кажется, не доступно. Террасированные склоны, по ручьям поднимающиеся очень высоко. Лесов нет. Самолет уходит в высь до 3200 м. Облака, к моей досаде, закрывают горы. В 15.15 самолет начинает снижаться; показывается величественная панорама реки Сицзян (Жемчужная река). Зеленые деревья и зеленые поля. Почва красная (кирпичная). Высокий колючий бамбук, бананы, пальмы. На аэродроме около аэровокзала прекрасные экземпляры *Cycas revoluta*, цветущие *Salvia splendens* и георгины в горшках, амариллис. Кантон преимущественно двухэтажный, крайне живой город, весь в магазинах, находящихся за галереями, покоящимися на четырехугольных колоннах, исписанных красными и черными иероглифами. Вдоль шоссе с аэродрома в город вечнозеленые акации и эвкалипты; близ гостиницы «Победа» – вечнозеленые роскошные фикусы с воздушными корнями, манго, пальмы, саговники, коричники, алевроиты и т.п. На каналах и ре-

ке города джонок, на мощной реке парусные суда и океанские пароходы. Тропики, но мы начинаем мерзнуть! 11°, но очень сыро; временами дождь, низкие облака. Поневоле бросаемся покупать теплые свитера. Вот и доехали до тропиков. В эти и ближайшие дни высокое давление было в Сибири, и холодный воздух отсюда проникал не только в Кантон, но и дальше на остров Хайнань, где 19 февраля, когда мы прилетели, было всего лишь 14–15°. На Хайнани уже в настоящих тропиках температура зимой падает, оказывается, нередко до 7°, а несколько лет назад были случаи инея в низинах и 4° на нижних частях склонов.

В Кантоне мы успели немного посмотреть город, парки, музей и вечером 18 февраля – выставку фонарей на празднике фонарей. 18 февраля самолет не мог вылететь из-за низкой облачности; 19 февраля в 07.40 мы вылетели в двух самолетах, один из которых вернулся обратно, а второй с нами все же сел на аэродром в Хайкоу в 10.05. Летели в сплошных облаках. Лишь с высоты 100 м стало проглядывать бурное серое Южно-Китайское море; мелькнули кокосовые пальмы, бананы и бамбук, и самолет уткнулся на аэродром г. Хайкоу. Здесь мы переночевали в гостинице и на другой день на машинах (мы на ярославском автобусе) поехали в центр автономного округа народностей мяо и ли. Отсюда сделали несколько экскурсий в тропические леса типа rain-forest и на опытные станции: посетили затем несколько госхозов, занимающихся культурой тропических растений, были на территории будущего ботанического сада и в мангровых лесах по восточному берегу острова. Поездка эта оставила огромное впечатление, как, впрочем, и вся экспедиция в Китай.

Хайнань – небольшой остров в Южно-Китайском море, касающийся своей северной частью 20° с.ш. Северная часть острова с затеком на запад – равнина. Она вся, главным образом, под полями риса, урожай которого снимают здесь 2–3 раза. Межи рисовых полей нередко покрыты опунцией, агавой и панданусом. Южная часть острова гориста. Горы сильно эродированы там, где в большей своей части обезлесены и покрыты высокой злаковой вторичной саванной. Вершины поднимаются до 1880 м – это недавно потухшие вулканы. Лишь в малодоступных горах и по ущельям сохранились здесь остатки дождевых тропических лесов. Кажется, все, что возможно, террасировано и превращено в течение тысячелетней культуры в рисовые поливные поля. На межах кокосовые пальмы. Кое-где рощи этих пальм, плантации ареки и сахарного тростника, банана. 40 лет назад начали разводить здесь каучуконосную гевею и масличную пальму, а совсем недавно сизаль (*Agave sisalana*), кофе, какао, ананас, эфиромасличные злаки.

С 20 февраля по 09 марта мы совершали переезды и экскурсии в горы и на плантации с раннего утра и до позднего вечера. Погода благоприятствовала нам: в этот период мало дождей. Повидимому, переутомление и резвость не по годам (кругом масса интересного!) сказались, и у меня начались болезненные приступы стенокардии. Я их скрывал от товарищей, чтобы меня не выкинули из поездов. 9 марта мы вылетели в Кантон и благополучно прилетели туда. У меня случился сильный приступ болезни и инфаркт миокарда. В результате его я немедленно попал в Кантонскую народную больницу. Здесь мне отвели отдельную чудесную комнату с двумя сплошь застекленными стенами и чрезвычайно заботливо, заботливо до трогательности, лечили и ухаживали за мной. До 17 марта навещали все товарищи, бывшие в экспедиции, в том числе Чжу Кэ-чжэн и В.Н. Сукачев. 17 марта они улетели в Куньмин. Затем почти ежедневно навещали китайские ученые, особенно проф. Чень Хуань-юн, директор Ботанического института Южного Китая, и Хэ Кан – директор Института тропических культур; был Ту Ко-чен – уполномоченный Академии наук по Южному Китаю и много других китайцев, исключительно милых и любезных. Почти каждый дарил фрукты и цветы. Из советских специалистов, живших в Кантоне, ко мне нередко заходил В.И. Ершов, лесовод, три года занимавшийся культурой геви, со своей милой супругой, снабжавшей меня книгами.

Под окном рос *Aleuritus malucana*, ветки которого доставал мне переводчик, живший со мной в палате; эти ветви я и исследовал.

Было сначала холодно (14–15°); лишь с 20 марта стало около 17°, а затем и потеплее. Три раза в день переводчик, а затем и я сам вывешивали термометр за окно и записывали температуру. Начались частые дожди. Настоящее тропическое низвержение воды с неба; завеса воды настолько густа, что деревья фикуса, росшие в 10 м за окнами, становились невидимыми. Влажность воздуха в палате была настолько высока, что изразцовый пол, вытертый сырой шваброй утром, в течение многих часов оставался сырým. При +27° и огромной влажности воздуха лежать в кровати приходилось в «собственном соке».

14 апреля меня выписали из больницы. Переночевав в гостинице, я на следующее утро вылетел в сопровождении переводчика в Пекин. Несмотря на очень ранний вылет самолета, меня явились провожать любезные врачи из больницы и проф. Чен с сыном.

В Пекине встретили проф. Юй Де-дзюн и Линь-жун с врачом и санитарной машиной. Отвезли в госпиталь Красного Креста, где два врача после осмотра меня настаивали на том, чтобы я лег в госпиталь. Однако мне удалось получить их согласие отправиться в гости-

ницу. Только я приехал туда в сопровождении Юй Де-дзюна и Линь-жуна, как один из врачей явился вновь ревизовать мое состояние.

В этот же день в Пекин прилетели В.Н. Сукачев, С.В. Зонн и Н.В. Дылис; заходил ко мне акад. Н.А. Стоянов, приехавший познакомиться с растительностью Китая, навещали китайские ботаники. Явился русский врач и запретил лететь в Москву на ТУ. Обменяли билет на железнодорожный. 20 апреля простился с улетающими в Москву В.Н. Сукачевым, Н.В. Дылисом и С.В. Зонном и в этот же день потихоньку съездил осмотреть загородный, бывший императорский, парк.

21 апреля чуть-чуть не опоздал на поезд. Наше посольство сделало так, что рядом со мною ехали две медсестры, возвращающиеся в Москву после трехлетнего пребывания в Китае. Анна Дементьевна и Клавдия Михайловна оказались очень милыми и любезными. Их медицинская помощь мне, к счастью, не понадобилась. 27 апреля я вышел в Москве из вагона еле живым – дорога сильно утомила меня. В Москве меня встретила дочь и многие друзья. 28 апреля я был уже дома в Ленинграде.

Так и закончилось довольно печально это путешествие в Китай. С мая по октябрь 1957 г. я провел в санатории под Москвой, а затем там же в стационаре АН, так как с сердцем было очень плохо. С ноября по февраль 1958 г. я жил на Карельском перешейке на даче у писателя Г.И. Матвеева, моего друга. Здесь на свежем воздухе без лекарств я уже значительно окреп. За осень и зиму я исследовал силлептические побеги у серой ольхи и связь их с образованием ложных годичных колец.

С февраля 1958 г. я начал заниматься редактированием 5-го тома «Деревья и кустарники СССР» и, чтобы избавиться от заведования Ботаническим садом, уехал на стационар в Отрадное на Карельском перешейке. Здесь я исследовал за лето результаты интродукции грецкого ореха, посеянного семенами различной репродукции, учел опыт борьбы за существование в посеве дуба, продолжал сбор материала по силлептическим побегам у древесных пород и обнаружил массовые тераты у люпина при вторичном цветении. В июле этого года дирекция БИН, наконец, вняла моим просьбам и освободила меня от заведования Садом.

Сперва это было болезненно. Но через некоторое время я почувствовал, что впервые в жизни получил возможность делать свои работы, а не чужие: с плеч сбросилась огромная нагрузка, превращавшая жизнь в сплошной калейдоскоп мелкой, часто ненужной, суеты. Несколько последних лет я был членом редколлегии Ботанического журнала. С 1952 г. на его страницах было разрешено начать дискуссии по вопросам дарвинизма, о понятии вида у растений и о видообразовании. С 1948 г. после ав-

густовской сессии ВАСХНИЛ все эти вопросы не разрешалось обсуждать. Они получили свое освещение на страницах журнала «Агробиология» и приняли совершенно уродливую форму. Дискуссия в 1952–1958 гг., проведенная на страницах «Ботанического журнала», показала полную несостоятельность трактовки этих вопросов в «Агробиологии» и в других изданиях, близких к ней. Дискуссия содействовала выработке правильных, дарвиновских взглядов в биологии. Однако в конце 1958 г. последовала совершенно непонятная отрицательная оценка этой дискуссии со стороны Н.С. Хрущева. Президиум АН настолько, очевидно, растерялся, что не нашел ничего лучше, как распустить редакцию Ботанического журнала и назначить новую, хотя состав редколлегии журнала всегда был выбираем Ботаническим обществом.

В 1959 г. я заканчивал редактирование 5 и 6-го томов «Деревья и кустарники СССР» и сдал первый из них в печать, заканчивал изучение материалов, собранных в Отрадном в 1958 г.; начал закладку дендрологического сада в Отрадном; начал также и работу по итогам интродукции древесных пород в СССР, географии и истории древесных пород дикой флоры.

5-й том «Деревья и кустарники СССР» вышел из печати в 1961, а 6-й – в 1962 г. Все издание было представлено БИН в 1962 г. на Ленинскую премию. Оно, при благоприятном отзыве комиссии было, однако, отклонено как незаконченное: в предисловии к 6-му тому я, действительно, обещал дать продолжение издания с теоретическими заключениями.

Продолжая работу по географии диких древесных с О.А. Связевой, мы выпустили из печати в 1965 г. «Географию древесных растений СССР» как 7-й том «Деревья и кустарники СССР» и «Хорологию древесных растений СССР» (Жомаровские чтения, 17).

Географию древесных СССР продолжаем и дальше – составляются точечные или контурные карты ареалов и тексты к картам. Я надеюсь успеть издать атлас ареалов деревьев и кустарников СССР...

В 1963 г. летом я совершил поездку в ленточные боры Западной Сибири и в Казахский Алтай (бассейн реки Бухтармы) вместе с Г.В., А.Г. Крыловыми и С.Н. Речан, а в 1966 г. – в Джунгарский Алатау с сотрудниками Ботанического сада и Лесной опытной станции Казахстана. Обе эти поездки были очень важны для меня, чтобы своими глазами увидеть многие древесные в тех частях их ареалов, которые я до сих пор не знал.

В эти же годы я бывал на консультациях в Киевском, Кишиневском ботанических садах, на съездах ботанических садов Прибалтики, Сибири, Казахстана и в Совете ботанических садов.

В 1963 г. по поручению Президиума ВБО я пересмотрел Устав Общества и доложил на Всесоюзном съезде членов Общества (в комиссии, кроме меня, участвовали Н.А. Аврорин и И.Х. Блюменталь). По поручению этого же Президиума мною было рассмотрено выполнение в РСФСР закона об охране природы и сделано предложение по улучшению состояния охраны природы в СССР. В 1965 г. по поручению Президиума ВБО написал новую программу курса ботаники для средней школы.

В 1962 г. я был избран зам. председателя секции «Лесоведения и лесоводства» ВБО (председатель – проф. А.А. Корчагин). В 1965 г. этой секцией было проведено расширенное совещание с последующими предложениями, направленными в ЦК КПСС и в Совет Министров СССР об упорядочении лесного хозяйства в СССР и о необходимости организации Министерства лесного хозяйства. Последнее было услышано: Министерство лесного хозяйства РСФСР (и в других республиках) и Комитет по лесному хозяйству СССР организованы; разрабатывается основной лесной закон.

В настоящее время я продолжаю работать над географией древесных дикой флоры СССР, главным образом над текстами и картами.

(С.Я.Соколов. Конец 1960-х гг.)

Последние годы жизни

К сожалению, завершить работу над «Атласом ареалов деревьев и кустарников СССР» Сергей Яковлевич все-таки не успел. Он одновременно подготавливал материал для всех трех томов и очень спешил все закончить, но огромный, порой непредсказуемый объем работы для небольшого коллектива сотрудников в какие-то моменты казался нескончаемым. Сергей Яковлевич сконцентрировал все свои усилия на составлении текстовых характеристик к картируемым видам. И, наверное, все успел бы сделать, но ... бесконечные консультации местных и иногородних ботаников, лесоводов, озеленителей, архитекторов, отзывы и рецензии на бесчисленные статьи, кандидатские и докторские диссертации отнимали силы и время. Ухудшилось состояние здоровья: мучила стенокардия. Но, казалось, еще можно успеть после завершения атласа ареалов дикорастущих растений приняться за аналогичную географию древесных экзотов. В это же время Сергей Яковлевич, по просьбе докт. биол. наук А.И. Шретера, вошел в редколлегию «Атласа ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР» и горячо обсуждал с А.И. Шретером все тонкости создания этого атласа. Мечтал и о другом – о географии жизненных

форм древесных, собирал литературные выписки по этой теме. И при всем этом никогда не забывал о проблемах Ботанического сада, дендропитомника на НОС БИН «Отрадное»: горевал, переживал, помогал, советовал, учил ... Оставался деятельным членом Ученого совета БИН, членом редколлегии «Ботанического журнала», энергичным защитником природы. В октябре 1970 г. Сергей Яковлевич совершил свою последнюю поездку на совещание дендрологов в Прибалтику (Саласпилс), где, как всегда, выступал с докладом.

8 марта 1971 г. Сергей Яковлевич скоропостижно скончался от инфаркта миокарда. В кабинете на его рабочем столе остались неоконченные тексты к картам для «Атласа ареалов деревьев и кустарников СССР», а на рабочем столе дома – докторская диссертация очередного соискателя (И.Ю. Коропачинского), нуждающегося в его советах.

С уходом из жизни Сергея Яковлевича прекратился всегда казавшийся неиссякаемым поток приходящих и приезжающих к нему на консультации в Ботанический сад: всем нужен был именно его совет, нужна именно его помощь.

Количество людей, пришедших на гражданскую панихиду попрощаться с Сергеем Яковлевичем, было, как любил говорить он сам, поистине огромно: коллеги, ученики, архитекторы и озеленители, сотрудники других институтов и организаций города. Прощание проходило в зале Ученого совета БИН, где когда-то в далеком 1938 г. он с блеском защищал докторскую диссертацию.

Десятки телеграмм со всех концов страны принесли в этот зал слова искренней скорби:

«Ботаники Урала и Поволжья испытывают чувство самой глубокой печали в связи с кончиной выдающегося дендролога и интродуктора с мировым именем, замечательного человека и ученого Сергея Яковлевича Соколова. Совет Ботанических садов Урала и Поволжья выражает искреннее соболезнование коллективу Ботанического сада, института, родным и близким покойного. Председатель Совета доктор биол. наук Мамаев».

«Члены Молдавского отделения Ботанического общества глубоко скорбят по поводу кончины крупнейшего дендролога, замечательного человека, друга молдавских ботаников Сергея Яковлевича Соколова. Совет МО ВБО».

«Коллектив ботаников Института экологии растений и животных выражает искреннее соболезнование по поводу тяжелой утраты – кончины крупнейшего дендролога и геоботаника профессора Сергея Яковлевича Соколова. Сотрудники института».

Сергей Яковлевич Соколов похоронен на Богословском кладбище в Ленинграде.

О научном наследии

Экспедиции и поездки

С.Я. Соколова нельзя отнести к разряду «кабинетных» ученых. Вся его жизнь – это многочисленные поездки по стране: экспедиции, тематические поездки в различные регионы, поездки консультационные в ботанические сады, поездки на совещания и т.д. Он горевал, что никогда не был на Дальнем Востоке, а свой экспедиционный выючный ящик хранил в кабинете до конца жизни. Во время поездок не расставался с акварельными красками и всегда привозил чудесные акварели, а в качестве отчета устраивал из них в кабинете художественную выставку, иногда дополняя ее резными деревянными фигурками. Экспедиционные поездки Сергея Яковлевича далеки от типа «прогулочных». Это тяжелейший труд не только геоботаника-исследователя, но и организатора большого коллектива участников экспедиции, огромная ответственность, связанная с выполнением народнохозяйственных задач.

20–40-е гг. XX в. – период в жизни Сергея Яковлевича, наиболее связанный с экспедиционными поездками.

1924 г. – побережье Белого моря от Сорокской губы до р. Кемь в качестве заведующего лесоустроительной партии Колонизационного отдела Мурманской железной дороги.

1924–1928 гг. – поездки в учебно-опытные лесничества Лесотехнической академии для изучения типов леса в них в связи с лесоустройством: 1924 г. – Шелековское лесничество (Архангельская обл.), 1927 г. – Баково-Варнавинский лесной массив (Нижегородская обл.), 1928 г. – Хинельское (Брянская обл.) и Лисинское (Ленинградская обл.) лесничества.

С 1929 по 1945 г. он участвует в крупнейших комплексных экспедициях.

1929–1930 гг. – Западное Закавказье в пределах Краснодарского края (от Анапы до границы с Абхазией) – район работы Кавказской экспедиции ЦНИИЛХ. Начальник экспедиции – проф. В.Н. Сукачев, заместитель по научной части – С.Я. Соколов. Задача, стоящая перед экспедицией, – изучение экологии, биологии и запасов ценных древесных пород (каштана, самшита,

грецкого ореха и др.) и разработка приемов организации хозяйства в лесах, образуемых этими породами. В экспедиции, в которой участвовало около 70 научных сотрудников, Сергей Яковлевич непосредственно руководил работами дендрологического и пяти лесоводственных отрядов. Научным отчетом Сергея Яковлевича о результатах исследований стали две публикации: «Общий естественно-исторический и лесоводственный очерк Сочинского района» (1931), который проф. Н.И. Кузнецов [1934. С. 163] охарактеризовал как «замечательно интересное и всестороннее описание некоторых типов лесов Сочинского района Западного Закавказья, имеющее большое значение как для дальнейшего детального познания сообществ Колхидской провинции Кавказа, так и для более рационального использования ценных пород Закавказья в лесохозяйственной практике страны».

Вторая публикация появилась в Трудах Ботанического института АН СССР спустя 21 год: «Некоторые ценные древесные и кустарниковые породы северной части Черноморского побережья Кавказа» (1952). В ней Сергей Яковлевич дает всестороннюю биологическую, геоботаническую, биохимическую характеристики древовидных можжевельников, скумпии и, особенно, каштана с описанием типов леса, образуемых каштаном, с таксационной характеристикой древостоев, химическим составом плодов и вопросами ведения хозяйства в каштанниках. Кратко охарактеризованы и другие ценные древесные породы – тис, хмелеграб, клен высокогорный, фисташка. Приведена и карта ареалов ценных пород на Черноморском побережье Кавказа.

1931–1932 гг. – экспедиция в Кавказский заповедник с целью его геоботанического и лесоводственного обследования. Организация Горной лесной опытной станции в этом заповеднике, которая создавалась для изучения местных массивов заповедника и прилегающих лесных районов и стимулирования ведения лесного хозяйства, лесной промышленности и лесной экономики, для разработки методических программ. Первоочередными задачами были инвентаризация и картирование лесов заповедника, составление таблиц хода роста лесов из бука, дуба, пихты, без чего невозможна рациональная эксплуатация леса, изучение технических свойств древесины и технологических свойств плодов, коры, листьев и др. Первым заведующим этой станцией был С.Я. Соколов.

1933 г. – Южная Киргизия: С.Я. Соколов – начальник Лесного отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР, организованной СОПС АН СССР. Лесной отряд был сформирован на основе отдела геоботаники БИН для выполнения специального задания Экспортлеса: выяснение природы образования наплыва

на грецком орехе, запасов этого наплыва и возможности его эксплуатации в лесах Южной Киргизии (сырье шло на экспорт), а попутно установление запасов древесины и других ценных пород. Однако Лесной отряд, сверх поставленной задачи, разработал типологию ореховых лесов обследуемого района, основные направления ухода за ними, а также наметил перспективы использования не только ореховых лесов, но и лесов из яблони, фисташки и алычи. Учитывая, что освоение запасов наплыва грецкого ореха должно проходить в пределах разумного лесопользования, Лесной отряд поднял проблему колоссальной важности: организация лесоплодовых совхозов, составив и передав производственным организациям техническую инструкцию.

Проблему организации специализированных лесных хозяйств Сергей Яковлевич поднимал еще в 1933 г. на страницах журнала «Советская ботаника» по поводу разведения каштана на Кавказе. В 1934 г. после экспедиции в Южную Киргизию он возвращается к ней на страницах этого же издания, а в 1935 г. – на Второй конференции по освоению природных ресурсов Киргизии. В 1938 г. Сергей Яковлевич в соавторстве с П.А. Красовским и Л.И. Сосниным опубликовал результаты обследования лесов из грецкого ореха, проведенного геоботаниками Лесного отряда: «Ореховые леса Южной Киргизии». В статье, вышедшей из печати в 1936 г., «Плодовые леса Киргизии и перспективы их использования» Сергей Яковлевич, обрисовав нерациональное использование огромных лесных богатств региона и возможные перспективы разумного хозяйствования в них, наметил ряд неотложных исследовательских задач и поднял вопрос об организации постоянных исследовательских станций в связи с тем, что многие вопросы могут быть решены лишь стационарно. Не ограничиваясь научными публикациями, Сергей Яковлевич в 1934 г. пишет статью «Золотой источник» в газету «Советская Киргизия», где в весьма доступной для читателя форме рассказывает о том, что же представляет собой наплыв на грецком орехе, для чего он используется и как можно увеличить его качество. Но плодовые леса Киргизии это не только и не столько древесина. Это еще и плоды грецкого ореха, яблони, алычи, фисташки, шиповника, боярышника, барбариса – богатство, которое не собирается, а остается гнить в лесах. «Это огромное богатство, данное природой, надо заботливо сохранить и привести в порядок – вырубить хлам, убрать ненужные деревья, деревья подавленные, больные, мешающие полному плодоношению соседей, привести его в культурное состояние, заставить поднять его урожайность. Если общеизвестно, что грецкий орех в своих орехах имеет 50% съедобной части, а в этой последней 60–73% масла, масла съедобного, нужного для лакокрас-

сочной промышленности, то мало кто знает, что из зеленой оболочки ореха получают таниды и прекрасную черную краску, что деревянистая оболочка ореха имеет фосфористые соли и является прекрасным удобрением для почвы, что кора ореха также таннидна, что листья ореха применяются в медицине и из-за своих эфирных масел – в косметике. На 1 га орехового леса ежегодно получается 2–3 тонны листьев» [29. С. 2].

При этом все рассуждения Сергея Яковлевича сопровождаются цифрами: сколько и какого сырья может быть получено. И основной вывод: «Не подлежит сомнению, что бесхозный золотой фонд Киргизии, в виде ее плодовых лесов, должен быть вовлечен в хозяйство. Организация совхозных индустриальных лесных хозяйств должна быть начата как неотложная задача дня» [24. С. 102].

1934 г. – Сергей Яковлевич – начальник Абхазской геоботанической экспедиции, организованной БИН на средства СОПС АН СССР и Управления субтропическими культурами Наркомзема СССР. Задача экспедиции – геоботаническое изучение лесов и лесного хозяйства Абхазии и выяснение возможности интродукции в лесные массивы технически значимых иноземных древесных пород. В составе экспедиции – В.А. Поварницын и В.П. Малеев. Экспедиция обследовала леса в бассейнах рек Кодор–Ингур, Пицундского и части Сухумского районов, собрав большой материал, характеризующий лесной фонд региона, данные эксплуатации этого фонда и состояние лесного хозяйства. С целью выявления иноземных древесных пород, возможных для внедрения в лесные массивы, были обследованы парки Абхазии. Основные результаты работы экспедиции опубликованы в сборнике «Абхазия. Геоботанический и лесоводственный очерк по материалам экспедиции Академии наук СССР 1934 г.». В этом сборнике были представлены четыре статьи Сергея Яковлевича, подробно охарактеризовавшие не только лесные богатства Абхазии в типологическом плане, а древесные породы с экологической и ценотической точек зрения, но и намечены основные перспективы в дальнейшем развитии лесов этого региона. К сборнику приложена карта лесов Абхазии в масштабе 1 : 300 000, составленная участниками экспедиции.

1937 г. – Сергей Яковлевич – начальник экспедиции БИН АН СССР по изучению лесов среднегорной части Майкопского района (Северный Кавказ). Обследование растительности проводили Сергей Яковлевич и В.П. Малеев.

В 1938 г. – вновь поездка на Северный Кавказ для консультации Гипролестранса по разработке проекта эксплуатации лесов бассейна р. Лабы.

Об экспедициях в 1935 г. Сергей Яковлевич рассказывает в автобиографии. В этой экспедиции в Карелию, организованной Ленинградским институтом сельскохозяйственной авиации по изучению растительного покрова с самолета, он был консультантом и разрабатывал методику использования самолета в геоботанических целях. «Последняя экспедиция знаменательна как одна из пока еще немногочисленных попыток применения авиации для геоботанических исследований и дала интересные материалы по дешифровке авиасъемок, по видимой с самолета окраске различных типов растительности и по возможности визуального выбора с самолета мест, пригодных под сельскохозяйственное освоение» – так отзывалась об этой экспедиции Е.В. Шифферс [1936. С. 144].

Тяжелый, военный 1942 год. Работа в эвакуации. Среднее Поволжье. С.Я. Соколов – начальник работ по изучению лесов и лесного хозяйства Татарской, Чувашской и Марийской АССР для целей рационального использования этих лесов для нужд народного хозяйства. К работе привлечены Управления лесного хозяйства и Госпланы этих республик, а также Поволжский лесной институт. Результаты этих исследований опубликованы, но это лишь один аспект. Главное, даны рекомендации по рациональному использованию лесного фонда.

1944–1945 гг. – Южно-Киргизская комплексная экспедиция была организована в августе 1944 г. СОПС АН по распоряжению СНК СССР от 21 июля 1944 г. Начальником экспедиции был назначен академик В.Н. Сукачев, его заместителями по организационной части профессор, доктор биол. наук И.С. Лупинович, по научной – профессор, доктор биол. наук С.Я. Соколов. Личный состав экспедиции включал 117 человек научного персонала и 60–70 рабочих. Были поставлены задачи комплексного изучения естественно-исторических условий территории совхозов Витаминконсервного комбината (173,4 тыс. га) Джалал-Абадской области, расположенных на склонах Ферганского и Чаткальского хр., для выяснения возможности существования здесь лесов из грецкого ореха, яблони Сиверса, фисташки и других плодовых (сырьевая база для пищевой и консервно-витаминной промышленности), а также биологическое, биохимическое, технологическое и лесоводственное их изучение с целью разработки системы мероприятий по рационализации лесоплодового хозяйства.

Геоботанические исследования велись в 1944–1945 гг. под непосредственным руководством С.Я. Соколова и доктора биол. наук Е.М. Лавренко. Они же руководили и работами флористического отряда (изучение флоры орехосовхозов), а также изучением ритмики развития растительных группировок и исследованием корневых систем.

С.Я. Соколовым был подготовлен «Общий абрис современного состояния хозяйства в совхозах» на 1945 г., где, помимо характеристик лесных массивов, ведения рубок в них и возможности плодоводства, приведены отрицательные стороны ведения хозяйства в этих лесах и даны практические рекомендации. Здесь же подведены итоги колоссальной работы, проделанной участниками экспедиции, и отмечено, что хотя экспедиция работала в очень трудных условиях и при плохом и недостаточном оборудовании, при отсутствии опытных хозяйственников, нерегулярном финансировании, с дефектными транспортными средствами, плановое задание было перевыполнено. Материалы этой экспедиции были опубликованы в 1949 г. в Трудах Южно-Киргизской экспедиции АН СССР.

В 1957 г. распоряжением Президиума АН СССР Сергей Яковлевич был командирован в Китай для участия в совместной экспедиции Академий наук СССР и КНР с целью изучения культуры тропических растений и биологии древесных пород, на которых паразитирует шеллаковый червец. К сожалению, участие Сергея Яковлевича в работе экспедиции было прекращено по состоянию здоровья.

В 1960-х годах Сергей Яковлевич совершил поездки в Западную Сибирь, Казахстан, Джунгарский Алатау, в том числе в Казахский мелкосопочник для изучения типов леса и ведения хозяйства в них.

Помимо экспедиций и тематических поездок, Сергей Яковлевич совершал в 1938–1941 гг. и 1948–1956 гг. многочисленные поездки по ботаническим садам с целью координации их работ, неоднократно был командирован с докладами на съезды по изучению производительных сил в различных республиках СССР. В 1955 г. вновь посетил орехолесхозы Средней Азии и был огорчен и возмущен, увидев их состояние. В 1960-е годы Сергей Яковлевич выезжал на консультации в ботанические сады Кишинева и Киева, был в заповедниках Украины, участвовал в съездах ботанических садов Прибалтики, Сибири, Казахстана. Последнюю поездку совершил осенью 1970 г. на конференцию дендрологов в Ботанический сад АН ЛатвССР (Саласпилс), где участвовал в ботанической экскурсии по паркам Латвии.

«Я занимаюсь фитоценологией...»

«Я занимаюсь фитоценологией, частично – биологией и экологией растений, главным образом древесных и кустарниковых пород и дендрологией.

В области фитоценологии я являюсь учеником академика В.Н. Сукачева и разделяю большинство принципиальных взгля-

дов его в области этой науки, считая их соответствующими диалектическому пониманию природы и, в частности, диалектическому пониманию фито- и биогеоценоза.

В области фитоценологии мои работы касаются следующих вопросов: 1) регионального изучения типов леса (Архангельский край, Карелия, Ленинградская область, Брянская область, Горьковский край, Среднее Поволжье, Кавказ, Южный Тянь-Шань), 2) методика полевого геоботанического изучения лесов, 3) методика обработки полевых материалов, 4) разработка понятий о фитоценозе, ландшафте и биогеоценозе, 5) фитоценологических классов у растений, 6) принципов классификационной проблемы и 7) принципов районирования растительного покрова.

Разработку фитоценологических вопросов я всегда пытаюсь вести в связи с изучением хозяйственных, в частности лесохозяйственных, проблем.

Биология и экология отдельных видов растений интересовала меня как необходимая ступень познания видов для суждения о них как единствах, соревнующихся за право на жизнь, и, следовательно, как участников в строении фитоценозов. С этой точки зрения, я занимался как древесными породами северной и средней полосы СССР, так равно – древесными Кавказа, Крыма и Южного Тянь-Шаня» (из отчета С.Я. Соколова, 1948 г.).

Исследовательскую работу Сергей Яковлевич начал в 1921 г., будучи студентом Казанского университета. А.Я. Гордягин, профессор этого университета, был первым, кто приобщил его к научной работе. Под его руководством Сергей Яковлевич выполнил свое первое исследование «Заращение песков Раифского озера» (не опубликовано). Именно А.Я. Гордягин посоветовал ему продолжить учебу в Петроградском лесном институте, в то время одном из лучших вузов страны.

Годы, проведенные С.Я. Соколовым в Лесном институте, были временем расцвета ленинградской геоботанической школы, руководимой В.Н. Сукачевым. В сотрудничестве с ним и другими преподавателями и студентами кафедры морфологии, систематики растений и дендрологии, которую возглавлял В.Н. Сукачев, Сергей Яковлевич быстро вырос в ученого с превосходной подготовкой и широким кругозором. Здесь оформились его научные интересы в области фитоценологии, общебиологических проблем, физической географии, а общение с профессором М.М. Орловым способствовало практической направленности его работ. Именно в студенческие годы Сергей Яковлевич начинает заниматься интенсивными лесотипологическими исследованиями, интересовавшими его всю последующую жизнь.

Во все времена своего существования Лесной институт испытывал острую необходимость в учебно-опытных лесничествах. С первых лет после основания (1803 г.) он поддерживал тесную связь с Лисинским лесничеством: здесь проходила летняя практика студентов, отработывались приемы ведения лесного хозяйства, различные способы лесовосстановления. В 1902 г. Лесному институту была передана Охтинская лесная дача, которой он распоряжался до 1917 г. – периода национализации лесов. Ходатайство Института о возвращении ему прежних лесных дач было удовлетворено в 1921 г.: Лисинское и Охтинское лесничества стали учебно-опытной базой института. В 1923 г. Лесному институту были переданы Парголово и Лемболово лесничества, оба расстроены, частично захлапанные в результате рубок и требующие восстановительных работ. В этом же году в Парголово лесничестве были проведены геологические, почвенные, лесознтомологические обследования, а под руководством В.Н. Сукачева студентом С.Я. Соколовым описаны лесные растительные ассоциации и торфяники Осинорощинской дачи. В 1924 г. эта работа была доложена Соколовым на заседании Комиссии по опытам и исследованиям Ленинградского лесного института, а затем в 1927 г. – опубликована в несколько дополненном и измененном варианте.

С обследования типов леса Парголово лесничества Сергей Яковлевич начал серию типологических изучений лесных массивов учебно-опытных лесничеств. Уже в самых первых работах он рассматривает лесной фонд в тесной связи с геоморфологической и почвенной характеристиками региона, заостряет внимание на влиянии пожаров и рубок на смены типов леса. Будучи от природы очень тонким наблюдателем, он прослеживает все плавные переходы коротко-временных ассоциаций, выделение которых, по его же словам, из-за отсутствия более точных методов исследования остается субъективным и зависит от наблюдательных способностей исследователя. Приведенные описания производных временных ассоциаций в Осинорощинской даче – лишь тому подтверждение. Одновременно с лесными массивами Парголово лесничества были обследованы Левашовский и Осинорощинский торфяники, произведено их бурение, дано ботаническое описание состава торфа, установлена глубина торфяника. Сергей Яковлевич характеризует Осинорощинскую дачу как «наглядный образец зависимости растительности от геологического строения поверхности», отмечая, что «большая часть растительных ассоциаций дачи является порождением деятельности человека» [5. С. 154].

Весной 1925 г. Лесному институту по его настоятельным просьбам о расширении сети учебно-опытных лесничеств с включением

лесных массивов из северного и южного регионов, необходимых для изучения особенностей лесного хозяйства в них, были переданы еще два лесничества: Шелековское – в Архангельской области и Хинельское – в Брянской, почти у границы с Украиной. Шелековское лесничество было значительно повреждено пожаром 1921 года. Хинельское лесничество в силу своего южного расположения выгодно отличалось от других тем, что включало насаждения почти всех главных пород: дуб, ясень, черная ольха, сосна, ель, береза, осина. Оба лесничества требовали серьезных работ по лесоустройству, потому в них был назначен лесничий для проведения опытных работ. Таким лесничим-опытником был зачислен по совместительству с преподавательской деятельностью С.Я. Соколов. Им и были проведены обследования лесных ассоциаций с целью установления типов леса. Руководил этими работами В.Н. Сукачев.

Осенью 1925 г. в результате слияния Московского лесного института с Ленинградским число учебно-опытных лесничеств увеличилось: прибавилось 4 подмосковных лесничества и Баково-Варнавинский лесной массив на реках Ветлуга, Ижма, Уста и Черная в 150 верстах от Нижнего Новгорода. Последнее лесничество отличалось от остальных разнообразием древесных пород, прекрасным состоянием лесных массивов, включавших даже корабельные рощи. Эти леса с давних времен сильно эксплуатировались, так как давали ценное сырье, сплавляемое на рынки в низовьях Волги. Это привело к тому, что здесь преобладали производные типы лесов, возникшие опять же под влиянием деятельности человека. «Чтобы понять производные типы леса и оценить роль человека как одного из факторов, способствующих созданию своеобразных сообществ, чтобы учесть его влияние на направление смен древесных пород и типов леса, слагаемых ими, приходится перед описанием типов леса, именно с этой точки зрения, познакомиться с прошлым лесным хозяйством массива и Костромской губ., ища в нем ключ к разгадке теперешнего состояния лесов», – пишет Сергей Яковлевич [11. С. 117]. И далее он прослеживает историю существования и развития этих лесов, начиная с XV в., и, особенно, влияние пожаров, т.е., как и в других работах, акцент вынужденно делается на роли антропогенного фактора в смене пород, в смене типов леса.

Материалы типологического обследования Баково-Варнавинского леспромхоза с подробнейшими фактическими данными, включающими описания ассоциаций, видовой состав всех ярусов и, как вершину проведенной работы, карту типов леса (составлена совместно с Н.А. Коноваловым), были опубликованы в 1931 г. в статье «Типы леса восточной части Баково-Варнавинского учебно-опытного леспромхоза».

В том же, 1925, году Сергей Яковлевич провел рекогносцировочное исследование типов леса и в Лисинском лесничестве, где также оказалось весьма значительным «вмешательство человека в жизнь леса» в результате применения различных способов рубки леса, а также его осушения. Это привело к большому разнообразию типов леса при сравнительно однородных физико-географических условиях. Результаты этого исследования были опубликованы в 1926 г. одновременно с данными по Шелековскому учебно-опытному лесничеству и Шуерецко-Сорокской даче Сорокского лесничества. Последнее С.Я. Соколов обследовал в 1924 г. в составе лесоустроительной партии колонизационного отдела Мурманской железной дороги. Как лесничий-опытник, он не миновал и Хинельского лесничества с его прекрасными дубняками, требующими, по его мнению, углубленного изучения.

С отчетами о проводимых типологических исследованиях в учебно-опытных лесничествах Лесного института Сергей Яковлевич неоднократно выступал на заседаниях Ленинградского лесного общества и Комиссии по исследованиям в учебно-опытных учреждениях Лесного института, на Всесоюзных съездах ботаников в 1926 и 1928 гг. На съезде 1926 г. он представил обобщающий доклад на тему «Типы северных лесов по исследованиям в Карельской республике, Архангельской и Ленинградской губерниях», заявив о себе, как о серьезном, вдумчивом и эрудированном исследователе – лесном типологе, стоящем на позициях своего учителя, В.Н. Сукачева.

В 1927 г. увидело свет изданное В.Н. Сукачевым «Краткое руководство к исследованию типов лесов». Приветствуя появление этой книги, Сергей Яковлевич обращает особое внимание на разработанные Сукачевым принципы классификации типов леса, представленные автором на примере еловых и сосновых лесов. Имея к этому времени большой фактический материал по учебно-опытным лесничествам, расположенным в разных регионах европейской части страны, Сергей Яковлевич решает провести сравнение типов еловых лесов этих лесничеств, связав их с предложенной Сукачевым классификацией. Блестяще проведенный анализ, данный Сергеем Яковлевичем в статье «К вопросу о классификации типов еловых лесов», как отмечал Я.Я. Васильев, «показал глубину и пластичность схемы еловых лесов, применимость ее для весьма разнообразных геоморфологически и климатически районов и возможность вмещения в нее всех им описанных типов леса» [1935. С. 41]. А Сергей Яковлевич от души радовался появлению такой необходимой для лесных типологов естественной классификации и, особенно, тому, «что родилась она на почве

русской фитосоциологии от одного из первых основателей этой еще юной отрасли ботаники» [9. С. 220].

Конец 20-х – начало 30-х гг. XX в. в жизни и работе Сергея Яковлевича – это переход от типологических исследований в учебно-опытных лесничествах Лесного института в качестве лесничего-опытника к участию в крупнейших комплексных экспедициях по изучению лесов преимущественно южных регионов (Кавказ, Средняя Азия). У руководителя этих экспедиций, В.Н. Сукачева, было полное доверие своему ученику – С.Я. Соколову, доверие его организаторским способностям, эрудиции, трудолюбию, ответственности и прекрасным качествам исследователя.

В 1932 г. Сергей Яковлевич переходит в Ботанический институт АН СССР, где принимает участие в разработке программы для геоботанического изучения лесов, а затем по заказу Гидрологического института, совместно с географами, гидрологами, климатологами, разрабатывает программу гидрогеологического районирования СССР. Параллельно он готовит рукопись «К вопросу о необходимости постановки изучения растительности и растений, как показателей гидрологического режима территорий». К сожалению, рукопись не опубликована.

В 1935 г. Сергей Яковлевич принимает активное участие в Совещании, созванном Ботаническим институтом АН СССР, по геоботаническому районированию, где выступает одним из основных докладчиков (вместе с Б.Н. Городковым и А.П. Шенниковым).

Сотрудничая с Трестом лесной авиации, он занимается разработкой методов диагностики типов леса при аэровизуальных исследованиях.

Еще в 1929 г. Сергей Яковлевич приступает к обследованию лесных массивов Черноморского побережья Кавказа (ЧПК) и изучению типов лесов из редких и ценных древесных пород. После второй экспедиции в 1934 г. на Кавказ он представляет на суд типологов классификацию типов леса Абхазии и определитель наиболее распространенных типов леса ЧПК. Вот что пишет по поводу определителя А.А. Колаковский: «Интересна попытка создания определителя типов леса. Объектом определения является цикл, объединяющий сходные по строению серии типов леса. На основе типологической классификации лесов устанавливаются ценоареалы циклов и серий по координатам, степени влажности, высоте над уровнем моря. Анализ построенной схемы позволяет автору перейти к вопросам объединения фенотипических отношений в растительном покрове, характеризуя их с эволюционной точки зрения, т.е. предрешая судьбу отдельных ценозов в зависимости от ценологических отношений и ценоэкологии» [1937. С. 141].

По материалам Лесного отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР 1933 г. Сергей Яковлевич публикует типологическое описание лесов из грецкого ореха на территории Южной Киргизии. Здесь он объясняет и биологию наплыва, образующегося на стволах грецкого ореха.

В 1937 г., в связи с 20-летней годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции, подводились итоги развития советской науки за этот период, в том числе и ботаники. Сергеем Яковлевичем в журнале «Советская ботаника» была опубликована статья «Успехи советской лесной ботаники», где дан блестящий исторический обзор развития лесной геоботаники и критически разобраны ее основные понятия, в том числе разрабатываемые типологами трех школ: ленинградской (В.Н. Сукачев), московской (В.В. Алехин) и украинской (П.С. Погребняк). Прекрасное знание литературных источников XIX и начала XX в., а также работ современников, коллег-единомышленников, в первую очередь своего учителя, В.Н. Сукачева, позволили ему подробно остановиться на вопросах классификации типов леса, взаимоотношениях древесных пород и сукцессионных сменах. Но данная статья – это не только экскурс в историю и критический разбор чужих воззрений. В ней Сергей Яковлевич дает и свое видение проблем лесной типологии, представляет разработанные им самим принципы классификации типов леса и предлагает ввести новые таксономические единицы: серия, цикл, специесцикл.

Рассматривая взаимоотношения древесных пород в фитоценозе, он еще в 1936 г. опубликовал на основе предложенной Г.И. Поплавской классификации фитоценологических типов свою более детальную классификацию, составленную им для лесов ЧПК, которая уже упоминалась выше. Не обойдена в статье об успехах лесной ботаники и проблема создания определителей типов леса и руководств, посвященных методике изучения последних. Завершает статью поистине энциклопедически краткий обзор изученности лесов СССР. И, как всегда, в работах Сергея Яковлевича – о значении лесотипологических разработок для практических целей, для лесного хозяйства и лесозащиты и констатация того факта, что «в повседневную практику лесного хозяйства лесная типология еще далеко не вошла» [56. С. 46].

Свои теоретические воззрения в области лесной типологии Сергей Яковлевич обобщает в докторской диссертации «Некоторые основные проблемы фитоценологии и решение их на примере лесов Западного Закавказья». Разработанные Сергеем Яковлевичем в 1938 г. и ставшие основой диссертационной работы классификационные построения были опубликованы им в 1962 г. в статье «Таксономия лесных ассоциаций». Исходя из положений,

что «флористический состав фитоценозов при анализе ярусного и синузального строения его является основой классификации фитоценозов», «физиономичность растительного покрова, обусловленная господством той или иной жизненной формы» является «признаком, имеющим глубокое фитоценологическое значение», а фитоценоз является частью биогеоценоза и связан с определенными условиями существования, Сергей Яковлевич предлагает три системы таксономических единиц. Первая система объединяет ассоциации «на основании сходства биоморф, доминирующих в их основном ярусе». Вторая – объединяет ассоциации сначала «по сходству подчиненных ярусов между собой, а затем по тождеству биоморф, строящих этот ярус». Третья – объединяет ассоциации «по сочетанию признаков, положенных в основу первой и второй систем, ... а затем по тождеству биоморф, господствующих в них» [180. С. 111]. Причем предлагаемые системы таксономических единиц, по мнению Сергея Яковлевича, ни в коем случае не исключают «надобности построения схем эдафоценологических рядов, подобных классическому “кресту” В.Н. Сукачева, а также депрессивных, демутиационных рядов производных ассоциаций около коренных таксонов (климаксов)» [180. С. 120].

Совершив в 1938 г. вынужденный переход из отдела геоботаники в Ботанический сад БИН, Сергей Яковлевич продолжает оставаться лесным типологом, публиковать статьи по лесной типологии, принимать участие в совещаниях, консультировать и рецензировать докторские диссертации по данной тематике.

В феврале 1950 г. на Всесоюзном совещании по лесной типологии, созванном Институтом леса АН СССР по инициативе акад. В.Н. Сукачева, Сергей Яковлевич выступил с блестящим докладом о лесохозяйственном значении типов леса таежной полосы. В этом докладе он подробно, всесторонне и весьма убедительно продемонстрировал возможность и целесообразность применения методов лесотипологической школы Сукачева в изучении и хозяйственном использовании лесов таежной зоны страны: «лесная типология может и должна стать одной из основ научного фундамента лесного хозяйства» [97. С. 81].

К теме этого доклада Сергей Яковлевич возвращается в 1964 г. на Республиканской научно-методической конференции по классификации типов горных лесов Казахстана, состоявшейся в г. Щучинск Целинного края. Поводом для созыва конференции явилась сложность использования существующих классификаций типов леса, разработанных для более однообразных равнинных лесов по сравнению с лесами горных районов. И здесь он повторяет большую часть своего предыдущего доклада, подтверждая этим, что «схема экологических рядов типов леса, предложенная

В.Н. Сукачевым для тайги, является несомненно классическим произведением». Однако, как показала конференция, отмечает Сергей Яковлевич, «...это основное направление лесной типологии было почти забыто, хотя многие докладчики основывались именно на нем» [198. С. 65]. Критически рассматривая новые предлагаемые классификации (генетическую – Б.П. Колесникова, экологическую – Д.В. Воробьева), он сравнивает их с классификацией Сукачева и фактически доказывает их несостоятельность. Тем не менее Сергей Яковлевич с удовлетворением отмечает правильность позиции Л.Н. Грибанова в разработке классификации типов островных нагорных сосняков Центрально-Казахстанского мелкосопочника.

Через все типологические работы Сергея Яковлевича проходит неразрывная связь научных исследований с лесохозяйственными задачами. Это и лесовосстановление и лесопользование в учебно-опытных лесничествах, и плодовые леса Киргизии, и леса из ценных пород Кавказа. Это и интереснейшее и подробнейшее рассмотрение применения классификации типов леса в лесном хозяйстве. И как вершина этого направления – поэтически написанная в 1963 г. статья «Архитектурно-художественное значение типов леса», где соединяются воедино лесной типолог, дендролог и ландшафтный архитектор, и прекрасный литературный язык и красочное, тонкое описание мира растений доставляют читателю истинное наслаждение.

Но не только лесохозяйственные проблемы волнуют С.Я. Соколова. В 1947 г. на Всесоюзном совещании по методам изучения эрозии почв, созванном Почвенным институтом им. В.В. Докучаева АН СССР и Межведомственной комиссией по борьбе с эрозией почв, Сергей Яковлевич выступает с докладом «Биоценотический метод в исследованиях по борьбе с эрозией почв». В этом докладе он исходит из того положения, что растительный покров, за исключением редчайших случаев, является мощным консерватором поверхности земли и почвы, а следовательно, имеет огромное противоэрозионное значение: снижает силу солнечной энергии, уменьшает колебания температуры и разрушительную силу осадков, которые падают не на почву, а на поверхность листьев и опад, снижает эродирующую роль воды тем, что использует огромную массу воды на транспирацию, скрепляет корневыми системами почвенный слой и изменяет термический, воздушный, водный, химический и биологические режимы почвенной среды. Поэтому для выработки рациональных мер борьбы с эрозией необходим биогеоценотический подход и целеустремленное изучение всех факторов – считает докладчик.

И в завершение рассказа о работах Сергея Яковлевича в области фитоценологии следует привести характеристику, данную ему профессором Казанского университета, доктором биологических наук Вассианом Сергеевичем Порфирьевым, искренне уважавшим и любившим Сергея Яковлевича: «В своих работах по типологии лесов северной и средней полосы таежной зоны и Западного Кавказа Сергей Яковлевич выступил как ближайший ученик и последователь академика В.Н. Сукачева, обосновавшего геоботанический метод в лесной типологии. С именем С.Я. Соколова связаны наиболее яркие и оригинальные образцы приложения этого метода в области региональных исследований лесных территорий; вместе с тем идеи В.Н. Сукачева он творчески развивает. Сергей Яковлевич обращает особое внимание на антропогенные смены лесных ассоциаций, на изучение звеньев депрессивно-демутационных рядов, выделяя коротко-временные и длительно-временные типы леса. В ряде статей он разрабатывает систему классификации лесных ассоциаций, беря за основу критерий их сходства по флористическому составу и составу жизненных форм, в связи с исторической, экологической и ценологической их обусловленностью. Особенно интересен второй ряд системы С.Я. Соколова, где он объединяет лесные ассоциации по составу и сложению нижних ярусов в серии (названные им сначала рядами) и далее, по иерархическому принципу, в циклы и специесциклы. Будучи превосходным наблюдателем, Сергей Яковлевич пришел к своим построениям независимо от А.К. Каяндера, который на той же основе устанавливал свои типы леса; однако, по существу, Сергей Яковлевич исходит при выделении серий и циклов из каяндеровского принципа биологической равноценности местообитаний, объединяемых ими ценозов. Поэтому серии, циклы и специесциклы С.Я. Соколова могут быть трактованы как экологические группы ассоциаций (типов леса) в смысле А.П. Шенникова, а созданная им система их классификации является эколого-морфологической.

Создав сериальный метод исследования лесного растительного покрова, далее С.Я. Соколов показал приложимость его в лесохозяйственных целях, в практике выявления и использования растительных ресурсов, фауны, при решении архитектурно-художественных задач, вопросов зеленого строительства, санаторно-курортного дела и т.д. Пользуясь сериальным анализом, он раскрыл и объяснил сложные закономерности размещения лесных ассоциаций Кавказа в зависимости от высоты местности и их экологических особенностей.

Помимо классификационной проблемы, С.Я. Соколова глубоко интересуют закономерности сложения и структуры фитоце-

нозов. Анализируя взаимоотношения растений в сообществе, Сергей Яковлевич выделяет фитоценоотипы; здесь он следует, в основном, В.Н. Сукачеву и Г.И. Поплавской, но дифференцирует эдификаторы и ассектаторы по степени выявления их свойств на ряд групп в зависимости от экологических различий местообитаний. В более поздней работе (1947) Сергей Яковлевич развивает самостоятельное представление о субэдификаторах. Весьма существенно в нем то, что субэдификаторы, играя меньшую средообразующую роль по сравнению с эдификаторами и характеризуясь меньшей растительной массой, могут превосходить по количеству особей. Фитоценоз определяется С.Я. Соколовым как группировка растений, детерминированная борьбой за существование и вместе с тем как «часть элементарного ландшафта»; последний понимается как «участок земной поверхности, соответствующий фитоценозу» и «однородный по физико-географическому комплексу», т.е. процессу исторического развития этого участка, во взаимообусловленности всех определяющих его явлений – абиотических, биотических и антропогенных. Таким образом, Сергей Яковлевич исходит из единства его и среды и, по существу, стоит на биогеоценологической позиции. Некоторые работы С.Я. Соколова представляют в сущности биогеоценологические очерки, как, например, «Ритмика факторов жизни и самой жизни в ореховых лесах Ферганы». Понятие Сергея Яковлевича об элементарном ландшафте составляет и самостоятельный интерес, являясь вкладом в ландшафтоведение.

В лесоведческих работах С.Я. Соколова вопросы фитоценологии и лесоводства органически сочетаются с ресурсоведением и задачами охраны природы. Таковы его монографические труды по изучению лесов Нижегородского Заветлужья, Сочинского района Кавказа, памятников природы Киргизии – южных плодовых лесов и др. На основе изучения типологии лесов, биологии и ритмов развития пород и их взаимоотношений в этих работах даны конкретные указания на приемы ведения в них хозяйства, повышения их продуктивности и устойчивости» (из личного архива О.А. Связевой).

С.Я. Соколов как дендролог

Эту главу о С.Я. Соколове следует начать с рассказа о нем его любимого ученика, профессора Санкт-Петербургской лесотехнической академии, ныне покойного Николая Евгеньевича Булыгина, написанного им более двух десятилетий назад.

«Рассказать о Сергее Яковлевиче Соколове как дендрологе – означает осветить всю его творческую биографию. Сергей Яков-

левич был дендрологом очень широкого диапазона и почти энциклопедических знаний. В своих трудах он предстает перед нами то как дендролог-лесовед, лесной фитоценолог и типолог, то как дендрофенолог и крупнейший специалист в области морфогенеза древесных пород, то как дендролог-географ, интродуктор, ландшафтный архитектор. В нем удивительно сочетались яркий талант тонкого экспериментатора и блестящего организатора науки, талант крупнейшего теоретика и одновременно – пропагандиста и популяризатора ботанико-дендрологических знаний. Но Сергей Яковлевич одновременно был и очень умелым и настойчивым организатором внедрения результатов научных разработок в практику лесного хозяйства и озеленения, ярким поборником охраны природы, инициатором многих правительственных актов, направленных на организацию новых заказников и заповедников, комплексных хозяйств по рациональному использованию растительных ресурсов. Дендрология как раздел ботаники, изучающий древесные растения, так же стара, как сама ботаника. Однако мы по праву связываем зарождение и становление современной русской и советской дендрологии с именем акад. В.Н. Сукачева и именами созданной им «могучей кучки дендрологов».

В.Н. Сукачев еще в начале XX в. первым из лесных ботаников понял, что для лесоводов недостаточно сведений о древесных породах, даваемых в курсе систематики и морфологии растений. Поэтому в 1905 г. он начал читать в стенах Петербургского лесного института новый курс «Географическое распространение древесных пород», явившийся родоначальником современной дендрологии. У Сукачева было много учеников и блестящих последователей нового научного направления: Н.А. Коновалов, В.А. Поварницын, А.Д. Гожев, П.Л. Богданов, П.А. Акимов, позже В.З. Гулисашвили, Ф.Н. Русанов, Ф.Л. Щепотьев, И.Д. Юркевич, Н.Д. Нестерович, П.И. Лапин и др. Но среди этой плеяды блестящих дендрологов все же «дендрологом номер 1» был С.Я. Соколов. Если зарождение новой дендрологии мы должны связывать с именем В.Н. Сукачева, то современное содержание дендрологии – прежде всего, с именем С.Я. Соколова. Именно в его трудах и трудах его учеников и последователей дендрология стала тем синтетическим разделом ботаники, который охватывает всю систему знаний о деревянистых растениях самых различных биоморф от деревьев лесного типа до полукустарников и полукустарничков.

Но дендрологом Сергей Яковлевич стал далеко не сразу. Можно выделить три основных этапа становления его как дендролога: 1 этап, 1920–1930 гг., лесоводственно-фитоценологический, 2 этап, 1930–1960 гг., – собственно дендрологический, 3 этап,

заключительные годы творчества, – дендролого-географический и дендролого-фитоценологический. Творческий путь Сергея Яковлевича как дендролога представляет как бы смыкающуюся спираль – от фитоценолого-дендрологических исследований через широкий комплекс самых различных дендрологических направлений к дендролого-фитоценологическим обобщениям на географической основе (ареалы древесных пород – совершенно новый тип дендролого-хорологической и фитоценологической характеристики древесных).

Лесоводственно-фитоценологический, или лесотипологический, этап научной деятельности Сергея Яковлевича ведет начало от студенческой скамьи в Лесном институте. На первых ступенях своего научного пути он, видимо, не проявлял особого интереса к дендрологии в ее классическом понимании и долгое время занимался вопросами фитоценологии и лесной типологии.

Пожалуй, как лесовод-дендролог Сергей Яковлевич начал формироваться в период участия его в работе комплексной экспедиции, изучавшей под руководством В.Н. Сукачева в 1929–1930 гг. ценные древесные породы на ЧПК. Результатом участия Сергея Яковлевича в работе экспедиции явились первые дендролого-лесоводственные публикации в 1931–1933 гг., отчеты о работе экспедиции и ее рекомендации по ведению лесного хозяйства на ЧПК. В 1930 г. Сергей Яковлевич вместе с Л.Ф. Правдиным организовал Сочинскую ЛОС и выращивание на ее питомнике платанов и кипарисов для озеленения Сочи. Это было уже первым дендрологическим вкладом Сергея Яковлевича в развитие отечественного озеленения. Тогда же он организовал первые в ЛОС СССР фенологические наблюдения над древесными растениями Кавказского заповедника по разработанной им программе и методике. Это было серьезным вкладом в развитие отечественной лесной фенологии. Необходимость и актуальность проведения фенонаблюдений в лесных ценозах, к сожалению, полностью не осознаны некоторыми лесоводами еще и сегодня.

Начатые Сергеем Яковлевичем в 1930 г. методические разработки в области фенологии древесных и организация фенонаблюдений нашли свое отражение в программах НИИЛХ и ЛОС СССР и в работах Сергея Яковлевича получили свое дальнейшее развитие значительно позже – в 1952 и 1957 гг., когда им были опубликованы «Краткая программа и методика экспедиций Ботанических садов» [1952] и «Фенологическая программа», изложенная в известном «Обращении к учреждениям и лицам, ведущим фенологические наблюдения над растениями» [1957]. Разработка и публикация Сергеем Яковлевичем этих фенологических программ и его организаторская работа по внедрению фенологической службы в

Мария Васильевна (1870–1930)
и Яков Николаевич (1864–1919) Соколовы

Сергея Соколов (второй слева) со старшими братьями

Сереза Соколов

**Яков Николаевич
Соколов – хирург,
заведующий
земской больницей
в г. Белебее
(?1915–1917 гг.)**

Сергей Яковлевич с дочкой Галей (Сочи, 1930 г.)

**Здание отдела геоботаники Ботанического института им. В.Л. Комарова
АН СССР (1940-е гг.)**

С.Я. Соколов за рабочим столом (декабрь, 1928 г.)

**Сергей Яковлевич
в послевоенные
(1940-е) годы**

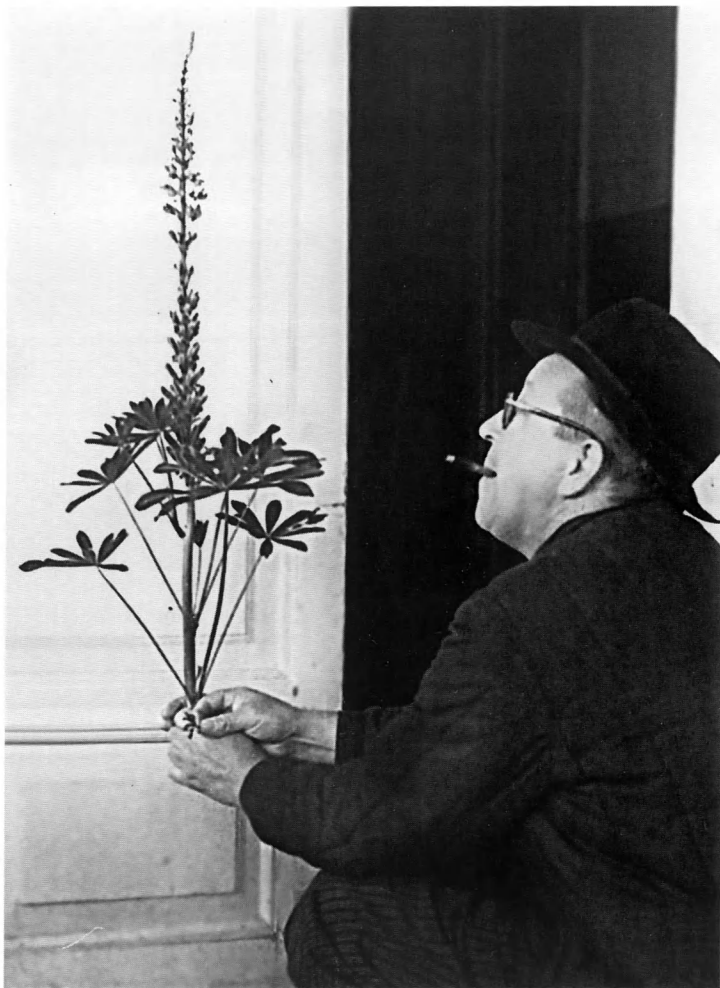
**На Алтайской опытной станции (Барнаул, май 1963 г.)
Г.В. Крылов, С.Н. Речан, С.Я. Соколов, З.И. Лучник (Фото М.А. Лисавенко)**

С.Я. Соколов и В.Б. Сочава (*справа*) в Лабинской экспедиции (1938 г.)

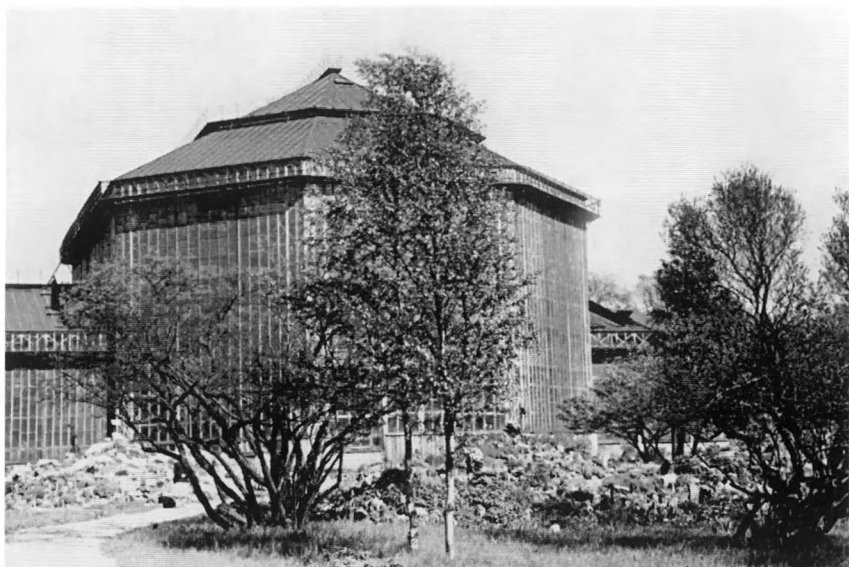
Совещание в Саласпилсе и экскурсионная поездка по паркам Латвии
(9 октября 1970 г.)

**Тераты у люпина. НОС БИН «Отрадное» (1958 г.)
(Фото Ю.А. Лукса)**

В Ботаническом институте АН СССР (1966 г.)
*Слева направо – Г. Крюсманн (G. Krussmann), Р. Кордес (R. Kordes),
С.Я. Соколов, С.Г. Сааков, Н.И. Ляшенко*

**Большая пальмовая оранжерея в Ботаническом саду БИН (1960-е г.)
(Фото Б.Н. Замятина)**

**Заядлый рыболов. НОС БИН «Отрадное» (1956 г.)
(Фото Ю.А. Лукса)**

На «мичуринском» участке в Ботаническом саду БИН (октябрь 1949 г.)
Садовод Я.В. Рагузский

В президиуме совещания (1950-е гг.)

**Выступление
С.Я. Соколова
на Всесоюзном съезде
ботанических садов
(30 января – 5 февраля
1956 г.)**

На 150-летию Никитского ботанического сада в Ялте (1962 г.)
Слева направо – Ф.С. Пилипенко, Н.А. Аврорин, С.Я. Соколов, Н.И. Ляшенко

С.Я. Соколов (1950-е гг.)

**На рыбалке с племянником Яковом Николаевичем Соколовым
(1960-е гг.)**

**Ольга Владимировна
Соколова
(урожд. Ключарева)**

**С.Я. Соколов проводит для сотрудников экскурсию по парку
Ботанического сада БИН (1955 г.)**

**Сергей Яковлевич с братом Михаилом Яковлевичем
(Ленинград, Инструментальная улица. Конец 1960-х гг.)**

**Сергей Яковлевич
Соколов (1968 г.)
(Фото Ю.А. Лукса)**

ботанических садах СССР способствовала значительному расширению притока информации о биоритме древесных интродуцентов и аборигенов, их биологии и экологии, географической внутривидовой изменчивости, способности к адаптации при интродукции. И хотя сегодня дендрологи и фенологи, работающие в различных ботанических садах и научных организациях, не едины в своих взглядах на программы и методики фенонаблюдений над древесными, основа для унификации этих программ и методик уже есть. Это программы, предложенные С.Я. Соколовым. Они наиболее гибки и биологически обоснованы, чем все остальные программы и методики, предложенные до Сергея Яковлевича.

В 1932 г. Сергей Яковлевич перешел на постоянную работу в БИН и этим в значительной степени определился дендрологический профиль его научной деятельности. Хотя до 1938 г. Сергея Яковлевича столь же волнуют проблемы лесной фитоценологии и типологии, но все больше и больше его внимание привлекают вопросы изучения дендрофлоры СССР, экологии и биологии древесных растений, вопросы частной дендрологии. В период работы в Кавказской экспедиции Сергей Яковлевич стал проявлять себя как дендролог-ресурсовед. Ресурсоведческое направление еще больше укрепилось в 1933–1934 гг. во время изучения плодовых лесов Южной Киргизии. В 1934 г. Сергей Яковлевич исследует типы лесов и экзоты Абхазии. В 1935–1938 гг. преподает дендрологию в Ленинградском техникуме зеленого строительства и издает первый в СССР справочник по декоративным свойствам древесных растений, перспективных для зеленого строительства в европейской части СССР.

Свои дендролого-лесоводственные материалы Сергей Яковлевич впервые обобщил в коллективном учебнике под редакцией В.Н. Сукачева «Дендрология с основами лесной геоботаники», где написал обширную главу «Леса Кавказа и Крыма и породы, их образующие». Комплексная эколого-дендрологическая и дендролого-ценологическая характеристика лесов – прототип характеристики древесных в изданиях «Деревья и кустарники СССР» и «Ареалы деревьев и кустарников СССР». В докторской диссертации С.Я. Соколов впервые вскрыл всю многогранность связей динамики фитоценологических процессов, происходящих в лесу, с биологией и экологией деревьев и кустарников. В этой работе содержатся: а) новые данные по реакции растений на освещенность (новая комплексная методика: морфологические, анатомические, лесоводственные, топографические и географические признаки в сочетании с экспертной оценкой); б) изменчивость световой реакции древесных растений в зависимости от комплекса других экофакторов биотической и абиотической среды; в) оригинальная

классификация древесных растений по теневыносливости (наиболее детальная из существующих и поныне); г) классификация деревьев и кустарников по их реакции на содержание кальция, общее плодородие, условия увлажнения.

Отсюда видно, что лесной типолог в лице Сергея Яковлевича – это, прежде всего, прекрасный дендролог, тонко понимающий связь закономерностей формирования лесных ассоциаций, динамики формирования лесных фитоценозов с экологией и биологией не только деревьев-лесообразователей, но и растений других ярусов растительного покрова: подлеска, травяно-кустарничкового яруса. Этот комплексный эколого-ценотический подход в лесной типологии был крупным шагом вперед в сравнении с Г.Ф. Морозовым и В.Н. Сукачевым и, несомненно, особенно соответствующим современному уровню наиболее глубоких лесоводственно-фитоценотических исследований.

С 1938 г. после назначения Сергея Яковлевича заведующим Ботаническим садом БИН основным видом его научной и организаторской деятельности стала работа по интродукции древесных растений как в Ботаническом саду БИН, так и в системе других ботанических садов СССР.

Одновременно он стал собирать авторский коллектив и накапливать материалы для издания дендрологической энциклопедии «Деревья и кустарники СССР». Начав работу по подготовке этого издания, Сергей Яковлевич очень скоро убедился в том, что при кажущейся основательной изученности древесных растений в литературе имеются весьма скудные, а подчас противоречивые сведения по систематике, морфологии, биологии и экологии очень многих древесных аборигенов и, особенно, интродуцентов СССР. В отношении последних оказалось очень мало сведений о районах их культуры в нашей стране. Благодаря колоссальной организаторской и творческой научной работе Сергею Яковлевичу удалось получить недостающие сведения и вместе с авторским коллективом, насчитывающим свыше 50 ученых, осуществить монографическую обработку около 2900 отечественных видов растений с древеснеющими стеблями и свыше 2000 интродуцированных видов 608 родов и 100 семейств. В течение необычайно короткого времени (1949–1962 гг.) были изданы 6 уникальных томов «Деревья и кустарники СССР».

Издание «Деревья и кустарники СССР» можно, по праву, считать научным подвигом Сергея Яковлевича и его коллег – дендрологов по этой колоссальной работе. Сергей Яковлевич был не только организатором этой работы, не только занимался редактированием всех 6 томов, но был и автором монографических работ 13 семейств и около 30 родов.

Впервые в истории дендрологии в столь обширной стране, как наша, была настолько полно охарактеризована местная и интродуцированная дендрофлора, что бесспорно способствовало лучшей организации использования растений в лесном хозяйстве и озеленении, организации охраны редких и исчезающих древесных видов, проявлению интереса к познанию дендрофлоры различных районов нашей страны.

На основании материалов этого издания Сергей Яковлевич подвел и некоторые итоги, выявившие ряд дендрофлористических неожиданностей и закономерностей.

Начатую Сергеем Яковлевичем большую работу по подведению итогов интродукции древесных в СССР еще при его жизни подхватили и продолжают его последователи и ученики. Результатом этого явилось появление серии обобщающих монографий по интродукции древесных. Естественным результатом этой исследовательской работы должно стать появление крупной теоретической работы, подводящей итоги интродукции древесных в целом в СССР. Трудно сказать, кто будет автором этой работы. Но в том, что это будут ученики и последователи Сергея Яковлевича, пожалуй, сомневаться не приходится.

Много энергии Сергей Яковлевич затратил на организацию изданий региональных дендрологий. Разработке программ этих изданий были посвящены проведенные в 1963 г. по его инициативе совещания дендрологов Прибалтики и Средней Азии. Результатом этой организаторской работы явилось создание дендрологий отдельных регионов.

С 1952 г. в дендрологической тематике Сергея Яковлевича появилось новое, морфофизиологическое направление. Я имею в виду его работы и работы, выполненные совместно с З.Т. Артюшенко, по росту пластинки листа и формированию почек и развитию побегов у древесных пород. Эта серия очень интересных исследований сразу же нашла массу последователей. Нынче трудно назвать ботанический сад, в котором бы не проводились исследования подобного рода. Перспективность этого научного направления очевидна и доказана работами многих ученых. Особый интерес представляет выявление корреляций между ритмом эмбрионального и постэмбрионального развития побегов с целью фенологической диагностики динамики внутривидового формирования побегов и прогноза их последующего внепочечного развития. Такие корреляции обнаруживались уже в работах Зинаиды Трофимовны и Сергея Яковлевича и впоследствии были подтверждены исследованиями других авторов. Эта серия работ Зинаиды Трофимовны и Сергея Яковлевича способствовала становлению также нового направления фенологии древесных – микрофенологии.

В последние годы жизни Сергей Яковлевич начал очень трудоемкую, кропотливую, но и чрезвычайно нужную работу по географии диких древесных СССР. Это было естественным завершением и обобщением материалов по дендрофлоре СССР, содержащихся в шести томах «Деревьев и кустарников СССР». Результатом этих исследований явились публикации карты современных ареалов хвойных СССР, сводки «География древесных растений СССР» и издание «Ареалы деревьев и кустарников СССР» в трех томах.

Сергей Яковлевич мечтал подвести итоги интродукции древесных в СССР. Задача обобщений остается нерешенной и очень актуальной» (из личного архива О.А. Связевой).

Продолжая размышлять о Сергее Яковлевиче как дендрологе, следует отметить, что дендрологический аспект в его исследованиях начал проявляться не только под влиянием В.Н. Сукачева, но и под влиянием Г.Ф. Морозова, утверждавшего, что жизнь леса складывается на основе биологии и экологии древесных пород и их взаимоотношений как между собой, так и с окружающей средой. Именно поэтому одновременно с описанием типов леса Сергей Яковлевич все больше внимания уделяет характеристике древесных пород. Особенно ярко это проявляется во время экспедиции 1929–1930 гг., одной из основных задач которой являлось изучение экологии, биологии и запасов ценных древесных пород северной части ЧПК. И как результат этого изучения – серия статей, ставших классическими: «Экологическая и ценотическая классификация древесных и кустарниковых пород Абхазии» [1936], «Леса Кавказа и Крыма и породы их образующие» [1934], «Некоторые ценные древесные и кустарниковые породы северной части Черноморского побережья Кавказа» [1952]. Не менее значимы характеристики древесных пород и при описании плодовых лесов Киргизии (грецкий орех, яблоня, алыча, фисташка, можжевельник и др.).

К теме ценных древесных пород Средней Азии и Кавказа Сергей Яковлевич возвращается в середине 1960-х гг., когда для предполагаемого в БИН издания о дикорастущих плодовых СССР им были подготовлены две большие обзорные статьи о каштане и грецком орехе (не опубликованы).

Грецкий орех в жизни Сергея Яковлевича занимал, вероятно, особое место: Сергей Яковлевич изучал его в природе на Кавказе и в Средней Азии, а затем на питомнике в Ботаническом саду в Ленинграде, плоды ореха поддержали его жизнь в блокадном городе, и, вернувшись в 1948 г. в Ботанический сад, он начинает серию опытов по акклиматизации грецкого ореха на территории Сада и на НОС БИН в пос. Отрадное Приозерского района Ленинградской обл. На экспериментальном («мичуринском») участ-

ке в Ботаническом саду в 1949 г. С.Я. Соколовым и И.Н. Коноваловым были высажены сеянцы грецкого ореха разного географического происхождения. Часть из них привили на более морозостойкие виды: орех маньчжурский и орех серый. В 1960 г. было отмечено первое плодоношение нескольких экземпляров, а к 1986 г., кроме деревьев, посаженных в 1949 г., плодоносили деревья первой и второй местных репродукций. К сожалению, Сергей Яковлевич их уже не увидел. На НОС БИН в пос. Отрадное Сергей Яковлевич разбил «ореховый сад» из десятков экземпляров грецкого ореха также разного географического происхождения. Однако в более суровых условиях, почти на 100 км севернее Ленинграда, грецкий орех рос только кустовидно, сильно обмерзал, не плодоносил и, к огромному потрясению Сергея Яковлевича, в середине 1960-х годов «ореховый сад» был уничтожен руководством НОС как «неперспективный». Несколько оставленных экземпляров все же дожили до наших дней. Не была написана и запланированная статья «Результаты интродукции грецкого ореха семенами из разных географических мест на крайнем для него пределе жизни (в Отрадном)».

После назначения Сергея Яковлевича в 1938 г. заведующим Ботаническим садом дендрологический аспект стал господствующим в его научной работе (но при этом можно с уверенностью сказать, что с фитоценологией он никогда не расставался). Приступив к изданию справочника «Деревья и кустарники СССР», он на многие годы погрузился во всестороннее изучение, осмысление литературных источников, подбор сведений о биологии, экологии, хозяйственной ценности древесных растений. И здесь огромную помощь ему оказали его наблюдательность, материалы, собранные в экспедициях, поездках по ботаническим садам, контакты с дендрологами всей страны. Еще продолжалась техническая подготовка к печати последнего тома, а Сергей Яковлевич уже приступил к составлению обобщающих сводок по дендрофлоре СССР. И в первую очередь, нужно было учесть все изменения в видовом составе, географическом распространении тех древесных, которые вошли в первые тома. Во-вторых, он разработал классификацию жизненных форм древесных и, не доверяя эту работу никому, сам проверил многие группы растений (полукустарники, кустарнички). Но при этом у него был уже давно готов замысел следующих изданий: география дикорастущих древесных СССР, география древесных экзотов СССР, дендрологическое районирование страны. И эти издания он рассматривал как продолжение «Деревьев и кустарников СССР».

Впоследствии, в 1966 г., в статье «Дендрологические зоны и провинции СССР» Сергей Яковлевич обосновывает закономер-

ность своих научных замыслов, ибо в начале XX в. о видовом богатстве и географии дикорастущих древесных имелись «далеко не полные сведения». «Лишь выход в свет “Флоры СССР” в 30 томах, “Деревьев и кустарников СССР” в 7 томах, “Геоботанической карты СССР с пояснительным текстом”, изданных Ботаническим институтом имени В.Л. Комарова Академии наук СССР, а также “Флор” союзных республик, региональных дендрологий и огромного числа более частных работ дает возможность составить представление об этом богатстве, об его географии и дать предварительное дендрологическое районирование СССР», – пишет он в 1966 г. [197. С. 45].

Однако география растений интересовала Сергея Яковлевича не только с ботанико-географической и флорогенетической точек зрения. Он не без основания полагал, что «выяснение общих закономерностей в размещении дикой и культурной флоры на территории СССР даст возможность подойти к решению различных вопросов теории интродукции и акклиматизации растений ... и разработать прогноз дальнейшей интродукции древесных». Собирая фактический материал по географии таксонов, необходимый для выяснения общих закономерностей, Сергей Яковлевич начал еще в конце 1950-х гг. И прежде всего, эта работа коснулась географии основных лесообразующих пород и, в первую очередь хвойных. Им была составлена карта ареалов этих древесных в масштабе 1:10 000. Карты ареалов древесных публиковались и раньше разными авторами, но чаще всего это были мелко-масштабные, схематичные, узкорегинальные картосхемы. Были подобные карты и в «Деревьях и кустарниках СССР». Карта, составленная Сергеем Яковлевичем, основывалась на обширном фактическом материале, почерпнутом из десятков флористических и геоботанических работ и, естественно, с использованием ранее опубликованных карт. Дальнейший анализ распространения хвойных позволил ему на основе ареалов всех видов семейства сосновых разработать карту районирования территории СССР по этому семейству. Причем для большей наглядности он выполнил ее в красках, правда, уже в масштабе 1:20 000 000. Подобный опыт районирования территории СССР по одной группе растений был проведен затем по роду Клен (карта не опубликована). Такое районирование Сергей Яковлевич предполагал провести по многим родам, однако в те годы он еще не располагал подробным фактическим материалом по географии видов, без чего составить такие карты невозможно. И эта работа была отложена.

А вместо нее на основе районов, принятых во «Флоре СССР», были составлены обобщенные картограммы семейств и родов древесных, которые позволили Сергею Яковлевичу проанализи-

ровать весь семейственный, родовой и частично видовой состав дендрофлоры СССР и связь дендрофлоры нашей страны с зарубежными флорами. Такой анализ был сделан Сергеем Яковлевичем для всей территории СССР и отдельно для Средней Азии. И если результаты этого анализа по дендрофлоре страны частично публиковались в «Географии древесных растений СССР» и в «Хорологии древесных растений СССР», то материалы по дендрофлоре Средней Азии остались в рукописи. Этой работой Сергей Яковлевич занимался очень увлеченно, старался познакомить с ней как можно больше дендрологов, геоботаников, заинтересовать этими проблемами других, выслушать их мнение. Именно поэтому он выступал с докладами о дендрофлоре СССР на совещаниях разного уровня: от научных семинаров и конференций в нашей стране до международных лесных и дендрологических конгрессов (в Вене и Братиславе), на которые он посылал тексты своих докладов. Сергей Яковлевич никогда не таил от коллег замыслов своей научной работы и, наоборот, старался привлечь к интересующим его проблемам как можно больше сторонников.

Большое внимание при характеристике дендрофлоры СССР Сергей Яковлевич уделял географии жизненных форм древесных, сравнению соотношения этих форм по регионам. И как всегда, все данные по географии старался выразить картографически. И предполагаемую тему для кандидатской диссертации своей ближайшей помощницы, т.е. автора этих строк, он озаглавил «География жизненных форм древесных розоцветных», набросав несколько основных вопросов, которые его интересовали. Однако в процессе работы над «Атласом ареалов» эта тема была заменена более актуальной на тот момент темой «География древесных розоцветных, в особенности на примере рода Спирея». И посемейственная география жизненных форм была отложена на неопределенный срок.

Собранный, проанализированный и обобщенный материал по географии видов и жизненных форм древесных позволил Сергею Яковлевичу подойти к дендрологическому районированию территории СССР, в основу которого он положил и выявленные географические закономерности, используя историю флоры, и ареалы отдельных древесных пород и, безусловно, свои обширные знания лесного типолога. Проект дендрологического районирования был опубликован в 1965 г. в Комаровских чтениях, а затем в 1966 г. ему была посвящена статья «Дендрологические зоны и провинции СССР».

С 1965 г. Сергей Яковлевич вплотную занялся разработкой атласа ареалов дикорастущих древесных растений СССР, хотя, как уже упоминалось выше, подготовка к этой работе велась,

начиная с конца 1950-х годов. В новом издании предполагалось дать ареалогическую и фитоценологическую характеристику каждого вида, поскольку, как указывал Сергей Яковлевич: «Сложные взаимоотношения древесных растений на одной территории зависят, прежде всего, от их ареалов, последние – явления исторические и в то же время фитоценоотические или, лучше сказать, биогеоценоотические».

Помимо предложенной классификации жизненных форм, Сергей Яковлевич еще в 1947 г. публикует статью «Фитоценоотические типы», где приводит усовершенствованную им классификацию фитоценоотических типов (типов борьбы за существование у растений). Эту классификацию он использовал для характеристики древесных в издании «Ареалы деревьев и кустарников СССР», где именно ею (характеристикой) завершается описание ареала и роли в растительном покрове каждого вида.

С 1965 г. началась весьма кропотливая и целенаправленная работа по составлению карт ареалов всех древесных растений флоры СССР и составлению текстовой (географической, фитоценоотической, экологической) характеристики каждого вида. Первоначальный замысел Сергея Яковлевича (собрать воедино уже опубликованные карты и составить лишь недостающие, хотя и таких набралось слишком много) оказался невыполним из-за изменения видового состава многих родов и в связи с этим необходимостью ревизии опубликованного материала, к которому требовался очень осторожный и критический подход. Основой для составления карт ареалов должны были стать гербарные материалы наиболее крупных хранилищ страны: Ленинграда, Москвы, Киева, Томска, Тбилиси, Еревана. Неоценимую помощь Сергею Яковлевичу оказали дендрологи и флористы, предоставив составленные ими карты ареалов для отдельных территорий (Молдавия, Казахстан, Западная Сибирь) или дополнив недостающие, а также вновь собранные в экспедициях сведения. Заранее определить объем предстоящей работы оказалось очень сложно, а поэтому и сроки ее выполнения растянулись на много лет. Основная нагрузка по составлению карт легла на двух помощниц Сергея Яковлевича: О.А. Связеву и В.А. Кубли. Текстовую часть к картам Сергей Яковлевич писал сам. Были привлечены к созданию «Атласа» и систематики БИН и других институтов, в том числе иногородние авторы. Образец текстового описания видов Сергей Яковлевич обсуждал со многими дендрологами, геоботаниками, систематиками, но образец был настолько продуман самим автором, что вносить в него что-то новое уже не требовалось. Замыслом «Атласа» Сергей Яковлевич, как всегда, делился с коллегами, особенно с дендрологами из других регионов, пытаясь увлечь

их ареалогическими проблемами на региональном уровне, доказывая необходимость проведения такой работы, обоснованно считая, что детально составленная карта ареалов даже для очень маленького региона – это вклад в «копилку» по географии видов всей страны.

Сергей Яковлевич очень спешил выполнить все запланированное по этому атласу, так как в 1971 г. собирался параллельно начать работу по теме «География древесных экзотов СССР». Он спешил, понимая, что атлас карт ареалов всех видов древесных, несмотря на мелкий масштаб карт, не позволяющий связать ареал с орографией, почвами, гидрологией, а дающий лишь общее представление о распространении видов, нужен дендрологам, лесоводам, интродукторам и многим другим специалистам. «Меня крайне интересует Ваш “Атлас ареалов деревьев и кустарников СССР”», – писал ему в марте 1966 г. В.Н. Сукачев. Но, к сожалению, состояние здоровья и скоропостижный уход из жизни не позволили самому завершить эту работу и увидеть это издание опубликованным. Работу над «Атласом» продолжили и завершили его ученики (О.А. Связева и В.А. Кубли), а произошло это только через 15 лет после смерти Сергея Яковлевича и стало возможным исключительно благодаря поддержке тоже его учеников и коллег, докторов биологических наук В.И. Грубова, А.А. Корчагина, Ф.С. Пилипенко, взявших на себя труд по редактированию подготовленного материала, и ученого секретаря БИН Д.В. Лебедева, настоявшего на продолжении работы над этим изданием вопреки желанию заведующего Садам Г.И. Родионенко закрыть данную научную тему в связи со смертью ее руководителя.

Сергей Яковлевич принимал участие в составлении карт ареалов древесных и для других атласов: «Атласа лесов СССР», «Физико-географического атласа мира» и, особенно, «Атласа ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР», где он был не только автором карт, но и членом редколлегии, но увидеть который ему также не довелось.

Любовь к картам, умение их составлять и читать, понимание значения и ценности карт в работах геоботаника, дендролога, флориста были неотъемлемой чертой Сергея Яковлевича. Его кабинет невозможно представить без развешанных на стенах карт растительности и лесов СССР, в недрах его обширнейшего письменного стола всегда хранились различные бланки карт, а в шкафу – почвенные, геологические, климатические и другие карты. Мне всегда казалось, что даже к картографам отдела геоботаники Сергей Яковлевич относился с каким-то особым уважением. Начиная работу над «Атласом ареалов деревьев и кустарников

СССР» и выбрав необходимые для составления карт бланки, он сразу же по своему чертежу заказал коробки для хранения будущих карт.

Представить материал картографически он очень любил сам и старался научить этому других. В первые годы работы с Сергеем Яковлевичем, управляясь с обширным, требующим обобщений, материалом по дендрофлоре СССР, я нередко слышала от него: «Подумайте, как это можно выразить графически». Его вариант чаще всего был уже продуман. И он испытывал удовольствие, когда наши варианты совпадали.

Сергей Яковлевич не только владел акварельными красками, о чем он упоминал в «Автобиографии», но и прекрасно выполнял графические рисунки: от набросков на страницах полевых дневников до серии морфологически точных зарисовок, например тератов люпина. На мою долю выпадала лишь задача выполнить их тушью. Схемы, графики, карты, рисунки – иллюстративное сопровождение большинства опубликованных им статей.

Как уже упоминал Н.Е. Булыгин, начиная с 1952 г., Сергей Яковлевич публикует несколько статей морфологического направления в изучении древесных. Однако эта тематика в работе Сергея Яковлевича появилась значительно раньше: морфологический анализ листьев грецкого ореха он проводит на материале, собранном во время экспедиций на Кавказе и в Средней Азии. Возможно, к этой же серии исследований следует отнести и рукопись «Изменчивость *Rosa cinnamomea* близ Казани» [ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 1. Д. 104]. И вполне возможно, что, если бы С.Я. Соколов защищал кандидатскую диссертацию, то ее название звучало бы приблизительно так: «Побегообразование у субтропических вечнозеленых древесных». Набросок методической разработки к кандидатской диссертации с таким названием хранится в ПФА РАН [Ф. 863. Оп. 1. Д. 254].

Работа в морфологическом направлении проводилась Сергеем Яковлевичем все последующие годы, но, к сожалению, не вся была своевременно завершена и многое осталось в рукописях. Он опубликовал статьи о росте побегов у ольхи и сосны, но не завершил анализ порослевых дубов и кедрового стланика (по материалам наблюдений на НОС БИН «Отрадное»), в 1970–1971 гг. подготовил литературный обзор к предполагавшейся статье «К представлению о жизненной форме у растений», но не успел написать этой статьи. Будучи весьма наблюдательным человеком и ученым, не смог пройти мимо такого явления, как образование тератов у люпина – совсем не дендрологического объекта. После завершения издания «Деревья и кустарники СССР» С.Я. Соколов написал аннотацию и составил план издания серии других спра-

вочников: Карманные региональные определители древесных пород СССР. Списки же видов по регионам были им опубликованы в «Географии древесных растений СССР» [1965]. А в 1966 г. он работал над рукописью «Растительные ресурсы Ленинградской области» (не опубликована), Причина незавершенности ряда работ кроется в недостатке времени, которое Сергей Яковлевич может быть слишком расточительно тратил на многочисленные консультации, редактирование чужих статей, рецензирование диссертаций, что всегда считал своим долгом.

Какие грандиозные планы работы на 70–80-е годы вынашивал Сергей Яковлевич и в каком темпе и объемах эта работа должна была бы проводиться, видно из следующего документа.

«Ученому секретарю Ботанического сада
канд. биол. наук М.В. Барановой

На пятилетие 1971–1975 годов группа Соколов С.Я., Связева О.А. и Кубли В.А. будут работать над подготовкой к печати и над корректурой «Атласа ареалов древесных растений флоры СССР» с объяснительным текстом к нему. Объем этого издания около 120 п.л.

Параллельно с 1971 г. эта бригада совместно с Латманисовой Т.М. будет работать над темой «География древесных экзотов в СССР». В первую очередь будут подведены итоги интродукции древесных растений в парке БИН, в Отрадном с обработкой фенологических наблюдений за 15 (10) лет. В последующем география экзотов будет исследована по литературным источникам и на пунктах интродукции в СССР путем экспедиций и привлечения сотрудников на местах.

Одновременно эта бригада будет проводить интродукцию древесных на стационаре в Отрадном.

Итоги интродукции в Отрадном будут закончены в 1975 г., в парке БИН – к 1977 г., изучение географии древесных экзотов в СССР – к 1985 г.

8.04.1969

Сер. Соколов»

Конечно, при огромной работоспособности самого Сергея Яковлевича и большом напряженном труде его помощниц можно было многое успеть сделать, но, безусловно, не все. Сергей Яковлевич спешил и порой ставил перед собой задачи, невыполнимые в столь короткие сроки, вероятно, боясь, что с его уходом из жизни его замыслы останутся только его замыслами. Однако, чувствуя себя временами плохо из-за приступов стенокардии, он все же, составляя этот план работы на пять и более лет, вряд ли

предполагал, что для выполнения его ему отпущено всего лишь менее двух лет жизни ... Но даже и в случае его преждевременно го ухода этот план должен был стать программой действий для его оставшихся помощниц, его своеобразным завещанием.

И завершить главу о Сергее Яковлевиче как дендрологе хочется словами Н.Е. Булыгина: «В полной мере нельзя еще и в настоящее время оценить роль Сергея Яковлевича в развитии дендрологии, и прежде всего, потому, что плоды его колоссальной научной и организаторской работы будут еще долго ощущаться наукой и практикой через труды его учеников и последователей» [Булыгин, Связева, 1997. С. 128].

Ботанический сад – нежеланный, но мучительно любимый

Начало 1938 года... По решению дирекции Ботанического института АН СССР С.Я. Соколов должен принять заведование Отделом живых растений, т.е. Ботаническим садом БИН.

Как же случилось, что один из самых перспективных лесных типологов, ученик В.Н. Сукачева, талантливый исследователь, зарекомендовавший себя как прекрасный организатор экспедиций разного ранга, был внезапно вырван из геоботанической среды и отправлен, как в ссылку, в Ботанический сад? С точки зрения дирекции, это было повышение по служебной лестнице – заведующий отделом института! Для кого-то это было бы желанным событием, но для Сергея Яковлевича это было крушением его замыслов, надежды заниматься любимой типологией. Прерывалась и, возможно, навсегда исследовательская работа лесного типолога, которую он так любил, знал, к которой так стремился и в которой уже многого достиг.

К 1938 г. отдел геоботаники БИН имел в своем составе богатейший арсенал ученых-исследователей растительного покрова страны, крупнейших ученых-геоботаников и типологов, среди которых было несколько лидеров и одним из них был С.Я. Соколов. В дальнейшем он, возможно, мог бы руководить научной работой всего отдела.

Ботанический сад до 1931 г., т.е. до образования Ботанического института, вмещавший в себя все направления ботанических исследований, имевший в своем распоряжении прекрасный гербарий, богатейшую, лучшую в стране ботаническую библиотеку, музей, научные отделы и представлявший по современным понятиям «сад-институт», в одночасье превратился в отдел живых растений. Это значит: сбор, хранение и обслуживание коллекций живых растений и просветительная деятельность. Заведующий в 1938 г. Са-

дом Н.В. Шипчинский вполне справлялся со своей ролью в том амплуа, в котором пребывал Сад. И это сотрудников Сада вполне устраивало. Но, вероятно, от Сада ждали большего. Научный отдел Ботанического института Академии наук должен был быть действительно научным, т.е. на базе своих огромных коллекций вести научно-исследовательскую работу. Дирекция БИН рассчитала правильно: к 1938 г. Сергей Яковлевич зарекомендовал себя прекрасным организатором, талантливым ученым широкого профиля, человеком, способным поднять Сад до уровня научного отдела. И в правильности своих расчетов дирекция убедилась в дальнейшем. А лидеров в отделе геоботаники было вполне достаточно, по мнению дирекции, и без Сергея Яковлевича.

Но в этой ситуации Сергей Яковлевич проявил несгибаемый характер, нежелание и невозможность бросить, не довести до логического конца начатое дело, которому он предполагал посвятить всю жизнь. Вопреки отказу дирекции дать ему время на завершение докторской диссертации, он принял заведование Садам только спустя три месяца, потраченные им на написание диссертации.

Он перешел в Ботанический сад, но, вероятно, всю жизнь душа его находилась в отделе геоботаники. Он бывал там на научных семинарах и праздничных торжествах. Его любили сотрудники этого отдела. Там он отдыхал душой, отходил от всех забот и тревог Ботанического сада. Он всегда следил за геоботанической литературой и был в курсе всех работ отдела геоботаники. Сергей Яковлевич всю жизнь оставался фитоценологом, геоботаником в самом широком смысле этого слова. И недаром именно к нему приходили за советом сотрудники отдела геоботаники и приезжали на консультации геоботаники из разных городов страны. Он оставался геоботаником уже будучи воспринимаемым всеми как ведущий дендролог, принимал участие в совещаниях по лесной типологии, писал статьи на лесную тематику, преломлял вопросы фитоценологии в области охраны природы и зеленого строительства. Вспомним его блестящие статьи «Лесохозяйственное значение типов леса таежной полосы» [1951] и «Архитектурно-художественное значение типов леса» [1963], написанные уже в Ботаническом саду. Сергей Яковлевич продолжал пропагандировать и отстаивать основные положения учения В.Н. Сукачева о типах леса, как это было на конференции в Казахстане в 1966 г. И публикации на дендрологические и интродукционные темы всю его дальнейшую жизнь будут соседствовать с публикациями лесного типолога.

Итак, Сергей Яковлевич против своего желания принял заведование Ботаническим садом. Но не были рады его приходу и в

самом Саду, где текла более-менее размеренная жизнь хранителей коллекций: пополнение коллекций, идентификация растений, обмен семенами и растениями с другими садами, фенологические наблюдения. Первоочередной задачей Сергея Яковлевича было определить на будущие долгие годы собственный, отличный от других отделов института, научный профиль Сада, при том, что ежедневная, постоянная работа с коллекциями должна также проводиться на другом уровне. И этот профиль был выбран: интродукция и акклиматизация растений и зеленое строительство. С этого времени начинается целенаправленный и напряженный труд по перестройке научной работы немногочисленного коллектива научных сотрудников Сада и, в первую очередь, направленной на разработку теоретических вопросов интродукции и акклиматизации растений. Второе направление научной работы – изучение проблемы зеленого строительства, т.е. озеленения населенных мест, паркостроения, имело прикладной характер.

Однако недостаточно только обозначить научную проблему. Необходимо было разработать ее основные положения, уточнить термины и понятия, а начинать все следовало с экскурса в прошлое, с исторического обзора. Разработке теоретических основ интродукции посвящены доклады и публикации Сергея Яковлевича уже преимущественно в 50-х годах XX в., когда на всесоюзных совещаниях ботанических садов по теории и методам интродукции растений шли бурные обсуждения многих волнующих проблем. Особое значение Сергей Яковлевич придавал разрешению терминологических вопросов, т.е. уточнению понятий «акклиматизация», «интродукция», «натурализация»: «Во избежание терминологической путаницы и путаницы понятий, скрывающихся за терминами, следовало бы твердо условиться в дальнейшем понимать: а) под акклиматизацией – процесс приспособления самих растений к новым условиям существования; б) под интродукцией – совокупность методов и приемов, которыми человек помогает прохождению акклиматизационного процесса у растений, ускоряет этот процесс или принуждает растения к прохождению этого процесса; в) под натурализацией – простой перенос растений из страны в страну со схожими условиями существования» [122. С. 17].

Сергей Яковлевич разработал шкалу успешности акклиматизации и шкалу зимостойкости растений, предложил систему методов интродукции. К вопросу о современном положении теории интродукции и акклиматизации он неоднократно возвращался в своих выступлениях и статьях вплоть до последнего доклада на совещании в Саласпилсе в октябре 1970 г.

Но все это будет потом, а в 1938 г. все только начиналось: резкий поворот от лесной типологии к интродукции растений. И многочисленные, типичные для Ботанического сада, проблемы: хозяйственные (1 га площади под стеклом, парк, питомники, газоны, дорожки, постройки ...), агротехнические (тысячи растений в открытом и закрытом грунте), людские (при небольшом штате научных сотрудников сравнительно большой штат садоводов и садовых рабочих). И всем, и всему нужно уделить максимум внимания, заботы. Во все нужно вникнуть самому, что-то организовать по-новому, где-то «подтянуть» дисциплину, а кому-то преподавать азы ботанических знаний, наладить экскурсионную работу и контакты с другими ботаническими садами и многое-многое другое. А прежде всего, научиться самому управлять всем этим огромным, сложным хозяйством, которое называется Ботаническим садом. Но в то же время необходимо поднять Сад до уровня научных отделов института, и для Сергея Яковлевича – это основное: перестроить всю научную работу бывшего Отдела живых растений. Вот как об этом писал сам Сергей Яковлевич: «Для того, чтобы в дальнейшем глубже и обстоятельнее разработать теорию акклиматизации растений на большом фактическом материале и вместе с тем дать сводку результатов интродукции древесных пород в СССР, Ботанический сад предпринял составление и печатание особого издания «Деревья и кустарники СССР» (дикорастущие и интродуцированные). Эта сводка вместе с тем является руководством и справочником для строителей ползащитных полос, лесоводов и агрономов, для специалистов по озеленению населенных мест и путей транспорта, для преподавателей и учащихся высших школ и специальных техникумов» [142. С. 226].

Замысел и план этого издания принадлежали Сергею Яковлевичу. «Деревья и кустарники СССР» были его гордостью и его заслугой: им проделана, без преувеличения, гигантская работа. Он подбирал коллектив авторов и руководил этим коллективом, редактировал все рукописи и сам делал обработки наиболее значимых древесных пород (каштан, орех, дуб, бук, вишня, черемуха и др.). Однако ему приходилось не только дополнять рукописи, составленные другими, но и кардинально переделывать многие тексты, написанные другими, особенно авторами, ушедшими из жизни. Вот как писал об этом в 1962 г. один из авторов издания, доктор биол. наук, проф. П.И. Лапин, знавший не понаслышке весь труд Сергея Яковлевича: «При просмотре данной работы трудно заметить, что она выполнена коллективом, состоявшим из десятков авторов. Это результат большой работы проф. С.Я. Соколова, который лично критически просматривал все поступающие в

его распоряжения фактические данные и авторские тексты, вносил в них многочисленные коррективы и исправления, перестраивал структуру согласно общего плана и практически заново переписывал весь материал» (личный архив С.Я. Соколова). Мне также довелось видеть эти рукописи, испещренные мелким почерком Сергея Яковлевича.

Для подготовки издания была создана уникальная картотека интродуцированных в СССР деревьев, кустарников и лиан, в которой отмечались географические пункты культивируемых растений, их зимостойкость и данные фенонаблюдений. Эта картотека, именуемая в Саду «картотекой Шипчинского» и сохраненная в период блокады Ленинграда в 1941–1944 гг., содержала огромнейший фактический (десятки тысяч карточек) и в то же время исторический материал. Она была результатом кропотливого труда сотрудников и оказала колоссальную помощь авторам «Деревьев и кустарников СССР», да и не только им. Ею пользовались научные сотрудники Сада еще и в 80–90-е гг. XX в. Сергей Яковлевич считал ее «золотым фондом» и продолжал пополнять и после опубликования последнего, шестого, тома в течение всех 1960-х гг. Наиболее близкие к Сергею Яковлевичу дендрологи, преимущественно его ученики, знавшие об этой картотеке, присылали ему рукописные списки интродуцированных видов. (К сожалению, в настоящее время дендрологами Сада она ликвидирована как «отслужившая и ненужная».)

Однако данных даже этой картотеки оказалось недостаточно, так как многие ботанические сады не публиковали списки интродуцированных древесных. А поэтому в 1950-х гг., когда возобновилась прерванная Великой Отечественной войной и переходом Сергея Яковлевича в отдел геоботаники работа над изданием, возникла необходимость дополнительных сборов самых «свежайших» фактических данных.

Итак, работа по составлению справочника, а фактически монографии о всех древесных растениях страны, была начата в 1939 г., но прервана из-за начавшейся войны. К этому времени первый том, посвященный голосеменным растениям, был почти готов к сдаче в издательство и начата подготовка второго тома. Прервал работу над этим изданием и сам Сергей Яковлевич, в 1942 г., во время эвакуации из Ленинграда, вернувшийся в отдел геоботаники, но, к счастью для «Деревьев и кустарников СССР» и Сада в целом, всего на 6 лет. В 1948 г. по настоятельной просьбе дирекции Сергей Яковлевич вновь был вынужден взять на себя заведование Ботаническим садом. 24 февраля 1949 г. он был утвержден в этой должности Президиумом Академии наук Союза ССР.

За время отсутствия Сергея Яковлевича в Саду работа над справочником крайне замедлилась («За 1942–1948 гг. почти ничего не сделано», – так пишет в отчете за 1949 г. Сергей Яковлевич). Ее продолжал Н.В. Шипчинский, но, к сожалению, отойдя от тех высоких норм и требований, которые предъявлял к изданию и соответственно к авторам Сергей Яковлевич. Поэтому последнему почти все пришлось поднимать до соответствующего, задуманного им, уровня. Самым горьким была гибель в блокаду трех авторов первого тома: В.П. Малеева, Я.Я. Васильева, В.В. Уханова. И все же 30 декабря 1948 г. первый том был подписан к печати, а в 1949 г. вышел в свет.

А далее с 1949 по 1962 год были написаны, отредактированы и изданы следующие пять томов. Все издание включает свыше 4900 видов деревьев, кустарников, полукустарников и лиан, растущих в СССР как дико, так и в культуре. Были также включены виды, перспективные для интродукции. Эти 6 томов стали настольными книгами для дендрологов всей страны, справочным и учебным пособием для специалистов лесного и коммунального хозяйства, растениеводов и интродукторов в архитектурно-планировочных мастерских и многочисленных специальных учебных заведениях.

Материалы, изложенные в этом издании, как и полагал Сергей Яковлевич, давали возможность подойти к решению важных вопросов теории интродукции и акклиматизации, выявить основные закономерности в размещении дендрофлоры по территории страны и прогнозировать дальнейшую интродукционную деятельность. И поэтому издание «Деревья и кустарники СССР» получило самые лестные отзывы специалистов: «Небольшим авторским коллективом сравнительно в сжатый срок проделан титанический труд по обработке огромнейшего материала...» (доктор биол. наук, проф. А.В. Васильев, г. Сухуми), «Деревья и кустарники СССР» – выдающееся явление в ботанической литературе..., ...войдут в золотой фонд отечественной литературы как уникальный труд по прикладной ботанике Советского Союза» (акад. ВАСХНИЛ М.А. Лисавенко, г. Барнаул) и множество подобных высказываний (личный архив С.Я. Соколова).

В связи с самыми высокими оценками этого издания Ученый совет Ботанического института АН СССР на заседании 20 октября 1962 г. постановил: «Принимая во внимание значительную теоретическую ценность шеститомного руководства «Деревья и кустарники СССР» (1949–1962), являющегося уникальным справочником по древесно-кустарниковой флоре страны, а также оригинальность материала, опубликованного в нем, представить

на Ленинскую премию 1962 г. в области науки и техники д-ра б.н. С.Я. Соколова (руководитель работы), канд. биол. наук О.М. Полетико, канд. биол. наук Ф.С. Пилипенко, канд. биол. наук Б.Н. Замятнина и д-ра биол. наук В.П. Малеева (посмертно)» (копия из личного архива С.Я. Соколова).

Это выдвижение поддержали ботанические сады и дендрологи всей страны. Однако Комитет по Ленинским премиям принял решение отложить присуждение премии до следующего года, так как издание не закончено, ибо в предисловии к шестому тому было обещано «...в ближайшие годы в последующих томах “Деревья и кустарники СССР” будут изложены результаты географии диких древесных, а также будут обсуждены итоги и развиты перспективы интродукции деревьев и кустарников в СССР...» [178. С. 6]. Следующий, седьмой, том, подводящий итоги географии древесных в СССР, вышел в 1965 г.

После выхода шестого тома «Деревьев и кустарников СССР» прошло более 40 лет, но пока подобного издания в нашей стране не появилось, как не нашлось и специалистов столь высокого уровня, каким был С.Я. Соколов, способных на переиздание этого справочника.

Но вернемся к первым годам заведования Ботаническим садом Сергеем Яковлевичем. Помимо подготовки к изданию первого тома «Деревьев и кустарников СССР», Сад продолжал обычную для всех садов поисковую интродукцию. Для экспериментальной разработки теории акклиматизации растений планировались скрупулезные монографические изучения отдельных групп древесных и травянистых растений. Эти монографические изучения наиболее широко развернулись, начиная с 1948 г., и затронули не только растения открытого грунта (тюльпаны, примулы, ирисы, колокольчики, ранневесенние луковичные, орехи, хеномелес, лианы, розы и др.), но в дальнейшем растения и оранжерей.

Большое внимание было уделено налаживанию экскурсионной работы. В 1938 г. были составлены методические записки по темам экскурсий в оранжереях и парке. Экскурсии разрабатывались с учетом школьных курсов по ботанике, а также специальных курсов для студентов университета и других учебных заведений растениеводческого профиля.

Начавшаяся Великая Отечественная война нарушила все планы, поставив коллекции Сада и сам Сад на грань гибели. О жизни Сада и своих заботах о нем Сергей Яковлевич подробно рассказал в «Автобиографии», публикуемой в начале этой книги. Однако здесь следует привести один из документов той страшной поры.

Протокол

заседания при Директоре Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии наук СССР 26 января 1942 г.

Присутствовали: Директор БИН – к.б.н. В.С. Соколов, Заведующий Ботаническим садом д.б.н. С.Я. Соколов, проф. А.П. Ильинский и Ученый садовод Н.И. Курнаков.

24–25 января с.г. при температуре воздуха в -30° + -36° температура в оранжереях 20, 22, 3, 4 и в здании Музея упала до -4° , -7° , т.к. местные котлы в оранжереях 22 и 20 не в состоянии поднять ее выше, в здании же Музея местный котел до сего времени не работает (отсутствие воды и рабочей силы), отопление же с помощью сложенных садовой частью кирпичных буржусок и железных печей также не могло обеспечить должной температуры.

В результате – растения, находящиеся в указанных оранжереях и в здании Музея, замерзли.

Ввиду этого, а также и по той причине, что Ботанический институт не располагает более запасами дров – отопление оранжерей и здания Музея следует с сего числа прекратить, считать, что все растения Государственного коллекционного фонда, бывшие под стеклом, погибли.

Продолжать обслуживание коллекций георгин и других растений в подвалах Гербария, роз в погребах, кактусов в доме ботаников.

Необходимо также вынести мелкие пальмы из 22 оранжереи в квартиры дома ботаников.

Члены совещания

В.С. Соколов

С.Я. Соколов

А.П. Ильинский

Н.И. Курнаков

[ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 9].

Как считал Сергей Яковлевич, дальше оставаться в городе было бессмысленно: измученные голодом, бомбежками и уже непосильным трудом, еще оставшиеся в живых сотрудники Сада ничем не могли помочь погибшим коллекциям тропических и субтропических растений. В феврале 1942 г. вместе с группой сотрудников БИН Сергей Яковлевич был эвакуирован из Ленинграда. Оказавшись в Казани, где жили ранее эвакуированные сотрудники БИН, Сергей Яковлевич был назначен временно исполняющим обязанности заведующего отделом геоботаники и окунулся в любимую работу по обследованию лесов. На этот раз – лесов Поволжья.

От очень заманчивого предложения В.Н. Сукачева переехать в Москву с целью организации Института леса АН СССР Сергей Яковлевич вынужден был отказаться по этическим соображениям, о чем он рассказал в «Автобиографии». В 1944 г. вместе со всем коллективом БИН он возвращается в Ленинград, в отдел геоботаники. Однако работа в отделе геоботаники продолжалась

только до 1948 г., когда, по настоянию дирекции, он вторично принимает заведование Ботаническим садом.

После отъезда Сергея Яковлевича в эвакуацию заведование Садом перешло к проф. Н.В. Шипчинскому. Поредевший коллектив Сада прилагал усилия к сохранению оставшихся живых растений. Из собранных спор от замерзших экземпляров начали выращивать папоротники. Весной 1943 г. посеяли семена, полученные из Батумского ботанического сада. Перевезли подаренные Саду растения из других оранжерей города и от частных лиц. Постепенно шло восстановление оранжерей. Налаживался обмен семенами с другими садами. Из Сухумского ботанического сада в 1946 г. привезли более 1,5 тыс. экземпляров растений для закрытого грунта. Начали приводить в порядок и парк, сильно пострадавший за годы блокады от артиллерийских обстрелов, запустения, массового разрастания сорнячающих растений.

Летом 1947 г. по распоряжению Ленинградского горкома ВКП(б) проводилось обследование зеленых массивов города, в том числе и Ботанического сада БИН. Руководил всеми работами по обследованию С.Я. Соколов. Даже будучи в это время сотрудником отдела геоботаники и, надо полагать, не планируя возвращаться в Ботанический сад, он прекрасно знал его состояние. Поэтому в отчете о результатах обследования писал, что в Ботаническом саду разрабатываются вопросы интродукции декоративных растений и некоторые вопросы садово-парковой архитектуры. Однако Сад является самым слабым отделом в Ботаническом институте по своим научным силам, почти без экспериментальной базы и мало занимается практическими вопросами, необходимыми городу. При этом Сергей Яковлевич отмечал, что хозяйство в парке ведется слабо и небрежно, хотя древесной растительностью сравнительно в порядке, а питомники древесных растений содержатся в хорошем состоянии. И с горечью замечал, что Сад «не энергично восстанавливает оранжереи».

К 1948 г., к возвращению Сергея Яковлевича на должность заведующего Садом, было восстановлено 14 оранжерей, но столько же еще были в разрушенном состоянии, в том числе самые высокие – Большая пальмовая и папоротниковая.

Со свойственной ему энергией, высочайшей организованностью и работоспособностью, с желанием все сделать по максимуму и довести задуманное до конца Сергей Яковлевич принял за восстановление разрушенного хозяйства, за налаживание научно-исследовательской и экскурсионной работы. Вопреки бытовавшему среди некоторых сотрудников БИН мнению о нецелесообразности восстанавливать Сад в прежнем виде, а также решению Академии наук СССР строить Главный ботанический сад в Москве,

а в Ленинграде не поднимать из руин оранжерейное хозяйство, Сергей Яковлевич «ринулся в бой» за восстановление Сада именно в том виде, каким его знали до войны ленинградцы. И этот «бой» потребовал от него максимальных усилий, умения убедить, отстоять свою точку зрения и в результате победить, хотя для этой победы он решает в 1951 г. обратиться с письмом к И.В. Сталину (текст письма приводится в конце этой книги в разделе «Из неопубликованного»).

В индивидуальном отчете Сергея Яковлевича за 1949 г. за очень скупыми строчками о проделанной за год работе встает гигантский объем совершенного ради восстановления Сада. Это и включение в постановление Сессии Ленсовета, по настоянию Сергея Яковлевича, пункта о помощи Ленсовета в восстановлении Сада, и обращение к президенту АН СССР о необходимости быстрого восстановления Сада. Это и составленное и представленное в Отделение биологических наук АН СССР, в Президиум АН СССР проектное задание по восстановлению оранжерей и парка, утвержденное акад. И.П. Бардиным. Это и обращение к секретарю Обкома и Горкома ВКП(б) В.М. Андрианову с просьбой о помощи БИН со стороны строительных организаций Ленинграда. И обращение к президенту АН СССР С.И. Вавилову с просьбой о передаче БИН лесопарковой части территории Пулковской обсерватории. Но это и не только просьбы: составлены задания для оранжерей и питомника травянистых растений по выращиванию озеленительного материала для школ, институтов, производственных организаций – Сад не только ждет помощи от города, но и сам должен, по возможности, помогать ему.

Но за всеми производственными и хозяйственными проблемами Сергей Яковлевич никогда не забывал о научной работе Сада. Как и в предвоенные годы основной и единственной проблемой остается разработка теоретических основ интродукции растений. По каждой из индивидуальных подтем этой общей темы разработаны методические записки. Выполнение этих подтем Сергей Яковлевич контролировал лично по мере надобности. К выполнению специальных самостоятельных заданий он подключил и наиболее квалифицированных садоводов. Эти исследовательские работы в дальнейшем должны были привести к монографическим обработкам, а наблюдения за сезонным развитием растений – к составлению необходимых для озеленителей-практиков календарей состояния садов и парков Ленинграда. Для разворачивающейся большой экспериментальной работы нужны были свободные площади. В парке, на запущенной территории, был организован «мичуринский участок», где высажены привезенные из Мичуринска выведенные И.В. Мичуриным сорта яблони, череш-

ни, винограда. Здесь же Сергей Яковлевич начал работу по акклиматизации грецкого ореха и получению вегетативных гибридов орехов серого, маньчжурского и грецкого, а также пробкового дуба, каштана, чая.

В 1949 г. часть экспериментальных работ была перенесена на научно-опытную станцию БИН «Отрадное». НОС «Отрадное» расположена почти на 100 км севернее Ленинграда, близко к Ладожскому озеру и на берегу большого озера Пюхе-ярви, т.е. в более суровых условиях, чем городские. Здесь был организован полупроизводственный питомник древесных и кустарниковых пород для выращивания посадочного материала для озеленительных организаций города. Сергей Яковлевич был куратором питомника с 1948 по 1960 г. и с 1968 до 1971 г. Этот питомник на площади 2,5 га был тоже детищем Сергея Яковлевича, о котором он болел душой до конца жизни, где проводил опыты и по акклиматизации древесных, и по борьбе за существование в моно посадках, где производил географические посевы грецкого ореха и изучал тераты у люпина. Одно время при посещении станции он останавливался в маленькой избушке на берегу озера у самого уреза воды. По вечерам на лодке отправлялся на рыбную ловлю – его любимейшее занятие. Но пребывание в Отрадном доставляло ему и много огорчений, особенно со стороны хозяйственников: то вырубят высаженный из питомника на территорию станции сибирский кедр, то уничтожат посадки грецкого ореха, то какие-то помехи для работы устроят на питомнике. И тогда он принимал решение: больше на питомник не ездить. И ... не выдерживал своего же решения.

Однако Ботанический сад заложил в Отрадном, помимо питомника древесных растений, экспериментальные плантации таннидных, лекарственных, силосных растений. А в 1951 г. в ведение Сада перешел и Опорный пункт в г. Сочи с плантациями эвкалиптов в Адлере, Сочи и Лазаревской.

Начиная с 1948 г., была пересмотрена работа семенной лаборатории, где стала создаваться карпологическая коллекция, образцы семян и плодов которой изучались морфологически по специальной программе. Здесь же начались опыты по хранению семян, определению их всхожести и энергии прорастания, по различным приемам предпосевной обработки.

После возвращения из эвакуации Сергей Яковлевич жил в доме на Инструментальной улице, принадлежавшем Ботаническому институту и находившемся на его территории. Каждое утро без опозданий (он не опаздывал сам и не терпел опозданий сотрудников) он начинал рабочий день с обхода оранжерей. Об этих обходах садоводы всегда вспоминали очень тепло, но сознавались, что

побаивались их: Сергей Яковлевич был крут, если замечал какие-то неполадки или небрежность в работе. Эти ежедневные обходы воспринимались садоводами как образец внимания заведующего к их делу и Саду в целом. И спустя много лет садоводы с ностальгией отмечали, что эта традиция не была поддержана последующими заведующими. Сергей Яковлевич хорошо знал не только оранжерейное хозяйство, но и парк, питомники. Принимал участие в проектировании посадок в парке, следил за ремонтными работами, а иногда, по просьбе сотрудников БИН, сам проводил для них экскурсии по парку.

Отношение к культурно-просветительной деятельности у Сергея Яковлевича было в высшей степени серьезное. Выработав генеральную тематику экскурсий в оранжереях и в парке, он сначала сам водил экскурсоводов по парку, затем прослушивал их на показательных экскурсиях по парку и в оранжереях, а потом разбирал эти экскурсии с методологической и методической сторон. Для посетителей Сада сотрудники в летнее время читали лекции. Работал кружок юннатов.

В этот, второй, период работы Сергея Яковлевича в Ботаническом саду у него уже сложился коллектив надежных помощников и среди научных сотрудников, которым он доверил парк (А.Г. Головач, Б.Н. Замятнин), оранжереи (С.Г. Сааков), коллекции травянистых растений (О.М. Полетико, А.С. Лозина-Лозинская, З.Т. Артюшенко, З.М. Силина, Г.И. Родионенко), а также и среди опытных садоводов (С.Н. Колмин, В.О. Шлапин, О.М. Спорягина, А.П. Жук и многие другие). В его непосредственной научной работе ему помогали лаборанты-садоводы В.В. Шульгина, Я.В. Рагузский, садовод Л.В. Кулешов. Двое последних обеспечивали проведение опытов по вегетативной гибридизации и акклиматизации растений. На опыте и традициях старшего поколения воспитывался и коллектив более молодых садоводов (Н.Г. Вьюгина, В.И. Галахова, Ф.И. Верюжская, В.П. Каверзнев, М.К. Сухорукова, Л.П. Лупанова и другие). Постепенно возрождались коллекции. Сад занял достойное место среди других научных отделов БИН. В нем шла активная научно-исследовательская работа: выходили в свет тома «Деревьев и кустарников СССР», началась публикация статей в Трудах БИН, серия «Интродукция и зеленое строительство», печатались монографические обработки. Сергей Яковлевич был инициатором создания серии «Интродукция и зеленое строительство», автором ряда статей и ответственным редактором восьми выпусков.

После поездки в Китай Сергей Яковлевич по состоянию здоровья оставил заведование Ботаническим садом, продолжая работать в нем старшим научным сотрудником. Но ни на один день

он не переставал быть в курсе всех дел, забот и волнений Сада, оставаясь среди научных сотрудников и садоводов самым почитаемым и авторитетным человеком, мнение которого часто было решающим. Помогал начинающим сотрудникам. Огорчался (вплоть до приступов стенокардии), когда видел, что что-то делается не так, не на пользу Саду, а сам он уже не может ничем помочь, ничего изменить. Будучи членом Ученого совета института, всегда выступал в защиту Сада, для процветания которого он приложил столько сил. Для работников ботанических садов всей страны Сергей Яковлевич всегда, до последних дней жизни, олицетворял собой Ботанический сад Ботанического института АН СССР в Ленинграде.

Однако рассказ о роли С.Я. Соколова в жизни Ботанического сада БИН был бы неполным без следующих глав этой книги: без его роли в зеленом строительстве и охране природы, а также в жизни других ботанических садов страны.

От Сада на Аптекарском острове до заботы о ботанических садах всей страны

Ботанический сад, каким бы процветающим он ни был, не может существовать в одиночку, в изолированном пространстве. Нужен обмен не только семенами и растениями. Необходим обмен научными идеями, методиками, опытом работы. И, наконец, желательно общее направление научных исследований.

Возглавив Ботанический сад головного ботанического учреждения страны, Сергей Яковлевич особенно остро почувствовал необходимость налаживания более тесных контактов с другими ботаническими садами. В первую очередь, ощущался недостаток информации о работе региональных и университетских садов. Поэтому, по инициативе Ботанического института (а точнее, по инициативе С.Я. Соколова), Отделением биологии АН СССР с 13 по 21 января 1940 г. была созвана Первая конференция ботанических садов СССР. В работе этой конференции, проходившей сначала в Москве, а затем в Ленинграде, приняли участие, вероятно, все ботанические сады Советского Союза и некоторые учреждения ботанической направленности. На конференции предполагалось определение профиля и задач ботанических садов. Сергей Яковлевич выступил с докладом о задачах садов в области научно-исследовательских работ.

Основной темой исследовательской работы была провозглашена уже принятая в Ботаническом саду БИН в качестве ведущей

интродукция новых полезных растений и разработка теории интродукции. Именно интродукция растений и зеленое строительство должны были объединить работу ботанических садов и родственных учреждений. Причем в целях единства результатов она должна проводиться по общему плану и специально разработанным методикам экспедиционных, стационарных и лабораторных исследований. И, как их завершение, передача апробированных растений в производство.

Для координации исследований предполагалось просить Правительство СССР поручить Академии наук СССР через Ботанический институт осуществлять научное руководство этой тематикой во всех ботанических садах и родственных учреждениях, занимающихся интродукцией, а при Ботаническом институте учредить Совет ботанических садов. Задачи Совета: планирование, разработка методики, контроль за проведением интродукционных работ, содействие в организации научно-просветительной работы, проектирование новых садов и др.

Предложение о создании Совета было разработано Комиссией Оргкомитета конференции: С.Я. Соколов, Б.А. Федченко, В.П. Малеев, Н.А. Аврорин (см. в разделе «Из неопубликованного»). Этот вопрос в Оргкомитете был поднят А.А. Гроссгеймом, а первый проект объединения работ ботанических садов составлен А.А. Гроссгеймом, Б.А. Федченко и С.Я. Соколовым. Совет ботанических садов был создан в 1953 г. по распоряжению Президиума Академии наук СССР. С.Я. Соколов вошел в состав Совета от Ботанического института АН СССР (вместе с чл.-корр. П.А. Барановым и мл. науч. сотрудником Б.Н. Замятниным), а также и в Бюро Совета (вместе с П.А. Барановым).

Первая конференция ботанических садов страны положила начало серии последующих совещаний, состоявшихся уже в послевоенные годы. Это были съезды, совещания, конференции разного уровня: всесоюзные, региональные, юбилеи садов. Сергей Яковлевич участвовал почти во всех этих совещаниях, входил в их оргкомитеты, выступал с научными докладами и сообщениями об исследовательской, культурно-просветительной работе Сада, о связях с производственными организациями Ленинграда.

На совещании в 1952 г. Сергей Яковлевич сетовал, что отсутствует общая методика по акклиматизации растений, а следовательно, результаты, получаемые в разных ботанических садах, будут несопоставимы, и призывал к объединению усилий по разработке единой программы и методики акклиматизационных работ. Именно поэтому в октябре 1953 г. в Ленинграде, по инициативе С.Я. Соколова, Ботаническим институтом им. В.Л. Комарова АН СССР было созвано совещание по теории и методам

акклиматизации растений, в котором приняли участие 220 научных работников, в том числе представители 36 ботанических садов. В задачу этого совещания входило не только довести до участников основные положения теории акклиматизации и интродукции растений, но и выработать так недостающую единую методику исследовательских работ. Это совещание рассматривалось ботаниками как новый этап в деятельности ботанических садов страны. На совещании был заслушан основополагающий доклад Сергея Яковлевича «Современное состояние теории акклиматизации и интродукции растений». В последующие годы он неоднократно возвращался к этой теме, несколько ее перерабатывая и углубляя.

Еще одно всесоюзное совещание было проведено в 1956 г. по инициативе Ботанического сада БИН – совещание по введению в культуру новых видов полезных растений. Сергей Яковлевич постоянно ратовал за изучение в природе для последующего введения в культуру полезных растений дикой флоры СССР. С этой целью Сад посылал своих сотрудников в экспедиционные и тематические поездки в Закарпатье, Среднюю Азию, Крым, на Кавказ. Работы такого профиля проводились во многих ботанических садах страны, но требовалась координация этих исследований. В помощь сотрудникам садов Сергей Яковлевич в 1952 г. опубликовал статью «Краткая программа и методика экспедиций ботанических садов», куда вошла и разработанная им программа фенологических наблюдений за растениями, изданная затем в 1957 г. отдельной брошюрой.

Координационная работа по теме «Интродукция и акклиматизация растений» в системе ботанических садов Академии наук и других учреждений в течение многих лет проводилась Ботаническим садом БИН как головным Садам страны. И главным инициатором этой работы был Сергей Яковлевич, который первоначально вел эту работу сам и лишь в дальнейшем привлек к ней сотрудников Сада. Рассматривались годовые планы научно-исследовательских работ и делались заключения по отчетам, обследовалось проведение этих работ на местах или заслушивались доклады и сообщения приезжих сотрудников на научных семинарах Сада. Впоследствии эта работа была передана Главному ботаническому саду АН СССР в Москве.

По инициативе Сергея Яковлевича в разных регионах страны, на базе ботанических садов были созданы авторские коллективы по составлению региональных дендрофлор Прибалтики, Кавказа, Средней Азии, Дальнего Востока. Сергей Яковлевич принимал участие в проектировании этих справочников, выезжал по этим вопросам на совещания в Ригу, Ташкент. Вышли из печати «Дендрофлора Кавказа», «Деревья и кустарники Молдавии»,

«Деревья и кустарники Казахстана» и др. Создание региональных дендрофлор продолжается и в настоящее время.

Одной из огромнейших заслуг Сада, и в том числе самого Сергея Яковлевича, была помощь, которую Сад оказывал в проектировании новых ботанических садов, в налаживании в них научных исследований. Разрабатывались или обсуждались проекты следующих садов: Главный ботанический сад АН СССР в Москве, сады Карельского, Московского (на Ленинских горах), Днепропетровского университетов, Всесоюзного института лекарственных растений, Полярно-Альпийского сада, ботанические сады в Белоруссии, Молдавии, Узбекистане, Таджикистане, в Западной Сибири и на Урале и еще многие другие. Сергею Яковлевичу нередко по этим вопросам приходилось выезжать в разные города, причем уже не будучи заведующим Ботаническим садом БИН. Одними из последних были поездки в Кишинев в конце 1960-х гг.

В заключение следует упомянуть, что С.Я. Соколов был членом Совета ботанических садов с момента его создания по 1971 г., принимал активное участие в его работе, неоднократно его включали в состав комиссий Совета по разработке, например, таких вопросов, как оказание содействия строительству новых ботанических садов (1959 г.), изучение флор в целях интродукции (1964 г.), разработка проекта программы эколого-физиологических исследований при изучении проблемы интродукции и акклиматизации в ботанических садах Советского Союза (1969–1970 гг.) И в чем не приходится сомневаться, всегда принимал в работе этих комиссий самое заинтересованное и деятельное участие.

«Посадить дерево – это только начало...»

Это утверждение Сергея Яковлевича имеет продолжение: «Надо его вырастить. А для этого необходимо обеспечить посаженное регулярным агротехническим уходом... Все работы надо вести только под руководством специалистов.» [196]. В данном случае речь шла о создании Зеленого пояса мира вокруг Ленинграда. Но эти слова применимы абсолютно во всех случаях озеленения.

Посадить дерево – это может быть началом создания прекрасного парка, сквера, бульвара, началом превращения заброшенного пустыря в зеленый массив, а может быть началом разрушения сложившегося ландшафта, началом борьбы против этого дерева, заслоняющего свет и мешающего людям и, наконец, началом гибели плохо и не к месту посаженного дерева. А для того, чтобы не разрушать, а создавать, чтобы дерево росло и радовало окружающих и украшало город, и существует Управление садово-

паркового хозяйства и зеленого строительства (УСПХ и ЗС) с большой армией специалистов. Но существует не само по себе, а в тесном контакте со специальными научно-исследовательскими, проектными, учебными учреждениями, ибо нуждается в методическом руководстве и консультациях, в подборе ассортимента, пригодного в данных условиях среды, в получении семян и уже апробированного посадочного материала.

Все это прекрасно понимал С.Я. Соколов, равно, как и то, что вести интродукционную деятельность и не иметь выхода в практику озеленения абсолютно недопустимо для любого ботанического сада и, в первую очередь, для ведущего Ботанического сада страны. Именно поэтому в провозглашенной им тематике Сада наряду с интродукцией и акклиматизацией растений значилось и зеленое строительство. Именно поэтому и для серии «Трудов» Сада им было выбрано название: «Интродукция и зеленое строительство». И именно поэтому на страницах этого издания специалисты-озеленители могли найти для себя интересные и полезные материалы. Для осуществления более продуктивных контактов Сергей Яковлевич наладил тесную связь с УСПХ и ЗС Ленинграда, Управлением лесного хозяйства и лесной промышленности Ленсовнархоза, республиканским трестом «Госзеленхоз» и другими организациями и оказывал производству практическую помощь в форме консультаций и передачи исходного посадочного материала.

Однако передача посадочного материала – это только один аспект сотрудничества Сада с озеленителями города и, может быть, наиболее распространенный, традиционный для Сада и наиболее легкий для исполнения. Передача материала шла разными путями и с разными целями: а) передача непосредственно посадочного материала для озеленения (из открытого грунта и оранжерей), б) передача живых растений, черенков, луковиц, семян на производственные питомники для размножения, в) организация на НОС «Отрадное» полупроизводственного размножения растений, апробированных на экспериментальных питомниках Сада, с последующей передачей их для озеленения.

И несмотря на огромные потери Сада во время блокады Ленинграда в 1941–1944 гг., передача посадочного материала городу и отдельным предприятиям, школам, больницам в конце 1940–1950-х гг. уже составляла тысячи экземпляров. За выполнением этого обязательства перед городом Сергей Яковлевич следил очень строго: с одной стороны, это внедрение результатов научно-исследовательской работы сотрудников Сада в практику, с другой – это долг Сада перед городом, который помогал Саду заживлять военные раны.

Существовали и другие аспекты сотрудничества Сада с Управлением садово-паркового хозяйства города.

В предвоенные, а затем в послевоенные годы Сергей Яковлевич принимал непосредственное участие в обследовании городского озеленения. Масштабы проверки были огромны. В 1939 г. они охватывали парки, сады, скверы Петроградского и Центрального районов, Васильевского острова и Охты, Московского и Лесного проспектов, Смольнинского и частично Калининского районов, правого берега р. Невы у Володарского моста и др. По всем этим объектам давалось заключение. Сергей Яковлевич не только руководил проверкой, но сам обследовал большинство из зеленых массивов. Еще раньше, в 1937 г., вместе с сотрудниками Лесотехнической академии он принимал участие в обследовании Удельнинского парка и в решении его судьбы.

В связи с увеличением озеленительных работ в Ленинграде для дальнейшего благоустройства городских парков и территорий нового строительства Президиумом Ленсовета было принято решение о внедрении хвойных пород в зеленые насаждения. Согласно этому решению, бригада специалистов под руководством С.Я. Соколова, обследовав 48 небольших садов и скверов во всех частях города, пришла к заключению: для большинства объектов из-за сильного и среднего задымления посадка хвойных не рекомендуется. В числе обследованных посадок хвойных были и новые посадки, сделанные весной 1939 г. (667 экземпляров), и посадки 1928–1938 гг., и старые, 50-летней давности. Предварительное заключение о состоянии хвойных древесных растений на территории Ленинграда на 20 июня 1939 г. составлено С.Я. Соколовым. Перечисляя хвойные породы по их выносливости к задымлению, их встречаемости в городе и состоянию, он отмечает, что особенно значительна гибель хвойных за последние 10-12 лет, причем независимо от возраста деревьев.

В том же, 1939 году, Сергей Яковлевич составляет проект озеленения Сенной площади: липы, боярышник, кизильник вместо предполагавшейся здесь посадки хвойных. Причем, как всегда, он детально прорабатывает полную разметку: высота поребриков, ширина тротуаров, высота стрижки кустов и т.д.

Война и блокада Ленинграда нанесли огромный ущерб садово-парковому хозяйству города и пригородов: часть парков была уничтожена полностью, большинство – сильно пострадали от обстрелов, бомбежек, пожаров, запустения. Только в пределах города площадь зеленых насаждений сократилась на 400 га. Погибло свыше 100 тыс. деревьев, 800 тыс. кустарников, было уничтожено 300 га газонов. По приблизительным подсчетам, городские сады были разрушены на 40%, пригородные – на 60%, а некоторые – на 90%.

Восстановление разрушенного зеленого фонда началось с 1944 г. По поручению Ленинградского горкома ВКП(б) в 1947–1949 гг. под председательством С.Я. Соколова работала Комиссия по ревизии состояния садов и парков Ленинграда и пригородов, а также вновь создаваемых зеленых массивов. Это обследование было вызвано не только необходимостью ревизии тех зеленых насаждений, которые сохранились после войны. В 1949 г. Исполком Ленсовета должен был разработать генеральный план озеленения Ленинграда. Предполагалось к 1951 г. восстановить старые парки и сады на площади 1130 га и создать новые на площади 400 га, в том числе два крупнейших парка Победы. Ревизия старых зеленых массивов коснулась не только садов и парков, но и некоторых городских кладбищ. Состояние зеленых насаждений, отсутствие постоянного и целенаправленного ухода производило на Сергея Яковлевича удручающее впечатление, и он очень надеялся, что к 1951 г. исчезнут «печальные картины», которые ему приходилось видеть во многих садах. По его глубокому убеждению, «Сквер, сад или парк, в отличие от здания или скульптуры, будучи построенным, еще не сделан: посаженные деревья, кусты, цветы, посеянные травы растут и в течение года меняют свой внешний облик; с годами деревья и кустарники увеличиваются в своих размерах, что изменяет архитектурные картины. Сад или парк требует повседневной заботы и не только заботы агротехнического характера, но, что очень важно, приложение труда агротехника-пейзажиста» [80. С. 12].

Отчет о результатах обследования, составленный Сергеем Яковлевичем в августе 1947 г., поражает всесторонним охватом множества проблем зеленого строительства города, детальной и глубокой проработкой животрепещущих вопросов, а также проработкой необходимой и возможной помощи в налаживании этого сложного городского хозяйства. Поднять все эти городские проблемы, вникнуть в их корни мог человек, глубоко понимающий суть задач зеленого строительства и болеющий за свой город. При этом надо учитывать, что Сергей Яковлевич в эти годы был научным сотрудником отдела геоботаники, а не Ботанического сада. Но для правительства города он уже был признанным крупнейшим в Ленинграде специалистом по вопросам зеленого строительства.

Пригородные парки по их состоянию на 1947 г. Сергей Яковлевич условно делит на 3 категории: 1) парки почти разрушенные, требующие составления планов восстановления и очень крупных капитальных затрат (г. Пушкин: Баболовский парк, Павловский, Отдельный; г. Петродворец: почти все парки; Стрельна: Константиновский парк); 2) парки, находящиеся в плохом

состоянии, требующие значительных капитальных затрат и планов хозяйства (г. Пушкин: Екатерининский парк, Александровский; г. Петродворец: Пролетарский парк, Луговой); 3) парки, требующие крупного текущего ремонта и планов хозяйства (г. Петродворец: Колонистский парк; г. Ораниенбаум: Дворцовый парк). Большинство этих парков находится в плохом состоянии, требуют проектных работ и больших затрат. «Парки первой категории необходимо строить почти заново; зеленые насаждения в них расстроены совершенно; системы прудов, каналов, мелиоративная система, дорожки пришли в негодность. Парки второй категории имеют древесные и кустарниковые насаждения, поврежденные на 25–40%, и крайне запущенные газоны. Лишь в Екатерининском парке проведена огромная работа по его восстановлению. Охрана пригородных парков, ценнейших павильонов в них и скульптуры поставлена очень плохо. Это влечет за собою хищения в них, уничтожение молодых посадок, цветущих растений посетителями и уничтожение зелени пасущимся скотом. Итак, состояние пригородных парков следует считать угрожающим их гибели» [ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 119].

Не меньшее беспокойство вызывали у Сергея Яковлевича и вопросы проектирования садов и парков. В городе это проектирование вели несколько архитектурных мастерских, в которых, как правило, отсутствовали специалисты-озеленители, растениеводы, паркостроители. Поэтому у них не было возможности критически отнестись к «основному архитектурному моменту проектов – растениям, их комбинациям, а также и к динамике пейзажей».

Если же учесть, что УСПХ и ЗС принадлежит только 1/3 часть всех площадей зеленых насаждений, а остальные находятся в ведении других организаций, то, как отмечает комиссия, прослеживается некоторая бесплановость в зеленом строительстве, даже при том, что УСПХ имеет право контроля за состоянием всех садов и парков. Не на пользу садам и паркам строительство на их территории многочисленных аттракционов, торговых ларьков, сопровождающееся небрежным отношением к зеленым насаждениям. Урон, нанесенный войной зеленому наряду города и пригородов, огромен, и его невозможно оценить, как невозможно и рассчитать, сколько десятилетий и усилий потребуется на воссоздание разрушенного зеленого объекта, который нередко формировался в течение столетий. Да и будет ли воссоздано прежнее, а не возникнет нечто новое. Все эти проблемы волновали Сергея Яковлевича, равно, как и преобладание старых деревьев в древесных стоях города, плохое состояние и бедность видового состава молодых посадок, тысячи сухих и больных деревьев и многое дру-

гое. И как следствие, заключение комиссии в 1947 г.: «Состояние зеленого фонда Ленинграда нельзя считать удовлетворительным». [ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 114].

Однако комиссия не ограничивалась только этим печальным заключением, а продумывала и возможные пути помощи: составление перспективных и текущих планов работ по каждому зеленому объекту, обогащение ассортимента питомников, планировка и озеленение целых кварталов, приведение в порядок зеленых насаждений на кладбищах города и т.д.

Планируемые масштабы зеленого строительства не могут быть решены рационально, как считал Сергей Яковлевич, без интенсивных исследовательских работ, в проведение которых должны включиться такие институты, как Ботанический, Всесоюзный институт растениеводства, Лесотехническая академия, Всесоюзный институт защиты растений и др. Причем для каждого института им был составлен предполагаемый перечень проблем, разработка которых необходима или была бы полезна для целей зеленого строительства. Однако в стране не плохо было бы создать специальный научно-исследовательский институт зеленого строительства.

В 1949 г. Сергей Яковлевич организует в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР совещание по зеленому строительству с целью «единения работников науки и практики в этой важной области народного хозяйства». В работе совещания приняли участие около 200 специалистов. Сергей Яковлевич выступил с докладом «Мичуринская биология и зеленое строительство», в котором касался многих насущных проблем озеленения: содержание старых парков и пригородных территорий, расширение ассортимента и обогащение его за счет введения в культуру растений дикой флоры СССР, необходимость изучения влияния зеленых насаждений на организм человека и др. При этом он указывал, что «Производственник-озеленитель должен: а) владеть живым растением как строительным материалом, б) перестраивать физико-географический комплекс в желаемом направлении и в) строить биологически и архитектурно-гармоничные ландшафты» [94. С. 8]. В целом совещание поднимало множество важных и наболевших вопросов.

Однако единение работников науки и практики в зеленом строительстве – это не просто тема совещания. Это одно из направлений работы Ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова не только в городе, но и в пригородных парках, которые были заинтересованы в этом содружестве. Гатчинский, Пушкинский, Павловский дворцы-музеи и парки ждали от Ботанического сада консультаций по вопросам озеленения и ухо-

да за посадками, составления этикетажа, подбора растений для оформления цветников и, конечно, был необходим посадочный материал и для цветников, и для водоемов, и для восстановления древостоя, шпалерников, пристенных посадок лиан. Для оказания помощи этим паркам Сергей Яковлевич привлекал научных сотрудников и садоводов Сада, постоянно консультировал сам, нередко выезжая в парки, когда нужно было что-либо посмотреть или решить на месте. Он любил эти парки, прекрасно знал их историю, планировку, состав древесных пород и с живейшим интересом и нескрываемым удовольствием и заботой обсуждал с проходящими к нему ландшафтными архитекторами все возникавшие и животрепещущие проблемы. И как естественный результат такого отношения к нуждам этих, столь пострадавших в военные годы парков, слова искренней благодарности:

Директору Ботанического сада им. Комарова
профессору Соколову С.Я.

Дирекция Гатчинского дворца-музея и парка очень благодарна Вам и работникам Ботанического сада, оказавшим помощь нам в порядке содружества по цветочному оформлению нашего парка.

Мы заинтересованы в дальнейшем иметь с Вами договор о содружестве работников науки-техники и производства на прежних началах, поэтому просим Вас оставить в силе на 1952 год договор 1951 г.

В случае Вашего согласия просим сообщить нам письменно по адресу: гор. Гатчина, Лен. области, Дирекция Гатчинского дворцового парка.

Директор /Демидов/
Зав. сад.-парк. сектором /Алаберг/

19.01.1952

И резолюция С.Я. Соколова от 31.01.52: «Головачу. Прошу продлить».

Активное участие Сергея Яковлевича в работах по озеленению города не прекращалось и все последующие годы. Строительство стадиона имени С.М. Кирова в Приморском парке Победы выдвинуло проблему озеленения откосов стадиона. И снова Сергей Яковлевич – председатель комиссии Ленсовета по решению этого вопроса. А следовательно, между дирекцией стадиона и Ботаническим садом БИНа заключается договор о научной и производственной взаимопомощи: стадион предоставляет участки для опытных посадок и посевов газонных трав, а Сад ставит полупроизводственные опыты по озеленению склонов холма стадиона и консультирует его сотрудников по вопросам озеленения всей территории и, особенно, содержания футбольного поля.

В 1962 г. Сергею Яковлевичу, вероятно, на рецензию был передан «Ассортимент деревьев и кустарников, выращиваемых в пи-

томниках Управления садово-паркового хозяйства Ленгорисполкома». Список включал 116 названий деревьев, кустарников и лиан и сопровождающие его сведения: проектируемое процентное соотношение всех древесных и кустарниковых пород, их фактическое наличие на питомниках и планируемый выпуск растений в 1962 г. Учитывая, что УПСХ и ЗС имел питомники на площади 1300 га и эти питомники ежегодно передавали для посадок в городе около 150 тыс. деревьев и 1150 тыс. кустарников, Сергей Яковлевич сделал детальнейший разбор этого ассортимента: его ценности для озеленительных целей, целесообразности выращивания в городских условиях, рекомендации по замене одних видов другими. Надо полагать, эта рецензия была передана Управлению садово-паркового хозяйства и, конечно, нигде не публиковалась. В настоящее время она уже является не только историческим документом, а представляет методическую записку по подбору ассортимента для озеленения Санкт-Петербурга. И с этой точки зрения, не потеряла своей актуальности и в наши дни. Поэтому ее полный текст приведен в данной книге в Приложении «Из неопубликованного» как образец отношения Сергея Яковлевича к нуждам зеленого строительства города и как рекомендации выдающегося ученого-дендролога будущим специалистам-озеленителям.

Не без участия Сергея Яковлевича проходило и обсуждение проектов некоторых парков и лесопарков Ленинграда. В апреле 1962 г. Ленинградское областное и городское отделение Всероссийского общества охраны природы по поручению заместителя председателя Леноблисполкома тов. Дмитриева обратилось к С.Я. Соколову с просьбой изложить соображения по вопросу организации в окрестностях Ленинграда пригородного парка для отдыха и «восстановления здоровья трудящихся». Идея создания такого парка исходила от Комиссии по охране природы при Госплане СССР. Комиссия выдвигала условия, которым должен удовлетворять парк. По мнению Сергея Яковлевича, идея создания парка заслуживала поддержки. Учитывая, что в окрестностях Ленинграда, но преимущественно к югу от города имеется немало бывших дворцовых парков на площади около 3,5 тыс. га, он предложил создать парк к северу от города. Таким пространством, по его мнению, могла бы быть территория «к северу от реки Охты и далее на север до Лемболово, на запад до шоссе Ленинград – Приозерск и на восток до берега Ладожского озера» (около 60 тыс. га). Это территория с типичным для области камовым ландшафтом, озерами, береговыми валами Ладоги, типичными зеленомошными и лишайниковыми сосновыми и смешанными лесами, которые легко могут быть превращены в систему лесопарковых ландшафтов [ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 126].

О принципах использования декоративной дендрологии при проектировании зеленых массивов Сергей Яковлевич доложил на Научно-техническом совете Управления садово-паркового хозяйства, где, как всегда, продемонстрировал теснейшую связь дендрологии и ландшафтной архитектуры.

В 1965 г. в газете «Смена» было опубликовано интервью с проф. С.Я. Соколовым о создании вокруг Ленинграда зеленого пояса мира в память о подвиге всех народов Советского Союза, отстоявших город на Неве – колыбель революции. И в этом интервью Сергей Яковлевич не отступает от своих позиций ученого: это должны быть посадки не только местных растений, а и растений, привезенных из разных республик, из разных климатических условий, т.е. это будут одновременно и экспериментальные посадки. Он указывает, какие условия надо соблюдать при подборе и пересылке растений, и приводит перечень многих видов древесных и кустарниковых пород, которые было бы «интересно видеть на зеленом поясе мира». В 1966 г. Сергей Яковлевич от Ботанического института принимает участие в работе комиссии по проектированию лесопаркового пояса Ленинграда, разрабатываемого Институтом «Ленпроект».

Рассказ об участии Сергея Яковлевича в решении вопросов зеленого строительства был бы не полным, если бы ограничился только Ленинградом. Он бывал во многих городах Союза и нередко консультировал по вопросам озеленения. В 1949 г., например, по поручению Всесоюзного ботанического общества, Сергей Яковлевич ездил в г. Куйбышев для организационной помощи Куйбышевскому отделению ВБО, с одной стороны, и для консультации Горисполкома по вопросам озеленения, с другой. А для такой консультации он предварительно осмотрел большую часть садов, парков и новостроек города.

Но еще больше консультаций приходилось давать приезжавшим к нему со всей страны специалистам – озеленителям, паркостроителям, архитекторам. Это были вопросы о городском озеленении и парках в ботанических садах, полезащитных и противоэрозионных посадках, об ассортименте для озеленения и о спасении старых деревьев в зонах затопления и многие-многие другие.

Зная острую потребность в специальной литературе, Сергей Яковлевич всячески старался и здесь оказать помощь работникам зеленого строительства: в 1947 г. принимает участие в публикации сборника «Садово-парковое хозяйство», для которого пишет главу «О декоративных свойствах древесных пород с основами их биологии», дает отзывы на предполагаемые справочники и учебные пособия (например, «Питомник деревьев и кустарников, выращиваемых для зеленого строительства» – Алексеев-

ский А.Н., Тюльпанов Н.М.) и, конечно, форсирует издание «Деревьев и кустарников СССР», столь нужное для специалистов-озеленителей.

Но, Сергей Яковлевич не был бы самим собой, если бы в решении проблем зеленого строительства забыл о том, что он лесной типолог. А поэтому в 1963 г. в сборнике «Ландшафтная архитектура» и одновременно в Бюллетене Главного ботанического сада он публикует статью, которая упоминалась нами ранее, «Архитектурно-художественное значение типов леса». Сергей Яковлевич заканчивает эту научно-художественную статью такими словами: «Леса и растительность всегда были и будут источником удовлетворения не только многих материальных потребностей человека, но и удовлетворения его духовных запросов, источником вдохновения» [183. С. 32]. Вместе с лесным типологом в Сергее Яковлевиче всегда жил ландшафтный архитектор. У него была мечта самому превратить какой-нибудь лесной массив в лесопарк, и он предлагал свои услуги Управлению садово-паркового хозяйства. Но ... мечта осталась лишь мечтой ...

«Восстановить в тысячу раз труднее, чем разрушить»

Великий смысл этих слов, написанных в 1970 г., их автор, Сергей Яковлевич Соколов, постиг в самом начале своего пути в науку, а, может быть, и значительно раньше: в юности. И через всю жизнь пронес этот девиз, но не только пронес, а всеми своими силами, на всех возможных уровнях он провозглашал настоятельную необходимость охраны природы и был неутомимым ее защитником.

В 1928 г. в статье о типах леса Баково-Варнавинского опытного лесхоза в Нижегородском Заветлужьи, описывая ельник липовый, являющийся переходным сообществом от дубняков к еловым лесам, Сергей Яковлевич высказывает свое мнение: этот участок леса заслуживает выделения вместе с березняком липовым «в заповедные площади, с одной стороны, как памятник природы, с другой – как объект, нуждающийся в тщательном изучении и исчезающий под первым натиском культуры» [4. С. 44]. В дальнейшем тема охраны природы лейтмотивом проходит через все его публикации, через все выступления. В 1933 г. на Первом Всесоюзном съезде по охране природы в СССР, проходившем в Москве, Сергей Яковлевич от имени Ботанического института АН СССР выступил с докладом «Проблема охраны, обогащения и рационального использования природных богатств» и в прениях о работе заповедников. Отрицая тезис П.Г. Смидовича, возгла-

вившего Комитет по заповедникам, что защищать следует, в первую очередь, живую природу, а охрана неживой природы в понятие «охрана природы» не входит, Сергей Яковлевич заявляет: «... в задачу охраны природы входит не только охрана животных объектов, мы охраняем и мертвую природу. Мы охраняем то физико-географическое целое, что представляет собою по существу эта территория, как диалектическое явление» [33. С. 304]. И далее докладчик демонстрирует серьезный, вдумчивый и научно-обоснованный подход к проблемам создания и работы заповедников на примере изучения растительного покрова как объекта, включающего в себя среду объекта, постоянно меняющегося и одновременно изменяющего эту среду. И именно разгадка этих взаимоотношений растительности со средой позволит научно обосновать ряд народнохозяйственных проблем. Но подходить к исследованиям в заповедниках следует только комплексно. А отсюда вывод, что «учреждения по охране природы должны развиваться в комплексные научно-исследовательские учреждения» [33. С. 309]. Для решения же задач, поставленных перед заповедниками, требуется планомерно создать сеть заповедников, приуроченных к определенным физико-географическим условиям, ибо это должно быть связано с хозяйственными особенностями страны. Здесь же Сергей Яковлевич высказывает мнение о возможной организации территории самих заповедников, где, кроме участков строгого заповедования, должны быть подсобные территории для питомников, экспериментальных работ и т.д. Однако, даже если заповедник не сможет проводить весь комплекс исследовательских работ, его существование просто как части девственной природы само по себе будет представлять немалую ценность. Подводя итоги этого съезда Сергей Яковлевич с горечью замечает, что на съезде присутствовало мало ботаников, а доминировали вопросы зоологические, и призывает ботаников Союза принять участие, проявить инициативу в этом новом деле.

Об организации и тематике научно-исследовательских работ в заповедниках, о связи этой тематики с запросами народного хозяйства, Сергей Яковлевич Соколов говорил и на Первом Всесоюзном геоботаническом съезде в 1933 г. Особенно велика должна быть роль заповедников в изучении систематического состава флоры и генофонда, в изучении, доходящим до выделения хозяйственно важных видов и форм. Одним из крупных недостатков в работах заповедников, как указывает Сергей Яковлевич, является «отсутствие центрального методического и научного руководства» [18. С. 19]. Такое руководство могла бы оказывать Академия наук СССР, а в области ботанических исследований – Ботанический институт АН, возглавляющий всю ботаническую работу в стране.

В марте 1933 г. Сергей Яковлевич вместе с П.В. Ковальской-Ильиной подает докладную записку о своевременности и необходимости организации при Академии наук СССР Комитета руководства научной работой комплексных государственных заповедников. Обращаясь к истории вопроса, следует отметить, что подобная комиссия была организована в дореволюционной России еще в 1912 г. при Академии наук и называлась Природоохранной комиссией. В 1920–1930-х гг. научные исследования, связанные с охраной природы, проводили институты Академии наук, заповедники и другие научные учреждения, но разрозненно и без какой-либо координации. В 1940–1950-х гг. в связи с возросшими потребностями использования природных богатств перед Академией наук СССР встала проблема обеспечения научных исследований методическим руководством. В 1952 г. в Академии наук СССР была создана Комиссия по заповедникам, которая в 1955 г. была реорганизована в Комиссию по охране природы.

К обсуждению задач и методов геоботанического изучения лесов заповедников С.Я. Соколов обращается в 1949 г. Лесная тематика ему наиболее близка и, особенно, волнует проблема изучения и сохранения лесов. Вкратце останавливаясь на экспедиционных методах изучения заповедных территорий, Сергей Яковлевич дает подробнейшую методику стационарных исследований, указывая, что эти исследования должны одновременно касаться и растительного покрова и окружающей среды. Однако он прекрасно понимает, что проведение этих исследований возможно только при наличии в заповедниках хорошо подготовленных специалистов, чего ожидать в большинстве заповедников не приходится. Эти прекрасные программа и методика не потеряли своего значения и спустя полвека, но по-прежнему остаются недостижимыми для выполнения в ряде заповедников, хотя отдельные их фрагменты используются довольно широко.

Упомянутые выше методические разработки возникли у С.Я. Соколова в результате изучения им лесов Кавказского заповедника, где он организовал Лесную опытную станцию, собрав там высококвалифицированный коллектив, и первоначально сам руководил работой этого коллектива. Вопросы охраны ореховых и других плодовых лесов Южной Киргизии, лесов из ценных древесных пород Западного Кавказа проходят красной нитью через все публикации Сергея Яковлевича, все его экспедиционные отчеты: изучать, использовать, бережно сохранять.

В 1935–1938 гг. С.Я. Соколов был членом Комитета по заповедникам ВЦИК РСФСР. Он всегда принимал активное участие во многих заседаниях и съездах по охране природы, выступал с разбором принятого в 1960 г. Закона об охране природы, предва-

рительно отправив дополнения к проекту Директив XXIII съезда КПСС по охране природы в СССР. Увязывая задачи охраны природы с рационализацией использования природных ресурсов, Сергей Яковлевич считал, что эта важнейшая проблема, безусловно, должна быть сферой деятельности правительственной комиссии по охране природы. Воспитание же в человеке чувства ответственности за сохранение природы должно начинаться с юных лет – такова задача школы.

В 1953 г. для оказания научно-методической помощи Сергей Яковлевич посетил заповедники – дендропарки «Тростянец», «Веселые Боковеньки», «Устимовский», заповедник «Михайловская целина». Всячески поддерживал заповедывание части Имретинской бухты для охраны единственного в СССР местонахождения древовидного папоротника *Osmunda regalis*. В это же время для подготавливаемого издания о заповедниках Академии наук СССР Сергей Яковлевич рецензировал тексты статей о 10 заповедниках, в том числе «Хомутовская степь», «Кедровая падь», «Кивач», «Репетек», «Спутинский заповедник», «Каменные могилы» и др.

Являясь членом Научно-технического совета Главного управления по охране природы, заповедникам и охотничьему хозяйству МСХ СССР, Сергей Яковлевич 23 декабря 1969 г. принимает участие в заседании Президиума этого совета по вопросу «О задачах проекта организации водоохранной зоны озера Байкал и проекта правил охраны природных ресурсов бассейна озера». Свое выступление в прениях по докладу главного инженера проекта Е.Н. Озеровой он начинает следующими словами: «Советский Союз располагает чудесным законом по охране природы; по отдельным республикам, особенно по республикам Прибалтики, этот закон разработан очень детально. И единственно, где он соблюдается, – это именно в республиках Прибалтики. На остальной территории Советского Союза существуют, мне кажется, два лагеря людей: одни (большинство) разрушают природу, а другие – беспомощно вздыхают: “Ах, Байкал гибнет!”. Но то же самое можно сказать о Волге, о Каме, подмосковный район превращен черт знает во что; под Ленинградом леса – это уже не леса, а гибнущие остатки их, в чем виновны Госплан, назначающий объем пользования, и лесозаготовительные организации. Следующий основной вредитель – это туристы» [ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 128].

Положительно характеризуя предложенный проект, Сергей Яковлевич отмечает, что для решения комплексной проблемы охраны Байкала необходима тесная согласованность в работе многих организаций и экспедиций. Поэтому должен быть создан

специальный комитет, осуществляющий научно-методическое руководство по сбору материалов. Беспокоит и метод предлагаемых лесоустроительных работ. Если они будут выполняться по современной лесоустроительной инструкции, то не всегда можно будет обеспечить сохранность и развитие лесов. Гибель лесных массивов повлечет за собой разрушение всего физико-географического комплекса, в том числе и озера.

В комплексе с лесоустроителями должны работать геоботаники, лесоводы, геоморфологи, почвоведы, специалисты по борьбе с эрозией, гидрологи и т.д. Следовательно, экспедиция, направляемая в целях разработки мероприятий по охране Байкала, должна быть комплексной.

«И вот мне хотелось бы поднять вопрос (я не знаю, своевременно это или нет) о том, что в Советском Союзе необходим какой-то орган, который ведал бы учетом, эксплуатацией и охраной восстанавливаемых природных богатств, следил бы за соблюдением закона об охране природы и имел бы право пресекать разрушительное пользование этими богатствами. Совершенно ясно, что, если не будет такого органа, то природные богатства СССР будут и далее варварски и безрассудно разрушаться.

Мне приходилось иметь отношение к вопросам охраны природы с 1930 года. Я был членом НТС, когда во главе Комитета по охране природы стоял П.Г. Смидович, а сам Комитет состоял при ВЦИК и имел какие-то все-таки свои директивные функции. Там вопросы решались, и обсуждение влекли за собой какие-то практические действия.

Те уголовные преступления, которые совершены на Байкале и около него и которые ясны из доклада Е.Н. Озеровой и из показанного нам фильма, снятого географической экспедицией, требуют, чтобы ряд лиц был предан суду и чтобы суд был над ними гласным. Если это не будет сделано нашим Главным управлением, то количество крупных невосстановимых разрушений природных комплексов будет быстро прогрессировать» (Там же).

В 1961 г. Ученый совет Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР принял решение о создании двух сборников «Природа Ленинграда и окрестностей» и «Природа Ленинградской области». Организатором и ответственным редактором первого сборника был назначен Сергей Яковлевич, который разработал общую программу сборника и привлек к работе над ним 14 специалистов высочайшей квалификации: доктора и кандидаты географических, биологических, медицинских наук, инженер лесного хозяйства и инженер-паркостроитель, архитектор. Эти авторы статей, ученые Ленинградских научно-исследовательских институтов, Государственного университета, работники садово-

паркового хозяйства, с желанием и готовностью откликнулись на предложение в научно-популярной форме рассказать о природе нашего города и его ближайших окрестностей, о значении и роли природы для жителей города и его хозяйства. Сергей Яковлевич в предисловии к книге указывает, что это «отклик на принятый правительством закон об охране природы в РСФСР, на развитие его в приложении к Ленинграду» [187. С. 6]. К сожалению, книга вышла тиражом всего 8000 экземпляров и сразу стала библиографической редкостью.

Но не только в научных публикациях Сергея Яковлевича звучат слова тревоги и заботы об охране природы. Как крик души воспринимается его письмо в газету «Смена» в мае 1969 г. «Цветы оптом и в розницу» о защите реликтовых растений наших лесов (печеночницы, ландыша, прострела, орхидеи-любки), тюльпанов Средней Азии, о защите елей и сосен наших пригородов, о бездействии членов Общества охраны природы и сотрудников милиции. Эта заметка в газете, набранная мельчайшим шрифтом, остается актуальной и в наши дни и звучит как наказ следующим поколениям: «Берегите природу. Восстановить в тысячу раз труднее, чем разрушить».

Преподаватель со студенческих лет

Преподавательской деятельностью Сергей Яковлевич занимался, без преувеличения, всю жизнь. Начав ее сразу после студенческой скамьи под руководством В.Н. Сукачева, в коллективе прекрасных ученых-преподавателей Лесного института, он впитал в себя нравственные основы этой профессии, усвоил все критерии оценки знаний. Сергей Яковлевич любил этот нелегкий труд и огорчался, что в 1932 г. ему пришлось прервать преподавание в Лесном институте, продолжавшееся с 1924 г. Но в 1935 г. он принял предложение вести курс декоративной дендрологии во вновь открывшемся техникуме зеленого строительства. И загруженный научно-исследовательской работой в отделе геоботаники БИНа, с радостью включился в разработку методик преподавания разных ботанических и паркостроительных дисциплин в таком нужном для города и зеленого строительства учебном заведении. Однако он не ограничивается только преподаванием дендрологии. В 1938 г. в Ленинградском университете читает курс лесоведения, а затем этот же курс во время эвакуации (1943–1944 гг.) – в Казанском университете. В 1939–1940 гг. читает курс общей ботаники и экологии растений в Ленинградском сельскохозяйственном институте. В послевоенные годы к собственной преподавательской деятельности в учебных заведениях

Сергей Яковлевич больше не возвращался, сосредоточив все силы на подготовке специалистов высшей квалификации. Но как в работе со студентами, так и с аспирантами («вчерашними» студентами) и молодыми специалистами, Сергей Яковлевич всегда направлял их на самостоятельное изучение предмета, приобщал к новейшим достижениям науки, учил самостоятельно мыслить, конкретно, сжато, ясно и без наукообразия излагать материал, всесторонне рассматривать любую проблему.

Многие аспиранты, соискатели, ставшие в дальнейшем профессорами, докторами биологических наук, обязаны Сергею Яковлевичу постижением азов научной работы. И если он видел искреннее стремление молодого человека к исследовательской работе, к познанию мира растений, то не жалел сил и времени, помогая порой даже не вполне подготовленным к такой работе подняться до необходимого уровня знаний. Особенно много сделано было для подготовки кадров научных работников для союзных республик. Но он всегда был нетерпим к людям, стремившимся любой ценой только получить ученую степень. В таких, правда, единичных, но имевших место, случаях он предлагал пришедшему к нему на консультацию покинуть кабинет.

Привести общие цифры подготовленных С.Я. Соколовым кандидатов и докторов биологических наук трудно, так как, помимо свыше 30 человек, официально прошедших через аспирантуру, соискательство ученой степени и докторантуру, был еще не один десяток научных работников, которых он консультировал, чьи диссертационные работы прочитывал «от корки до корки». Тематика работ была разнообразна: от преобладающей дендрологии и типологии лесов до вопросов паркостроения и лесного хозяйства. Среди тех, кто побывал в кабинете Сергея Яковлевича в Ботаническом саду БИН со своими диссертациями, были Л.Н. Грибанов, А.М. Мушегян, А.М. Мауринь, А.В. Звиргзд, Ю.З. Кулагин, Н.Е. Булыгин, В.С. Порфирьев, С.А.Мамаев, В.Г. Рубаник, В.Г. Антипов, Г.Е. Капинос, М.М. Игнатенко, Р.В. Бобров, И.И. Жунгиету, А.А. Лепехина, А.Д. Джангалиев, Н. Муратгельдиев, М.П. Соколов, Н.С. Лебединова, Р.Я. Кондратович и многие другие, не считая сотрудников Ботанического института БИН.

Но, как писал Н.Е. Булыгин: «...называть себя учеником Сергея Яковлевича и его последователем не только почетно, но и очень ответственно, так как для этого надо хотя бы в малой степени походить на Сергея Яковлевича. А это очень и очень трудно!»

Однако, помимо оказания помощи в подготовке диссертационных работ, Сергей Яковлевич давал бесчисленные отзывы на

диссертации и авторефераты и не раз выступал оппонентом на защитах.

К сожалению, Сергей Яковлевич не опубликовал ни одного учебника в том виде, в каком мы привыкли их воспринимать. Но он участвовал в составлении учебника «Дендрология с основами лесной геоботаники» (1934, 1938 гг.), для которого написал главу «Леса Кавказа и Крыма и породы, их образующие». Участие в такой «Дендрологии», издаваемой В.Н. Сукачевым, наравне с такими авторами, как сам Владимир Николаевич и А.П. Шенников, было ответственно и почетно.

В 1938 г. выходит в свет брошюра «Основные декоративные признаки древесных и кустарниковых пород», составленная Сергеем Яковлевичем и опубликованная, к сожалению, на правах рукописи маленьким тиражом, став сразу же библиографической редкостью. Это было прекрасное пособие для работников зеленого строительства.

Написанная Сергеем Яковлевичем глава «Декоративные свойства древесных пород с основами их биологии» в книге «Садово-парковое хозяйство» (издана в 1947 г.) – это краткое, но очень доступное по изложению материала учебное пособие для сотен озеленителей и паркостроителей. И опять, к сожалению, маленький тираж (3000 экземпляров) и в результате библиографическая редкость.

И очень жаль, что эти полезные, ставшие уже классическими, наглядные пособия не принято было переиздавать. А они были бы интересны и полезны не только для озеленителей.

Учебным пособием для студентов и инженеров зеленого строительства стал справочник «Деревья и кустарники СССР».

Мысли о написании учебника по дендрологии у Сергея Яковлевича, безусловно, были. И появились они еще во время его преподавания в техникуме зеленого строительства. В 1950 г. с просьбой подготовить учебник к нему обратились из Главного управления учебными заведениями Министерства коммунального хозяйства. Сергей Яковлевич обдумывал план этого учебника и собирал материал для него. В 1963–1966 гг. в соавторстве с Н.М. Тюльпановым он, наконец, приступил к разработке программы учебника для техникумов зеленого строительства по специальности «Озеленение городов и населенных мест». Однако эта работа была оставлена в связи с кончиной соавтора.

К методике преподавания Сергей Яковлевич обращался неоднократно. И если в первые годы его педагогической деятельности он, по его же словам, использует методы своего учителя, В.Н. Сукачева, то в дальнейшем эти методы трансформируются, дополняются, уточняются в процессе накопления своего опыта и знаний. В

1938 г. он публикует интереснейшую и очень полезную для преподавателей статью «Частная методика преподавания дендрологии в Ленинградском техникуме зеленого строительства».

Однако Сергей Яковлевич не обходит стороной и программы преподавания биологии в школе. По заданию ВБО в 1965 г. он составляет программу учебника ботаники для учащихся 5–6 классов. И эта работа ему близка, так как 5 годами раньше он уже разрабатывал школьную программу. Будучи депутатом Петроградского Совета депутатов трудящихся, Сергей Яковлевич в 1949 г. на сессии этого Совета выступал по вопросу составления программы преподавания биологии в средней школе. Предварительно он не только ознакомился со школьными программами 5–9 классов, но обследовал все пришкольные участки района, которые, как он считал, являются продолжением учебных кабинетов биологии на открытом воздухе. Для того чтобы вести преподавание на основе диалектического представления о единстве организма и среды, при школах должны быть экспериментальные участки, где учащиеся в течение вегетационного сезона могли бы проводить различные опыты. А в идеале – строительство при школах, где это возможно, небольших парников и тепличек. И далее для 5, 6, 9 классов Сергей Яковлевич рекомендует тематику возможных опытов. К сожалению, не все школы имеют территорию для пришкольных участков, и в таком случае он предлагает создать в районе несколько межшкольных участков. Выступая на сессии, Сергей Яковлевич доложил о качестве содержания существующих в настоящее время участков, так как организация опытных участков тесно связана с вопросом благоустройства пришкольных территорий вообще.

Сергея Яковлевича, вероятно, не покидала мысль и о возможности введения в некоторых средних школах специализации по декоративному садоводству. Для таких школ он разрабатывает программу курса лекций по дендрологии.

В январе 1962 г. в Доме архитектора он предложил проект детского ботанического сада Выборгского района (к обоснованию задания на конкурсное проектирование) – проект несколько неожиданный, но для Сергея Яковлевича вполне закономерный. Цель создания такого сада – это и воспитание самостоятельности и творческого начала в работе детей, продолжение более углубленного изучения биологии и, что немаловажно, укрепление здоровья детей на свежем воздухе. Сергей Яковлевич разработал варианты экспозиций и считал, что на территории сада должны быть метеостанция и мастерские, зимний сад и класс живописи, парниковое хозяйство и оранжереи. А создавать сад должны сами школьники, кроме выполнения тяжелых строительных работ.

Преподавательская «жилка» Сергея Яковлевича выражалась и в некоторых, казалось бы, повторениях в его статьях вопросов, касающихся основных положений теории интродукции. Однако это был сознательный прием: донести до большего числа ботаников, интродукторов в разных регионах страны необходимую информацию, дать основополагающие направления научных исследований и таким образом координировать работу ботанических садов.

Говоря о составлении разного рода программ и методик, следует отметить, что и в этой работе Сергея Яковлевича есть какой-то отблеск преподавательской деятельности, желания не только выработать свой стиль, методику своей работы, но сделать ее доступной многим. А любая методика – это тоже учебное пособие только другого уровня.

Еще во время участия в кавказских экспедициях он попутно разрабатывает программы научной работы Батумского ботанического сада, Лесной субтропической станции, краеведческого музея в Сухуми, составляет инструкцию фенологических наблюдений в лесах Северного Кавказа. В дальнейшем это программы экспедиций (ботанических и географических), программы и методики геоботанических исследований, в том числе и с использованием авиации, программы наблюдений за сезонным развитием и зимостойкостью древесных растений в ботанических садах и другие.

После смерти Сергея Яковлевича прошли десятилетия, сменились поколения, ушли из жизни многие его ученики, но жива надежда, что они передали своим ученикам то, чему когда-то их научил Сергей Яковлевич. И все доброе, умное, справедливое, что он старался проповедовать, будь то забота об охране природы, бескорыстное служение науке и зеленому миру, высочайшая ответственность за свои дела, запало в души его последователей.

Отзывы, воспоминания о С.Я. Соколове

Отзыв о научной деятельности С.Я. Соколова

Интерес и способности к научной работе проявились у Сергея Яковлевича Соколова еще на студенческой скамье в Лесном институте (ныне Лесотехническая академия), когда он начал работать по лесной геоботанике на заведомой мной кафедре. По окончании ЛТА он работал при этой кафедре и участвовал в ряде экспедиций, организованных этой кафедрой по изучению лесов в европейской части СССР и на Кавказе; в частности он руководил большой экспедицией по лесам Сочинского района. Его труды по лесной типологии явились существенным вкладом в лесоведение. Впоследствии он перешел на работу в Ботанический институт АН СССР. Я был все время в курсе его научной деятельности: он в этом учреждении, где руководил отделом, проявил кипучую деятельность, выявил большие организаторские таланты и успешно руководил большим коллективом научных работников. Под его руководством составлен коллективный труд «Деревья и кустарники СССР», состоящий из 6 томов. Теоретическое и практическое значение этого труда чрезвычайно велико. Такой дендрологии, с таким описанием всех видов и мелких их подразделений, с характеристикой их свойств и ареалов и их лесоводственного и садоводственного значения нет ни в одной стране.

В последние годы С.Я. Соколов проводит большую работу по детальному изучению областей распространения всех родов и видов нашей дендрофлоры.

Необходимо также отметить успешную педагогическую деятельность С.Я. Соколова, а также его умелое руководство аспирантурой. Под его руководством и воспитанием сформировался ряд ныне активно работающих лесоводов, садоводов и ботаников.

Нельзя также не отметить широту его научных интересов. Его многочисленные работы касаются геоботанических, лесоводческих, ботанико-географических, интродукционных, морфологических, экологических и физиологических проблем.

Особенно ценной чертой многолетней научной деятельности С.Я. Соколова является его умение сочетать большую научную

работу с наиболее важными практическими запросами лесоводства, садоводства и городского зеленого строительства.

Учитывая все это, я считаю, что С.Я. Соколов вполне заслуживает присвоения ему звания «заслуженного деятеля науки».

12 октября 1965 г.

Академик В.Н. Сукачев

Памяти С.Я. Соколова

(выступление 17.05.1972 г. на заседании ВБО,
посвященном 75-летию С.Я. Соколова)

Говоря о С.Я. Соколове или вспоминая его, нельзя представить себе его деятельность, научную и общественную, без оценки его отношения к проблеме охраны природы нашей страны и работ его в этом направлении. Эта неблагодарная, трудная и такая важная и необходимая, особенно в настоящее время, проблема занимала С.Я. Соколова и стояла перед ним в течение всей его жизни буквально до последних дней. Из всех сотрудников БИНа и членов ВБО С.Я. Соколов относился к проблеме охраны природы всего серьезнее, всего ответственнее и именно поэтому больше всего страдал от того, что с этим делом у нас обстоит так плохо и что так трудно пробивать шаг за шагом необходимость организации охраны природных богатств – и во Всесоюзном, и в республиканском, и в областном, городском, и даже в биновском масштабе.

Принято считать, что любовь к природе у человека рождается с детства, под влиянием обстановки, в которой он вырос, под влиянием не только окружающей природы, но и семьи... Думаю, что это относится и к С.Я. Соколову не только потому, что его детство прошло в удивительно красивых местах под Белебеем, «в Аксаковских местах», но и, главное, потому, что все в замечательной семье Соколовых не могли жить без природы, без охоты, без рыбной ловли, без леса и степи ... Природа нужна была как воздух, особенно для Сергея Яковлевича, который стремился, чтобы вся его работа по изучению природы была бы связана не только с научным анализом, но и с использованием природных ресурсов на основе этого анализа. Во всех его исследованиях и опубликованных работах красной нитью проходит стремление рационального, всестороннего исследования природных богатств. Так, например, на основе изучения лесов Абхазии, еще в 1930-х годах он показывает значение типологии для решения не только лесохозяйственных, но и архитектурно-художественных задач при расширении санаторно-курортного строительства, обращает внимание на возможности использования всех ресурсов сложных

горных лесов Западного Кавказа и, особенно, приморской полосы в курортных районах, сразу дает подбор древесных и кустарниковых пород для создания парков, считая возможным обойтись без введения в парки экзотов. В 1960-х гг. Сергей Яковлевич пишет статью, показывающую архитектурно-художественное значение типов наших северных ленинградских лесов для использования их в оздоровительных и рекреационных целях, для создания зон отдыха (лесопарки), строительства санаториев (особенно туберкулезных), домов отдыха и т.д. В этой небольшой статье он поднимает ряд вопросов не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня пригородной зоны большого города, вопросов, которые звучат сейчас, через 10 лет после опубликования статьи, особенно ярко и свежо, учитывая новую проблему, стоящую перед всеми нами по сохранению среды обитания человека, проблему «Человек и биосфера».

Во всех своих работах Сергей Яковлевич выступает то как лесотиполог, то как ресурсовед, то как архитектор садово-паркового строительства, создатель лесопарков, т.е. художественных систем ландшафтов, и всегда стремящийся показать, что леса и вся растительность не только должны быть источником удовлетворения материальных потребностей человека, но служить и для духовных запросов и вдохновения. Мне кажется, что именно подходя с самого начала своей деятельности к изучению лесов так разносторонне, С.Я. Соколов стал в дальнейшем увлекаться и зеленым строительством, и садово-парковой архитектурой, интродукцией и созданием ботанических садов, и в каждом из этих разделов занял ведущее место.

В 1960 г., когда Верховный Совет РСФСР принял в октябре Закон об охране природы, Сергей Яковлевич с большой радостью приветствовал это шаг, рассматривая его как продолжение ленинских постановлений и декретов, предусматривающих охрану природных богатств Советского Союза. В специальной статье, опубликованной в Ботаническом журнале, № 7, 1961 г., он приветствовал новый закон и скрупулезно разобрал значение всех его статей, направленных на охрану основных природных ресурсов, особенно лесов и других типов растительности. При этом он уже тогда указывал, что «организация охраны ценных, редких и исчезающих видов растений ... во многом зависит от ботаников Советского Союза (поскольку этот вопрос еще только поставлен Законом)».

«Ботанические институты Академии наук СССР и союзных республик, – писал Сергей Яковлевич, – должны составить и представить в Советы Министров своих республик списки растений, которые должны быть объявлены заповедными с указанием

мест их заповедования. Прежде всего, это касается реликтовых растений на меловых обнажениях в их классических местонахождениях, реликтового острова понтийской азалии в Белоруссии, степных растений в сосновых борах северо-запада, тиса по всей восточной границе его ареала в Крыму и на Кавказе и т.д. Крайне желательно и необходимо в научных и практических целях заповедать многие древесные породы на границах их современных ареалов – дуб, ель, сосну (на мелах и в островостепных борах), кедр и другие породы. Необходимо объявить заповедными особенно старые сто- и тысячелетние деревья, деревья-маяки на границах их распространения и другие объекты...».

Следует заметить, что, к сожалению, ботаники и нашего института, и других учреждений не прислушались к призывам Сергея Яковлевича – об этом он с горечью говорил в 1968 г. на Всесоюзном совещании по охране ботанических объектов, выступая с критическими замечаниями по поводу невыполнения Закона об охране природы. Критикуя всю подготовку природоохранительной работы в РСФСР, Сергей Яковлевич в своем выступлении совершенно правильно отмечал инертность в этом направлении самих ботаников и головного ботанического учреждения в стране – БИН. Доклад Сергея Яковлевича, прочитанный им с большой страстностью 12 марта 1968 г., вызвал очень большое внимание и отклики во всех выступлениях участников совещания. Но, к сожалению, его не удалось опубликовать в 1971 г. в трудах совещания (Сборник по охране ботанических объектов). Первая корректура его доклада прошла, а затем доклад пришлось убрать из сборника. Это было большим огорчением для Сергея Яковлевича, и мне, как редактору сборника, было невероятно больно сообщать ему об этом ... Но он отлично понял, что лучше было пожертвовать его докладом, чем всем сборником, и только просил меня сохранить первую корректуру ... в архиве ВБО (что и было сделано). Возвращаясь к 1960 г., когда только что был принят Закон об охране природы, нельзя не отметить необычайную активность и чрезвычайную серьезность С.Я. Соколова, направленную на его выполнение ... Так, например, после Сессии Леноблсполкома весной 1961 г., посвященной проблемам охраны природы в Ленинградской области, на котором присутствовал ряд сотрудников Ботанического института, ученым Советом БИН было принято решение приступить к опубликованию ряда изданий, посвященных природе и растительности области и их охране. В числе их были запланированы два больших сборника: «Природа Ленинградской области и ее охрана» и «Природа Ленинграда и окрестностей». Создать последний было поручено С.Я. Соколову. И я отлично помню, с каким энтузиазмом Сергей Яковлевич взялся

за это дело. Он составил план сборника, подобрал очень сильный и интересный авторский коллектив, и в 1964 г. эта книга под его редакцией была напечатана Лениздатом, тиражом 8000 экземпляров, и моментально разошлась.

Сейчас, став библиографической редкостью, она до сих пор является лучшей книгой, в которой очень просто, но на строго научной основе, лучшими специалистами... рассказано о климате, рельефе, почвах, растительном и животном мире Ленинграда и его пригородов. Описаны пригородные леса и лесопарки, исторические сады и парки города и пригородов, даны картины сезонных изменений ленинградской природы; рассказано о влиянии города на здоровье людей и нарисованы перспективы развития города и его зеленого наряда в ближайшем будущем. Подобной книги нет в Советском Союзе, нет для других городов, и велика заслуга Сергея Яковлевича в ее создании. Она является настольной книгой многих специалистов, административных работников, руководителей Общества охраны природы, учителей и просто людей, любящих наш город... Думаю, что ее переиздание совершенно необходимо и осуществление его явилось бы памятью о Сергее Яковлевиче.

С середины 1930-х гг. он начинает читать лекции по зеленому и садово-парковому строительству в Техникуме зеленого строительства и в Доме архитекторов, т.е. в совсем иной аудитории, чем обычная вузовская. В эту новую аудиторию Сергей Яковлевич несет не только знания по общей ботанике, биологии и экологии древесных пород, но он рассказывает о значении их для создания городских и пригородных ансамблей. Он изучает создание парков, ездит неоднократно в Павловск и проводит там ряд экскурсий, наглядно показывая, как гениальные художники Камерон и Гонзаго из нашего смешанного, южнотаежного леса без введения экзотов создали ландшафтный парк, шедевр мирового искусства. Готовясь к лекциям, он рылся в библиотеках и архивах, изучая историю создания не только садов и парков Ленинграда, но и всех парков Союза и Европы.

Он активно участвует в создании новой программы по ботанике для средней школы. Всегда очень прямо, страстно выступая против всего рутинного, затхлого, что накопилось в литературе для учителей биологии и ботаники во время культа личности Лысенко. На совместных заседаниях Комиссии по составлению этой программы Сергей Яковлевич много крови попортил представителям Министерства просвещения и Академии педагогических наук, часто не стесняясь в своих замечаниях. Но когда он приходил в школу прочитать лекцию по просьбе школьников о своих работах, о жизни леса, о необходимости охраны, он становился мягким и внимательным и с такой любовью говорил о природе,

что бывшие школьники, слушавшие его, до сих пор помнят его выступления. Главное, что он никогда не отказывал в просьбе прийти, даже тогда, когда был уже болен... Пока я готовила это сообщение, несколько моих приятелей, преподавателей средних школ говорили: «Ты не забудь, пожалуйста, рассказать, как ребята слушали Сергея Яковлевича, когда он приезжал к нам в школу. После его выступлений вести уроки, говорить о растениях, об их охране было гораздо легче»...

Сергей Яковлевич постоянно вел консультации по разным вопросам, касающимся охраны зеленых насаждений города и пригородов, отдельных парков, садов не только Ленинграда, но и всей страны. К нему приезжали люди со всех концов Союза, и он никому не отказывал. Немножко ворчливый, слегка прищурившись, он задавал наводящие вопросы так, что приехавший постепенно рассказывал о своих успехах и сомнениях. Было очень уютно сидеть у него в кабинете, смотреть на его рисунки и пейзажи, размещенные под стеклом на дверцах книжных шкафов, и слушать всегда вдумчивые и доброжелательные советы С.Я. Соколова. Но еще лучше было пройтись с ним по парку, где он мог часами рассказывать о каждом дереве или куртине. Последний раз мы с ним прошли по парку зимой – 21 или 23 февраля, за несколько дней до его смерти. С.Я. Соколов шел медленно, часто останавливался, смотрел на заснеженные деревья... Это была его последняя прогулка по любимому парку... Через несколько дней 8 марта 1971 г. его не стало.

1972 г.

А.М. Семенова-Тян-Шанская

канд. биол. наук,
Санкт-Петербург

[Архив БИН РАН. Р. 1. Оп. № 711]

С Сергеем Яковлевичем я впервые познакомился в октябре 1940 г., когда после окончания Ленинградского университета и работы по полевым исследованиям торфяников севера Кольского п-ова на Кольской базе Академии наук СССР вернулся в Ленинград и поступил в Ботанический институт на должность младшего научного сотрудника в Ботанический сад. Здесь-то меня очень любезно и благожелательно принял Сергей Яковлевич и назначил куратором оранжерей. Выглядел я тогда совсем мальчишкой, а Сергей Яковлевич располагал к себе. С ним у меня сразу установились добрые и доверительные отношения, которые продолжались до его внезапной кончины в 1971 г.

Сергей Яковлевич был хорошим администратором и проницательным человеком. Он почти ежедневно совершал обход то

территории Сада, то оранжерей и общался с рабочими и сотрудниками. Всех знал в лицо и был всегда осведомлен о ходе дел, нуждах и происшествиях в своем отделе. Он болезненно переносил всякого рода повреждения деревьев и кустарников, хищения красивоцветущих растений, порчу газонов невежественными посетителями парка. При нем и в оранжереях, и в парке был полный порядок. В Отделе велась научная работа и публиковались труды. Он был всегда доступен и прост в обращении и для научных сотрудников и для сезонных рабочих. Возникавшие деловые вопросы решал безотлагательно. Был добродушен, обладал чувством юмора и «острым» языком, и от него всегда можно было ожидать ехидного замечания. В период моего пребывания в Саду он начал работу над задуманной им капитальной сводкой «Деревья и кустарники СССР», и мне было предложено участвовать в ней. Я успел написать обработки смородин и чубушников, но в конце мая меня призвали на военную службу, а затем грянула война и блокада Ленинграда. Вновь я встретился с Сергеем Яковлевичем во время войны в Уфе в 1943 г., куда приехал после длительного пребывания в госпитале г. Перми из-за тяжелого ранения на фронте, а Сергей Яковлевич с семьей жил здесь у своего брата. Встреча произошла на улице, была случайной и очень радостной. Он сообщил мне, что наш институт находится в Казани, и принял живейшее участие в моем возвращении в его штат. Вскоре я выехал в Казань и был зачислен по своей специальности в Отдел систематики и географии высших растений.

В Казань перебрался и Сергей Яковлевич, и мы снова встретились. Время было трудное, голодное, и эвакуированным научным сотрудникам были предоставлены земельные участки на западной стороне Волги ниже города.. Туда ходил речной катер. Поздним летом Сергей Яковлевич пригласил меня на свой огород. От пристани до участков нужно было добираться пешком довольно далеко. Солнце еще сильно пекло, и мы устали и проголодались. Как раз созрели кабачки, и Сергей Яковлевич быстро сварил на таганке пару кабачков, не выпотрошив их от уже зрелых семян. Вареные кабачки показались нам очень вкусными, мы ели их, постоянно выплевывая семечки. На мое недоуменное замечание, что, наверное, надо было сначала кабачки выпотрошить, Сергей Яковлевич заверил меня, что так они вкуснее. Подкрепившись и набив мешки урожаем, довольные и тяжело нагруженные, мы отправились на пристань.

После возвращения в 1948 г. Сергея Яковлевича в Ботанический сад, он сразу же продолжил работу над изданием «Деревья и кустарники СССР». И хотя я работал уже в другом отделе, мое сотрудничество с Сергеем Яковлевичем продолжалось. По его

предложению, я написал для этого издания несколько обработок таксонов. Однажды, принимая от меня рукопись, он обратил внимание на мой лапидарный слог и заметил: «Писать надо пространнее, чтобы и дураку было понятно». Я возразил, что издание предназначается для специалистов. На что последовало: «И среди специалистов дураки бывают».

Нередко я бывал у Сергея Яковлевича дома. Он жил в здании на территории Сада. Меня всегда встречало приветливое и веселое семейство Сергея Яковлевича: милая, спокойная Ольга Владимировна и две симпатичные девочки. В нем я всегда чувствовал себя свободно и непринужденно. Ольга Владимировна была в курсе работы и забот мужа, участвовала в составлении «Деревьев и кустарников СССР», и с ней легко можно было найти общий язык и интерес: она была приятным собеседником.

В тяжкие для биологов годы лысенковщины Сергей Яковлевич пережил немало тревог и неприятностей, но сумел сохранить тематику отдела, несмотря на то что в его коллективе нашелся приверженец этого мракобесия в науке.

Последний, шестой, том «Деревьев и кустарников СССР» вышел из печати в 1962 г. В дополнение к этой сводке Сергей Яковлевич вместе со своей помощницей О.А. Связевой в 1965 г. издал книгу «География древесных растений СССР». Вслед за этим последовала его работа над составлением ареалов деревьев и кустарников СССР с характеристиками их ценотической роли в растительном покрове. К несчастью, ему не суждено было закончить этот очень важный труд – он безвременно скончался от сердечного приступа. Но его преданные сотрудницы и помощницы О.А. Связева и В.А. Кубли, при участии ряда специалистов, довели работу до конца. Мне было поручено редактирование этого издания, что я счел своим долгом перед памятью большого ученого и близкого мне замечательного человека. Все три тома «Ареалов деревьев и кустарников СССР» вышли с 1977 по 1986 г.

Сергей Яковлевич был веселым и общительным человеком, и сотрудники института любовно называли его «СЯСЬ» (С.Я. Соколов). Ругался он только с нерадивыми хозяйственниками и администрацией, отстаивая нужды Ботанического сада. Как специалист он имел широкую известность и большой авторитет среди лесоведов, работников ботанических садов и заповедников по всему Союзу.

В.И. Грубов

2005 г.

засл. деятель науки РФ,
доктор биол. наук, проф.,
Санкт-Петербург

Личность С.Я. Соколова для всех его знающих и работающих с ним в высшей степени привлекательна. Он доступен, прост в обращении, благожелателен и вместе с тем прям, принципиален и правдив, требователен к людям так же, как к самому себе. Обаятелен он в своем крепком, своеобразном юморе, неиссякаемом остроумии. Он покоряет силой мысли, логикой суждения, богатством идей.

Все работы С.Я. Соколова несут на себе яркие черты его стиля. Они изложены сжато, ясно и просто, конкретны и содержательны, отмечены глубиной и оригинальностью мысли, отличаются богатством материала, комплексным подходом к решению вопросов, практической направленностью.

В некоторых статьях (например, «Архитектурно-художественное значение типов леса») ярко проявляется присущее Сергею Яковлевичу тонкое постижение красоты природных комплексов, их эстетическое восприятие. Многие страницы здесь истинно поэтичны.

1968 г.

Многоуважаемая Ольга Александровна!

Обращаюсь к Вам с большой просьбой – напишите, пожалуйста, если можете, при каких обстоятельствах скончался Сергей Яковлевич, что с ним случилось? Я все время думаю о нем и теряюсь в догадках, что могло привести его к роковому концу. Могу только предполагать, что обострение стенокардии, приведшее его к новому инфаркту, могло быть вызвано похолоданием в начале марта; с другой стороны – подозреваю, что тут могло сыграть роль известие (если только оно дошло до него) об исключении из сборника, подготовленного А.М. Семеновой-Тян-Шанской («Вопросы охраны ботанических объектов») статьи Сергея Яковлевича, как наиболее (а, может быть, единственно) радикальной и острой. Поскольку было указание – насчет охраны природы воздерживаться от прямолинейной постановки вопросов. А.М. в разговоре со мной поделилась своим опасением, как бы не повредило Сергею Яковлевичу известие об этом, если это известие до него дойдет. Она боялась сказать ему об этом.

В этот мой приезд я был в Ленинграде всего три дня. Предчувствие, что я встречаюсь с Сергеем Яковлевичем в последний раз, охватившее меня на вокзале, где-то продолжало у меня оставаться, хотя я никак не думал о таком скором конце. Потеря огромная. Сергей Яковлевич был для меня и очень дорогим человеком, одним из лучших людей, которых я видел в жизни, и недостижимым примером ученого-гражданина и патриота, и исключитель-

ного советчика по общим у нас с ним интересам в науке, в том ее направлении (лесная фитоценология), которое нас с ним объединяло. Какой же был ясный, трезвый и здравый ум, как глубока была его мысль, как остро и метко было каждое его слово!

Очень жаль мне его семейных и, особенно, его внучку Лушку, которую он так любил и с которой был так дружен в полной взаимности с ее стороны.

15 марта 1971 г.

В.С. Порфирьев

доктор биол. наук, проф.,
г. Казань

(личный архив О.А. Связевой)

Недавно Сергей Яковлевич прислал мне открытку, и я все предшествовавшие дни о нем очень много думала. Как раз 8 марта хотела ему написать, но что-то очень скверное было настроение, не решилась, а потом пришла Ваша телеграмма.

Я знаю Сергея Яковлевича с 1932 г., очень давно и всегда поражалась как много времени и сил он отдавал людям. К нему тянулись все молодые геоботаники, лесоводы, дендрологи, каждый шел за советом и не простым. Он помогал, вселял уверенность в работе, поддерживал «творческое горение» каждого. Огромное ему за это спасибо и от меня и от очень многих. В том и была ценность старой традиции БИНа. Со всех концов Союза съезжались туда ботаники на зиму и все получали там консультации крупнейших специалистов страны. Хочется мне просить Вас, молодых работников, учеников Сергея Яковлевича, поддержите эту прекрасную традицию навсегда. Сохраните БИН таким же чудесным пристанищем для ученых, где можно проверить свои действия, почерпнуть много нового, загореться новой жадной исследований.

Самое лучшее, что может сделать коллектив сотрудников Ботанического сада для поддержания светлой памяти о Сергее Яковлевиче – быть таким же как он, тогда меньше будет чувствоваться его уход.

Для Вас как ближайшей сотрудницы осталось, вероятно, много дел, незаконченных Сергеем Яковлевичем, будет очень хорошо довести их до конца. Уход Сергея Яковлевича огромная потеря для ботанической науки, но к сожалению и такие люди смертны. Продолжайте же его дело.

11 марта 1971 г.

З.И. Лучник

канд. биол. наук, г. Барнаул

(из письма к О.А. Связевой)

Многоуважаемая Ольга Александровна!

Большое Вам спасибо за письмо и, особенно, за фотографию Сергея Яковлевича. Какая Вы умница, что догадались ее послать. Она мне очень дорога, и я даже не мечтала ее иметь. Трудно поверить, что его нет. Одновременно о его смерти и похоронах я узнала 11 марта, а через несколько дней получила от него открытку, которую он написал за день до смерти. Открытка была жизнерадостной, и читать ее было очень тяжело, так как в это время автора уже не было в живых. Представляю, как Вам сейчас неуютно без Сергея Яковлевича. Ведь сколько лет Вы сидели с ним вместе. Я сейчас мысленно представляю Вашу комнату, стол Сергея Яковлевича и пустой стул, где он сидел. Все это очень тяжело.

В.Г. Рубаник

доктор биол. наук, г. Алма-Ата

3 августа 1971 г.

Дорогая Ольга Александровна!

...Как ясно я представляю – Вы сидите в кабинете Сергея Яковлевича, наклонившись над картами. И вот Сергея Яковлевича уже нет. А я ведь его ровесник, в марте будет 84. Работаю много, устаю, болят ноги. О.А., если в годовщину смерти С.Я. будете на его могиле, поклонитесь его праху. Рядом с его могилой – Юра – это сын Александры Ивановны, моей жены. Положите от нас веточку любого хвойного на их могилы. Низко Вам кланяюсь.

Л.Ф. Правдин

доктор биол. наук, проф., Москва

31 января 1981 г.

Мое знакомство с Сергеем Яковлевичем произошло в декабре 1959 г. Окончив кафедру ботанической географии Географического факультета Ленинградского университета, я работала экскурсоводом в оранжереях Ботанического сада. Сергей Яковлевич в это время, завершив редактирование последнего тома «Деревьев и кустарников СССР», планировал составить обобщающие сводки по дендрофлоре СССР. Для выполнения задуманного ему требовался квалифицированный помощник: два его лаборанта-садовода помочь ему в этой работе не могли. Меня «сосватала» Сергею Яковлевичу В.С. Солодовникова, возглавлявшая экскурсионную группу.

Выдержав у Сергея Яковлевича экзамен, демонстрирующий мои познания в географии древесных растений, а затем еще две «проверочные» недели, я «поселилась» в его кабинете на долгие 35 лет. От сотрудников Сада я знала, что при огромном уважении

к Сергею Яковлевичу многие побаивались его требовательности, его характера и предупреждали, что мне с ним будет нелегко. Но все оказалось иначе. Работать с первых же дней было и легко, и интересно. Хорошая университетская подготовка и любовь к картам позволяли мне довольно успешно воплощать на бумаге все задуманное Сергеем Яковлевичем, а его сверхъестественной требовательности я не ощущала. Дверь его кабинета всегда была открыта по двум причинам: Сергей Яковлевич много курил и постоянно кого-то консультировал. Все ошибки приходящих и приезжающих он обычно проверял на мне: «А вот мы сейчас спросим у Оли, чем отличается флора от растительности?» и т.д. Поэтому первые полтора года он меня таким образом ежедневно экзаменовал, заставляя прислушиваться к его диалогам с посетителями и, следовательно, набираться знаний.

Однажды летом, находясь в отпуске, Сергей Яковлевич командировал меня на НОС «Отрадное» для обследования посадок грецкого ореха, которых я до этого времени не касалась. Обещал приехать и дать задание на месте, но приехал только через два дня, когда я уже по своему разумению принялась за работу, нервничая, что делаю, возможно, не то, что им задумано. Сергей Яковлевич выслушал мою обиду, похвалил, что догадалась, какие наблюдения требовалось провести, и уехал. Оказалось, что это была очередная проверка знаний и сообразительности.

Мне кажется, что Сергей Яковлевич экзаменовал меня не только все годы совместной работы, но продолжает экзаменовывать до сих пор...

В 1962 г. Сергей Яковлевич подготовил к изданию две рукописи: «География древесных растений СССР» и «Хорология древесных растений СССР». Вместе с рукописями повез в издательство «Наука» и меня для ознакомления с этим учреждением. Большая часть первой рукописи была составлена в форме таблиц. И по этому поводу у Сергея Яковлевича сразу же возникли разногласия с директором издательства: набор сложный, надо все переделать. Он вышел из директорского кабинета раздраженный и расстроенный (а волноваться по состоянию сердца ему было противопоказано): «Я больше сюда не приеду. Отныне все дела с издательством будете вести Вы». Так я оказалась «буфером» между ним и издательством. Он же свое слово сдержал. В дальнейшем я была благодарна Сергею Яковлевичу, что бросил меня в свободное плавание в бездонное издательское море. Но вначале мне было тяжело, и я очень благодарна редакторам издательства: Г.А. Тарасову, М.А. Белкиной, Г.Н. Антик. Они с величайшим уважением относились к Сергею Яковлевичу и всячески старались помочь мне постигать азы незнакомой и нелегкой работы:

готовить рукопись к печати. С их помощью я выдержала и этот экзамен. Но самый серьезный экзамен ждал меня впереди: после внезапной кончины Сергея Яковлевича осталась начатая работа над трехтомным изданием «Ареалы деревьев и кустарников СССР». Очень надеюсь, что качеством выполнения этого задания я не огорчила Сергея Яковлевича – своего постоянного научного экзаменатора, «своего высшего судью», как когда-то он величал В.Н. Сукачева.

К сожалению, выполнить завершающую часть этой «древесно-кустарниковой эпопеи» я не решилась. Для составления на должном уровне «Географии интродуцированных в СССР деревьев и кустарников» нужен был организаторский талант, знания, авторитет и энергия самого С.Я. Соколова. Да простит он меня за этот несданный, последний экзамен: мне он оказался не по силам.

О.А. Связева

канд. биол. наук, Санкт-Петербург

2005 г.

Послесловие

Пронесутся годы, десятилетия... Уходят из жизни люди... Стираются из памяти их черты, образы, забываются привычки... Но остаются их дела, их свершения, проекты, книги... Эстафету принимают ученики...

35 лет прошло с того дня, когда поистине осиротел Ботанический сад Ботанического института им. В.Л. Комарова РАН (да и не только он), а на Богословском кладбище появилась свежая могила. Но уже в следующем году, 17 мая 1972 г., в зале Ученого совета БИН на заседание секции лесоведения и дендрологии совместно с комиссией по охране природы ВБО пришли друзья, коллеги и ученики С.Я. Соколова, чтобы почтить его память и отметить 75-летие со дня его рождения. А.А. Корчагин, Н.А. Аврорин, А.М. Семенова-Тян-Шанская, Н.Е. Булыгин напомнили собравшимся о значении С.Я. Соколова в развитии ботанической науки и ботанических садов страны, о его трудах по защите природы.

Промчалось еще 10 лет... 12 мая 1982 г. – секция дендрологии и лесоведения ВБО вновь собирает своих членов в связи с 85-летием со дня рождения С.Я. Соколова. Теперь с докладами о значении его работ выступают уже его ученики: Н.Е. Булыгин, С.А. Дыренков, О.А. Связева. К сожалению, не смогли приехать из Риги А.В. Звиргзд и Р.Е. Циновскис с рассказом о роли Сергея Яковлевича в изучении дендрофлоры Риги.

1997 г. – 100-летие со дня рождения... И снова в зале Ученого совета БИН 15 мая проходит юбилейное заседание РБО и Ботанического сада БИН. Присутствуют дочери Сергея Яковлевича, ученики, сотрудники института. На этом заседании слово «предоставляется» самому Сергею Яковлевичу: О.А. Связева зачитывает отрывки из его «Автобиографии». В библиотеке БИНа подготовлена выставка научных работ Сергея Яковлевича, здесь же его акварели, фотографии, дипломы... И снова: одни вспоминают, а другие только открывают для себя... Жизнь продолжается...

Основные даты жизни и деятельности С.Я. Соколова

- 7(20) мая 1897** – Родился в г. Белебей Уфимской губ., в семье врача.
- 1908–1910** – Гимназист Казанской 1-й гимназии.
- 1910–1915** – Ученик Белебеевского реального училища.
- 1915–1917** – Студент Санкт-Петербургского лесного института. В 1917 г. по болезни прервал учебу и вернулся в г. Белебей.
- 1917** – Служащий Белебеевского земства.
- 1918–1920** – Красноармеец-артиллерист на Восточном фронте во время Гражданской войны.
- 1920–1922** – Студент Томского технологического института, затем Казанского университета.
- 1922 (лето)** – Преподаватель геодезии в Лесном техникуме (г. Казань).
- 1922–1924** – Студент Петроградского лесного института.
- 1923–1925** – Младший научный сотрудник при Научно-исследовательском совете Лесного института.
- 1923–1924** – Начальник лесоустроительной партии Управления Мурманской железной дороги.
- 1924–1932** – Ассистент, затем старший преподаватель на кафедре морфологии, систематики растений и дендрологии Ленинградского лесного института.
- 1925** – Женился на О.В. Ключаревой.
- с 1925** – Член ВВО.
- 1925–1929** – Старший лесничий-опытник при научно-исследовательской части Управления учебно-опытных лесничеств Лесного института (по совместительству).
- 1926** – Рождение дочери (Галина).
- 1926–1928** – Ученый секретарь Ленинградского лесного общества..
- с 1929** – Член РГО.
- 1929–1930** – Зам. начальника Кавказской экспедиции Научно-исследовательского института лесного хозяйства и лесной промышленности.
- 1930–1932** – Организатор и заведующий Лесной опытной станции Кавказского заповедника.

- 1931–1932** – Научный сотрудник Лесного музея АН СССР.
- 1932–1938** – Старший научный сотрудник отдела геоботаники Ботанического института им. В.Л. Комарова АН СССР (БИН) (Ленинград).
- 1932–1934** – Зав. географо-гидрологической группой Государственного гидрологического института (Ленинград).
- 1933** – Начальник лесного отряда Киргизской экспедиции СОПС АН СССР. Участник Первого Всесоюзного съезда по охране природы.
- 1934** – Президиумом АН СССР награжден грамотой ударника социалистической науки и премирован фотоаппаратом «За ударную работу по исследованию ореховых лесов Ю. Киргизии и орехового напльва, за правильную постановку задач хозяйственного использования ореха и общее перевыполнение программы 1933 г.». Начальник экспедиции БИН по изучению лесов Абхазии.
- 1934–1935** – Слушатель Марксистско-Ленинского университета.
- 1935 (25 октября)** – Присуждение Президиумом АН СССР ученой степени кандидата биологических наук без защиты диссертации.
- 1935–1942** – Член Комитета по заповедникам при ВЦИК РСФСР (утвержден Президиумом ВЦИК РСФСР 3 марта 1935 г.).
- 1935–1938** – Преподаватель и председатель предметной комиссии. Ленинградского техникума зеленого строительства.
- 1937** – Начальник экспедиции БИН по изучению лесов Северного Кавказа (Майкопский район).
- 1938** – Консультант экспедиции Гипролестранса по разработке проекта эксплуатации лесов басс. р. Лабы.
- 1938–1944** – Заведующий отделом Ботанический сад БИН.
- 1938 (20 декабря)** – Защита диссертации на соискание ученой степени доктора биологических наук на тему «Некоторые основные проблемы фитоценологии и решение их на примере изучения лесов Западного Закавказья».
- 1938–1965?** – Член научно-технического Совета Управления садово-паркового хозяйства и зеленого строительства (Ленинград).
- 1939 (11 марта)** – Присуждение ученой степени доктора биологических наук.
- 1939–1948,
1954–1971** – Член Ученого совета БИН.

- 1939–1940** – Преподаватель Ленинградского сельскохозяйственного института.
- 1940** – Один из организаторов Первого Всесоюзного съезда ботанических садов при Отделении биологических наук АН СССР.
- 1942–1944** – И.о. заведующего отделом геоботаники БИНа во время эвакуации (Казань).
- 1942–1943** – Начальник отряда по изучению лесов Среднего Поволжья. Профессор Казанского университета.
- 1943 (14 августа)** – Утвержден в ученое звание профессора по специальности «геоботаника».
- 1944** – Награжден медалью «За оборону Ленинграда».
- 1944–1948** – Старший научный сотрудник отдела геоботаники БИН, зав. сектором лесоведения.
- 1944–1945** – Зам. начальника комплексной экспедиции АН СССР по изучению лесоплодовых массивов Южной Киргизии.
- 1945** – Награжден орденом «Знак почета» и медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне».
- 1947–1950** – Председатель Комитета по озеленению городов при ЛенОблНИТО леса.
- 1948–1950** – Депутат Петроградского Совета депутатов трудящихся (Ленинград).
- 1948–1958** – Зав. отделом Ботанический сад БИН.
- 1948–1960,**
1968–1971 – Руководитель Научно-опытной станции БИН (пос. Отрадное Ленинградской обл.), в дальнейшем куратор дендропитомника Ботанического сада.
- 1949, 1956** – Инициатор Всесоюзных съездов ботанических садов и родственных институтов для организации работ по интродукции растений и зеленому строительству.
- 1953–1971** – Член Совета ботанических садов СССР (с 1953 г. – член Президиума Совета).
- 1953** – Награжден орденом Ленина.
- 1954** – Награжден малой золотой медалью ВДНХ.
- 1955** – Награжден большой серебряной медалью ВДНХ.
- 1955–1958,**
1965–1971 – Член редколлегии Ботанического журнала ВБО.
- 1957** – Распоряжением Президиума АН СССР был командирован в КНР для совместных с китайскими учеными исследований ресурсов тропических районов Китая. Награжден медалью «250-летие Ленинграда».
- 1958–1970** – Старший научный сотрудник отдела Ботанический сад БИН.

- 1962** – Выдвижение на соискание Ленинской премии 1962 г. в области науки и техники как руководителя работ, главного редактора и одного из авторов шеститомной сводки «Деревья и кустарники СССР», вышедшей в 1949–1962 гг.
- 1962–1971** – Зам. председателя секции Лесоведения и лесоводства ВБО.
- 1965** – Выдвижение БИН на присвоение звания «Заслуженный деятель науки РСФСР».
- 1969** – Четвертым съездом ВБО избран почетным членом Всесоюзного ботанического общества.
- 1970–1971** – Старший научный сотрудник-консультант отдела Ботанический сад БИН.
- 1971 г. 8 марта** – Скорпостижно скончался в Ленинграде. Похоронен на Богословском кладбище.

Труды С.Я. Соколова

1926

1. Сравнительный очерк типов леса Шелековского лесничества и Сорокско-Шуерецкой дачи // Дневник Всесоюзного съезда ботаников в Москве (январь 1926 г.). М., С. 165–167.
2. Типы леса Шуерецко-Сорокской дачи Сорокского лесничества // Лесоведение и лесоводство. Вып. 2. С. 63–82: табл., схем.
3. Рекогносцировочное исследование типов леса Лисинского лесничества // Там же. Вып. 3. С. 135–154: схем. Библиогр.: 9 назв.

1928

4. Краткий очерк типов леса внеленинградской группы учебно-опытных лесничеств Ленинградского лесного института // Природа и хозяйство учебно-опытных лесничеств Ленинградского лесного института. М., Новая деревня. С. 37–46.
5. Лесные растительные ассоциации и торфяники Осинорощинской дачи Парголового учебно-опытного лесничества Ленинградского лесного института // Там же. С. 95–164: рис., карт., схем. Библиогр.: 44 назв.
6. О деятельности Ленинградского лесного общества за 1926–1928 годы // Лесоведение и лесоводство. Вып. 5. С. 223–227.
7. Типы лесов Баковарнавинского массива Нижегородской губернии // Дневник Всесоюзного съезда ботаников в Ленинграде (январь 1928 г.). Л., Изд. Гос. Рус. бот. о-во. С. 258–260: схем.
8. К вопросу о классификации еловых ассоциаций // Там же. С. 260.

1929

9. К вопросу о классификации типов еловых лесов // Очерки по фитоцологии и фитогеографии. М., Новая деревня. С. 205–255: табл., схем. Библиогр.: 44 назв.

1931

10. Общий естественно-исторический и лесоводственный очерк Сочинского района // Тр. Кавк. экспедиции Ленингр. лесопром. н.-и. и-та. Т. 14. С. 7–96: табл., граф. Библиогр.: 90 назв.
11. Типы леса восточной части Баково-Варнавинского учебно-опытного леспромхоза // Природа и хозяйство учебно-опытных леспромхозов

Лесотехнической академии. Л. Т. 2. С. 115–251: табл. Библиогр.: 58 назв.

12. Цели и задачи лесной опытной станции Кавказского государственного заповедника // Природа и соц. хоз-во. Т. 4, № 6/8. С. 156–160.

1932

13. Инструкция фенологических наблюдений в лесах Северо-Кавказского края. Ростов н/Д.: Рост. обл. изд-во. 11 с.
14. Общая методика геоботанических исследований // Программы для геоботанических исследований. Л.: Изд-во АН СССР. С. 15–25. Совм. с др. авт.
15. Программа для геоботанического изучения лесов // Там же. С. 42–67. Совм. с др. авт.

1933

16. Возможности специализированного хозяйства на каштан // Сов. ботаника. № 6. С. 63–75: табл.
17. К вопросу о программах географических экспедиций в целях последующего гидрологического районирования территорий: (Док. на I Всесоюз. геогр. съезде) // Изв. Гос. гидролог. ин-та. № 57/58. С. 43–54: схем. Библиогр.: 26 назв.
18. К организации и тематике комплексных научно-исследовательских работ государственных заповедников // Материалы I Всесоюз. геогр. съезда. Л. Вып. 1. С. 18–19.
19. Первый Всесоюзный съезд по охране природы и содействию развития природных богатств // Сов. ботаника. № 2. С. 94–96.

1934

20. К вопросу о программах географических экспедиций в целях последующего гидрологического районирования территорий // Тр. I Всесоюз. геогр. съезда (11 апр. 1933 г.). Л. Вып. 3. С. 247–259: схем. Библиогр.: 26 назв.
21. К организации и тематике комплексных исследовательских работ заповедников // Там же. С. 334–335.
22. [Выступление в прениях по докладу С.Л. Иванова «Влияние климата на процессы образования веществ в растениях» на I Всесоюзном географическом съезде] // Там же. С. 293.
23. Леса Кавказа и Крыма и породы, их образующие // Дендрология с основами лесной геоботаники. М.; Л. С. 395–476.
24. Киргизская комплексная экспедиция: Лесной отряд // Экспедиции Академии наук СССР 1933 г. Л. С. 100–102: табл.
25. Проблема организации специализированных лесных хозяйств // Сов. ботаника. № 2. С. 13–28: схем.
26. [Выступление на дискуссии «Основные установки и пути развития советской экологии» (Ботанический институт АН СССР, 13–14 янв. 1934 г.)] // Там же. С. 36–38.

27. Главный маршрут // Красная Поляна: Кавк. гос. заповедник. С. 9–18.
28. Маршрут Красная Поляна – Аибга // Там же. С. 19–23.
29. Золотой источник Киргизии // Сов. Киргизия. 22 янв.
30. Нетронутые леса // Известия. 29 апр.

1935

31. Лесные богатства Абхазии // Сов. субтропики. № 8. С. 27–34.
32. Организация хозяйства в плодовых лесах южной Киргизии // Тез. Второй конф. по освоению природ. ресурсов Кирг. АССР. М.; Л. С. 5–6.
33. Проблема обогащения растительных ресурсов // Тр. Первого Всесоюз. съезда по охране природы в СССР. М. С. 303–310, 317–318.

1936

34. Классификация типов леса Абхазии // Тр. СОПС АН СССР. Сер. Закавказье. Вып. 19. С. 203–212: схем.
35. Определитель наиболее распространенных типов леса Черноморского побережья // Там же. С. 177–202.
36. Экологическая и ценотическая классификация древесных и кустарниковых пород Абхазии // Там же. С. 157–176: табл.
37. Основные перспективы в развитии лесного хозяйства Абхазии // Там же. С. 359–386: табл., схем. Соавтор: Беляев М.А.
38. Ред.: Абхазия: Геоботанический и лесоводственный очерк по материалам экспедиции Академии наук СССР 1934 г. // Там же. 394 с.: рис., табл., карт. Библиогр.: 193 назв.
39. Плодовые леса Киргизии и перспективы их использования // Проблемы Киргизской АССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 2. С. 273–286. (Тр. 2-й конф. по освоению природ. ресурсов Кирг. АССР).

1937

40. Аэровизуальные признаки типов леса // Применение самолета при геоботанических исследованиях. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 33–49.
41. Перспективы применения самолета в геоботанических исследованиях // Там же. С. 125–127.
42. Ред.: Применение самолета при геоботанических исследованиях (по работам авиоэкспедиции в Карелии). М.; Л.: Изд-во АН СССР. 127 с.: рис., табл., карт.
43. Лесное хозяйство Киргизской ССР // Экономический сборник. М. С. 18–22.
44. О бывшем Удельнинском парке // Сов. ботаника. № 3. С. 127–128.
45. О Второй Межкраевой биологической конференции в г. Ростове-на-Дону // Там же. С. 116–119.
46. Реф.: Матюк И.С. Лиственница и ее значение в народном хозяйстве СССР. Приложение 79-е к «Трудам по прикладной ботанике, генетике и селекции». Л., 1936 // Там же. С. 159–160.

47. Реф.: Временная программа – инструкция фенологических наблюдений для субтропиков, 1936 г. // Там же. С. 160.
48. Реф.: *Кац Н.Я.* О фитоценозах Кавказского госзаповедника в свете комбинативных свойств видов (Землеведение. 1936. Т. 38, вып. 3) // Там же. С. 187–189.
49. Успехи советской лесной геоботаники // Там же. № 6. С. 3–23: схем.

1938

50. Леса Кавказа и Крыма и породы, их образующие // Дендрология с основами лесной геоботаники. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Гостехиздат. С. 377–479.
51. Методика геоботанического исследования лесов // Методика полевых геоботанических исследований. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 59–86: табл. Библиогр.: 10 назв.
52. Методика геоботанического картирования // Там же. С. 183–200. Библиогр.: 16 назв. Соавтор: Шифферс Е.В.
53. Нормы выработки при геоботанических исследованиях // Там же. С. 201–206: табл.
54. Ореховые леса Южной Киргизии // Тр. БИН АН СССР. Сер. 5. Вып. 1. С. 299–393: рис., табл. Библиогр.: 62 назв. Соавторы: Красовский П.А., Соснин Л.И.
55. Основные декоративные признаки древесных и кустарниковых пород. Л. 43 с.
56. Успехи советской лесной геоботаники // Сов. ботаника. № 1. С. 20–46: рис., табл.
57. Форпроект Всесоюзного ботанического сада Академии наук СССР в Москве // Там же. № 2. С. 88–100: рис., схем. Соавторы: Шипчинский Н.В., Изосимов А.И., Крылова З.И.
58. Частная методика преподавания дендрологии в Ленинградском техникуме зеленого строительства // Там же. № 1. С. 132–138.
59. Некоторые основные проблемы фитоценологии и решение их на примере изучения лесов Западного Закавказья: Тез. докт. дис. Л.: Ленилгорлит. 1 с.

1940

60. Первая конференция ботанических садов СССР // Сов. ботаника. № 3. С. 117–122.
61. Задачи ботанических садов в области исследовательских работ // Конференция ботанических садов СССР: (Программа и тезисы). М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 4–7.
62. Принципы геоботанического районирования // Тр. БИН АН СССР. Сер. 3. Вып. 4. С. 9–18.

1945

63. Ботанические исследования Южно-Киргизской экспедиции 1944 г. Академии наук СССР // Сов. ботаника. Т. 13, № 3. С. 71–72. Соавтор: Лавренко Е.М.

1946

64. Бородавчатый бересклет в лесах Татарской АССР и его использование // Сов. ботаника. Т. 14, № 5. С. 329–333: табл. Соавтор.: Комлев П.П.

1947

65. Декоративные свойства древесных пород с основами их биологии // Садово-парковое хозяйство. Л.: Ленингр. газет.-кн. изд-во. С. 42–93: рис., табл.
66. Леса и лесное хозяйство Марийской АССР // Леса и лесное хозяйство Среднего Поволжья. М.; Л.: СОПС АН СССР. С. 122–151: табл., карт. Соавтор: Герниц О.О.
67. Леса и лесное хозяйство Татарской АССР // Там же. С. 3–78: рис., табл., карт. Соавторы: Морохин Д.И., Напалков Н.В.
68. Леса и лесное хозяйство Чувашской АССР // Там же. С. 79–121: табл., карт.
69. Фитоценотические типы // Докл. АН СССР. Н.С. Т. 55, № 2. С. 161–164: табл. Библиогр.: 23 назв.

1948

70. Проблема фитоценоза на Всесоюзном ботаническом съезде // Ботан. журн. Т. 33, № 1. С. 145–146. Соавтор: Сукачев В.Н.
71. Ритмика факторов жизни и самой жизни в ореховых лесах Ферганы // Тр. Второго Всесоюз. геогр. съезда. М.: ОГИЗ. Т. 2. С. 406–412: табл.
72. Типы борьбы за существование в мире растений // Конф. по пробл. дарвинизма. М.: Изд-во МГУ. С. 27–29: табл.

1949

73. Растительность плодовых лесов и прилегающих районов Южной Киргизии // Плодовые леса Южной Киргизии. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 102–145: рис., табл. (Тр. Южно-Кирг. экспедиции АН СССР; Вып. 1). Соавтор: Лавренко Е.М.
74. Грецкий орех Южной Киргизии и изменчивость его плодов // Там же. С. 174–203: рис., табл.
75. Алыча Южной Киргизии // Там же. С. 254–261: рис. Соавтор: Васильченко И.Т.
76. Фисташка благородная, груша, барбарис, миндаль и неплодовые древесные породы Южной Киргизии // Там же. С. 262–280: рис., табл. Соавтор: Калинина А.В.
77. Яблоневое лесоплодовое хозяйство // Там же. С. 250–253: табл.
78. Задачи и методы геоботанического изучения лесов заповедников // Научно-методические записки / Гл. упр. по заповедникам. М. Вып. 12. С. 31–34.
79. Ред.: Зеленое строительство: Сборник научно-производственных работ. Л.: Всесоюз. НИТО лесн. пром-сти и лесн. хоз-ва. Ленингр. отделение. 126 с.: рис., табл., фото, схем.

80. Исследовательские задачи зеленого строительства в свете мичуринской биологии // Зеленое строительство. С. 11–16.
81. Расширенное совещание по итогам научно-исследовательской работы в области зеленого строительства в Ленинграде // Там же. С. 105–110. Соавтор: Гладкий Н.П.
82. Ред.: Деревья и кустарники СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 463 с.: рис., табл., карт. Библиогр.: с. 437–440.
83. Предисловие // Деревья и кустарники СССР. М.; Л. С. 3–6.
84. Отдел Embryophyta – Siphonogama – Семенные растения, Подотдел Gymnospermae – Голосеменные, Класс Coniferales, Сем. Taxaceae Lindl. – Тиссовые, Сем. Podocarpaceae Neger – Ногоплодниковые, Род Podocarpus L'Herit. – Ногоплодник, Сем. Araucariaceae F. Neger – Араукариевые, Род Agathis Salisb. – Агатис, Сем. Pinaceae Lindl. – Сосновые, Сем. Taxodiaceae F.W. Neger – Таксодиевые, Сем. Cupressaceae F.W. Neger – Кипарисовые // Там же. С. 7–8, 18–19, 35–42, 52–53, 266–267, 289–290: рис.
85. Класс Cycadales // Там же. С. 12–14. Соавтор: Сааков С.Г.
86. Род Torreya Arnott. – Торрейя, Класс Ginkgoales, Сем. Cephalotaxaceae F. Neger – Головчатотиссовые, Род Keteleeria Carq. – Кетелеерия // Там же. С. 14–17, 31–34, 49–52, 103–104: рис. Соавтор: Лапин П.И.
87. Таблица для определения видов рода Thuja // Там же. С. 298.
88. Классификация голосеменных древесных пород, наиболее часто встречающихся в культуре в СССР, по декоративным признакам // Там же. Приложение. С. 422–430.
89. Семена хвойных пород // Там же. С. 431–432: табл.
90. Районы возможной культуры голосеменных древесных пород // Там же. С. 433–436.

1950

91. Академик Владимир Николаевич Сукачев: (К 70-летию со дня рождения) // Ботан. журн. Т. 35, № 3. С. 318–328: портр. Соавтор: Лавренко Е.М.
92. Совещание по зеленому строительству // Бюл. Гл. ботан. сада АН СССР. Вып. 6. С. 107–108.
93. К предстоящему совещанию ботанических садов // Там же. Вып. 7. С. 5–7.
94. Мичуринская биология и зеленое строительство: (Стенограмма докл. на совещ. по зеленому строительству при Ботан. ин-те им. В.Л. Комарова, декабрь, 1949) // Тр. БИН АН СССР. Сер. 6. Вып. 1. С. 7–19.
95. Совещание по зеленому строительству, 15–19 декабря 1949 г. // Природа. № 4. С. 80–81.
96. Открытые письма к работникам ботанических институтов, ботанических садов, к дендрологам, работникам в области зеленого строительства и лесоводам-опытникам // Там же. № 10. С. 95–96: табл. Соавтор: Кормилицын А.М.

1951

97. Лесохозяйственное значение типов леса таежной полосы // Тр. совещ. по лесн. типологии, 3–5 февр. 1950 г., Москва. М.: Изд-во АН СССР. С. 67–84, 122–123: схем.
98. Ред.: Деревья и кустарники СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 2. 611 с.: рис., табл., карт. Библиогр.: с. 574–578.
99. Предисловие // Деревья и кустарники СССР. М.; Л. Т. 2. С. 3–6.
100. Подотдел Angiospermae – Покрытосеменные // Там же. С. 7.
101. Род *Populus* L. – Тополь // Там же. С. 174–217: рис., табл., карт. Соавторы: Шипчинский Н.В., Ярмоленко А.В.
102. Сем. Juglandaceae Lindl. – Ореховые, Род *Platycarya* Sieb. et Zucc. – Платикария // Там же. С. 221–223: рис.
103. Род *Juglans* L. – Орех // Там же. С. 230–250: рис., табл., карт.
104. Род *Carya* Nutt. – Кария // Там же. С. 250–263: рис., табл., карт.
105. Род *Alnus* Gaertn. – Ольха // Там же. С. 334–353: рис., табл., карт. – Соавтор: Стратонович А.И.
106. Сем. Fagaceae A.Br. – Буковые, Род *Nothofagus* Blume – Нотофагус // Там же. С. 390–392: рис.
107. Род *Fagus* L. – Бук // Там же. С. 392–405: рис., табл., карт.
108. Род *Castanea* Mill. – Каштан, Род *Castanopsis* Sprach – Кастанопсис // Там же. С. 405–419: рис., табл., карт.
109. Род *Quercus* L. – Дуб // Там же. С. 421–493: рис., карт. Соавтор: Малеев В.П.
110. Сем. Moraceae Lindl. – Тутовые // Там же. С. 523–535: рис., табл., карт. Соавтор: Лозина-Лозинская А.С.
111. Сем. Polygonaceae Lindl. – Гречишные // Там же. С. 542–552: рис. Соавторы: Леонтьев В.Л., Лозина-Лозинская А.С.
112. Сем. Chenopodiaceae Less. – Маревые (кроме родов *Salsola* L. и *Haloxylon* Vge.) // Там же. С. 552–558, 561–564, 569–570.
113. Род *Salsola* L. – Солянка // Там же. С. 558–561. Соавтор: Леонтьев В.Л.
114. Akademik Vladimir Nicolajevic Sukacev: (K jeho sedmmdesatum naroze-diam) // Svet vedy. Biologie. Bratislava. Sv. 2. Соавтор: Лавренко Е.М.

1952

115. Краткая программа и методика экспедиций ботанических садов // Тр. БИН АН СССР. Сер. 6. Вып. 2. С. 7–15. Библиогр.: 5 назв.
116. Некоторые ценные древесные и кустарниковые породы северной части Черноморского побережья Кавказа // Там же. Сер. 5. Вып. 3. С. 335–464: рис., фото, табл., карт. Библиогр.: 83 назв.
117. О росте пластинки листа у некоторых древесных пород // Ботан. журн. Т. 37, № 5. С. 610–623: рис., табл. Библиогр.: 14 назв. Соавтор: Артюшенко З.Т.

1953

118. Ольхообразная ветка березы // Ботан. журн. Т. 38, № 3. С. 414–418: рис. Соавторы: Артюшенко З.Т., Замятнин Б.Н.
119. Хлорофилл в древесине ветвей // Там же . Т. 38, № 5. С. 661–668: табл. Библиогр.: 7 назв.
120. Справочник по декоративным деревьям и кустарникам европейской части СССР. М.: Изд-во М-ва коммун. хоз-ва РСФСР. 530 с. Совм. с др. авт.
121. Ред.: Тезисы совещания по теории и методам акклиматизации растений. М.; Л., Изд-во АН СССР. 63 с.: табл.
122. Современное состояние теории акклиматизации и интродукции растений // Тезисы совещания по теории и методам акклиматизации растений. М.; Л. С. 10–18: табл. Библиогр.: 2 назв.
123. [Выступление на совещании представителей ботанических садов СССР 18–23 авг. 1952 г.] // Бюл. Главн. ботан. сада АН СССР. Вып. 15. С. 95–96.

1954

124. Ред.: Деревья и кустарники СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 3. 872 с.: рис., табл., карт. Библиогр.: с. 820–826.
125. Предисловие // Деревья и кустарники СССР. М.; Л. Т. 3. С. 3–8.
126. Род Парротия – *Parrotia* С.А.М. // Там же. С. 233–235: табл.
127. Род Слива – *Prunus* Mill. // Там же. С. 690–714: рис., табл., карт.
128. Род Вишня – *Cerasus* Juss. // Там же. С. 731–758: рис., табл., карт.
129. Род Черемуха – *Radus* Mill. // Там же. С. 758–774: рис., табл., карт.
130. Совещание по теории и методам акклиматизации растений 27–31 окт. 1953 г. в Ленинграде // Ботан. журн. Т. 39, № 2. С. 313–316.
131. Ред.: Сааков С.Г. Пальмы и их культура в СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 320 с.: рис.
132. *Brezova vetev ve tratu olsove vetre* // Svet vedy. Biologie. Bratislava. Sv. 3.

1955

133. Акклиматизация растений и культурно-просветительная работа в Аптекарском огороде – Ботаническом саду // Тр. БИН АН СССР. Сер. 6, Вып. 4. С. 7–26.
134. Формирование почек и развитие годичных побегов у некоторых древесных пород. (Сообщ. 1) // Там же. С. 139–156.
135. И.В. Мичурин и акклиматизация растений // Ботан. журн. Т. 40, № 5. С. 655–666: рис., табл. Библиогр.: 36 назв.
136. Ред.: Головач А.Г. Газоны, их устройство и содержание. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 338 с.: рис., табл., фото. Библиогр.: 244 назв.
137. Регель, Эдуард Людвигович // БСЭ. 2-е изд. Т. 36. С. 211–212.

1956

138. Открытое письмо к учреждениям, работающим по изучению женьшеня и введению его в культуру // Ботан. журн. Т. 41, № 7. С. 1020.
139. Типы борьбы за существование среди растений // Академику В.Н. Сукачеву к 75-летию со дня рождения. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 507–521: табл., схем. Библиогр.: 59 назв.
140. Ред.: Аврорин Н.А. Переселение растений на полярный север. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 1. 286 с.: рис., табл., фото, карт. Библиогр.: с. 253–265.
141. Ред.: Новые полезные растения: (Рекомендации Всесоюзного совещания по введению новых полезных растений в культуру). М.; Л.: Изд-во АН СССР. 68 с.

1957

142. Ботанический сад и его интродукционная и культурно-просветительная работа // От Аптекарского огорода до Ботанического института. М.; Л.: Изд-во АН СССР. С. 216–240: фото.
143. Ред.: Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. 238 с.: рис., табл., фото. (Тр. БИН АН СССР. Сер. 6; Вып. 5).
144. Введение // Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. С. 5–6.
145. Современное состояние теории акклиматизации и интродукции растений // Там же. С. 9–32: рис., табл. Библиогр.: 43 назв.
146. Ивановы побеги у сосны // Ботан. журн. Т. 42, № 5. С. 741–745: рис., табл. – Библиогр.: 6 назв. Соавтор: Артющенко З.Т.
147. Михаил Иванович Сахаров // Там же. Т. 42, № 4. С. 663–664. Соавторы: Жилкин Б.Д., Соснин Л.И.
148. Фенологическая программа № 1 // Обращение к учреждениям и лицам, ведущим фенологические наблюдения над растениями. Л.: Изд-во АН СССР. С. 1–6.

1958

149. Ред.: Деревья и кустарники СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 4. 974 с.: рис., табл., карт. Библиогр.: с. 918–924.
150. Предисловие // Деревья и кустарники СССР. М.; Л. Т. 4. С. 3–8.
151. Род Цезальпиния – *Caesalpinia* L. // Там же. С. 63–66: рис. Соавтор: Пилипенко Ф.С.
152. Род Гледичия – *Gleditschia* L., Род Бундук – *Gymnocladus* Lam., Род Аммодендрон, или песчаная акация – *Ammodendron* Fisch., Род Маакия – *Maackia* Rupr. et Maxim., Род Бобовник – *Laburnum* Medic. // Там же. С. 51–61, 74–81, 106–109: рис., табл., карт. Соавтор: Шипчинский Н.В.
153. Род Ракитник – *Cytisus* L. // Там же. С. 111–127: рис. Соавтор: Шипчинский Н.В.
154. Род Аморфа – *Amorpha* L., Род Робиния – *Robinia* L., Род Пузырник – *Colutea* L. // Там же. С. 135–140, 147–156, 162–171: рис., табл., карт. Соавтор: Шипчинский Н.В.

155. Род Карагана – *Caragana* Lam. // Там же. С. 172–197: рис. Соавтор: Шипчинский Н.В.
156. Род Копеечник – *Hedysarum* L., Род Леспедеца – *Lespedeza* Michx., Род Бархат – *Phellodendron* Rupr., С[амшит] колхидский – *B[uxus] colchica* Pojark. // Там же. С. 210–211, 215–218, 238–244, 294–297: рис., табл. Соавтор: Шипчинский Н.В.
157. Сем. Сумаховые – *Anacardiaceae* Lindl. // Там же. С. 304–341: рис., табл.
158. Род Лох – *Elaeagnus* L. // Там же. С. 900–907: рис.
159. Таблица для определения видов рода Пех // Там же. С. 344.
160. Сем. Волчниковые – *Thymelaeaceae* Adans. // Там же. С.879–894: рис. Соавтор: Головач А.Г.
161. Род Дендростеллера – *Dendrostellera* Van-Tiegh. // Там же. С. 894–895. Соавторы: Головач А.Г., Победимова Е.Г.
162. Ред.: Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. 327 с.: рис., табл., фото. (Тр. БИН АН СССР. Сер. 6; Вып. 6).
163. Предисловие // Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. С. 7–8.
164. Формирование почек и развитие годичных побегов у некоторых древесных и кустарниковых пород. Сообщ. 2 // Там же. С. 72–81. Соавтор: Артюшенко З.Т.
165. О хозяйстве в плодовых лесах Южной Киргизии // Материалы совещ. по проблеме «Восстановление и развитие орехоплодовых лесов Южной Киргизии», 5–10 сент. 1955 г. Фрунзе: Изд-во АН КиргССР. С. 155–164.

1959

166. Ред.: Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. 507 с.: рис., табл., фото, карт. (Тр. БИН АН СССР. Сер. 6; Вып. 7).
167. Общие цели и задачи по введению в культуру новых полезных растений // Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. С. 19–21.
168. Памяти Леонида Ивановича Соснина // Ботан. журн. Т. 44, № 8. С. 1192–1193.
169. Ред.: Лукс Ю.А., Солодовникова В.С. Ботанический сад: Парк во все времена года. М.; Л.: Изд-во АН СССР. [40] с.: фото.

1960

170. К итогам изучения древесных пород в СССР // Тез. докл. расшир. сес. Учен. совета, посвящ. 30-летию со дня основания Укр. НИИЛХа. Харьков. С. 58–64.
171. Ред.: Деревья и кустарники СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 5. 544 с.: рис., табл. Библиогр.: с. 500–509.
172. Предисловие // Деревья и кустарники СССР. М.; Л. Т. 5. С. 3–6.
173. Сем. Брусничные – *Vacciniaceae* Lindl. // Там же. С. 352–367: рис. Соавтор: Шипчинский Н.В.

174. Сем. Диапенсиевые – Diapensiaceae Lindl., Род Свинчатка – Plumbago L., Род Цератостигма – Ceratostigma Vge. // Там же. С. 367–368, 372–373.

1961

175. К закону об охране природы в РСФСР // Ботан. журн. Т. 46, № 7. С. 1–8.
176. Школа и охрана природы // Ботаника и школа: Сб. материалов в помощь учителям биологии. Л.: Всесоюз. ботан. о-во АН СССР. С. 6–11.

1962

177. Ред.: Деревья и кустарники СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 6. 379 с.: рис., табл., карт. Библиогр.: с. 334–339.
178. Предисловие // Деревья и кустарники СССР. М.; Л. Т. 6. С. 3–8.
179. Сем. Вьюнковые – Convolvulaceae Juss. // Там же. С. 31–34.
180. Таксономия лесных ассоциаций // Проблемы ботаники. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 6. С. 110–123: табл. Библиогр.: 41 назв.
181. Хеномелес Маулея – перспективное декоративное и плодоевое растение для средней и северной зон европейской части СССР // Интродукция растений и зеленое строительство. М.; Л. С. 168–176: фото. Библиогр.: 31 назв. Соавтор: Лукс Ю.А. (Тр. БИН АН СССР. Сер. 6; Вып. 8).
182. Ред.: *Заборовский Е.П.* Плоды и семена древесных и кустарниковых пород. М.: Гослесбумиздат. 303 с.: рис. Библиогр.: с. 265–291.

1963

183. Архитектурно-художественное значение типов леса // Бюл. Гл. ботан. сада АН СССР. Вып. 48. С. 25–32.
184. Архитектурно-художественное значение типов леса // Ландшафтная архитектура: Сб. ст.: По материалам совещ., посвящ. вопр. ландшафтной архитектуры. М.: Госстройиздат. С. 178–187. (Союз архитекторов СССР).
185. Рост и развитие разветвленного годичного побега у серой ольхи // Ботан. журн. Т. 48, № 12. С. 1776–1787: рис., табл. Рез. англ. Библиогр.: 13 назв.

1964

186. Ред.: Природа Ленинграда и окрестностей. Л.: Лениздат. 251 с.: рис., табл., карт.
187. Введение // Природа Ленинграда и окрестностей. Л. С. 5–6.
188. Некоторые закономерности в географии древесных растений флоры СССР // Вопросы типологии горных лесов Казахстана. Алма-Ата. С. 79–83.

189. Рост и развитие разветвленного годичного побега у серой ольхи (по наблюдениям 1958 г.) // Ботан. журн. Т. 49, № 6. С. 799–812: рис., табл., граф. Рез. англ. Библиогр.: 4 назв.
190. Ареалы растений (СССР). Карта. Масштаб 1 : 20 000 000 // Физико-географический атлас мира. М.: ГУГК. С. 242. Соавтор: Юнатов А.А.
191. Ред.: Ляшенко Н.И. Биология спящих почек. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 87 с.: ил. Библиогр.: с. 83–86.
192. Деревья и кустарники СССР: Буклет ВДНХ. М. 6 с.: карт., табл.

1965

193. География древесных растений СССР. М.; Л.: Наука. 265 с.: табл., карт. Библиогр.: 101 назв. Соавтор: Связева О.А. (Деревья и кустарники СССР; Т. 7).
194. Хорология древесных растений СССР. М.; Л.: Наука. 39 с.: табл., карт. Библиогр.: 88 назв. Соавтор: Связева О.А. (17-е Комаровские чтения).
195. К положению *Picea orientalis* (L.) Link в роде *Picea* // Ботан. журн. Т. 50, № 12. С. 1745–1746. Библиогр.: 7 назв.
196. Памятник – сад [Беседа] // Смена. 16 окт.

1966

197. Дендрологические зоны и провинции СССР // Основоположник научного лесоводства. Л.: ЛТА. С. 45–50: карт.
198. Типы леса и лесное хозяйство // Тр. Казах. НИИЛХ. Т. 5. С. 55–69.
199. Ред.: Календари природы северо-запада СССР, 1939–1960. Л.: Гидрометеиздат. 1965. 71 с.; Фенологический ежегодник за 1961 г. Европейская территория СССР. Л.: Гидрометеиздат, 1965. 156 с. // Ботан. журн. Т. 51, № 1. С. 141–142.

1967

200. К 70-летию со дня рождения Леонида Федоровича Правдина // Лесоведение. № 4. С. 81–84: портр.
201. Ред.: Мауринь А.М. Семеношение древесных экзотов в Латвийской ССР. Рига: Звайгзне. 208 с.: табл., фото. Библиогр.: с. 188–207.

1969

202. К теории интродукции растений // Пути и методы обогащения дендрофлоры Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Наука. С. 4–23: рис., карт. Библиогр.: 21 назв.
203. Траты у *Lupinus polyphyllus* Lindl. // Интродукция и зеленое строительство. М.; Л. С. 159–191: рис., фото. Библиогр.: 53 назв. (Тр. БИН АН СССР. Сер. 6; Вып. 9).
204. Цветы оптом и в розницу // Смена. 18 мая.

1970

205. Ред.: Интродукция и зеленое строительство. М.; Л. 200 с.: рис., табл., фото, карт. (Тр. БИН АН СССР. Сер. 6; Вып. 10).

1972

206. К биологии сосны кедровой (кедра сибирского) *Pinus sibirica* Du Tour // Кедр сибирский на европейском севере СССР: Его распространение, возобновление и культура. Л.: Наука. С. 6–20: рис., карт. Библиогр.: 53 назв.

1973

207. География древесных растений флоры СССР // International symposium on biology of woody plants. Bratislava. P. 481–486.
208. Ареалы древесных пород: сосна, дуб // Атлас лесов СССР. М.: ГУГК. С. 12: карта. Соавтор: Связева О.А.
209. Ареалы древесных пород: ель, пихта, липа, осина // Там же. С. 13: карта. Соавторы: Связева О.А., Васильев И.В., Кубли В.А.
210. Ареалы древесных пород: лиственница, береза, бук, граб // Там же. С. 14: карта. Соавторы: Связева О.А., Кубли В.А., Васильев В.Н., Замятнин Б.Н.

1977

211. Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л.: Наука. Т. 1. 164., 91 карта. Библиогр.: с. 137–150. Соавторы: Связева О.А., Кубли В.А. и др.
212. Сем. *Aristolochiaceae* Juss. – Кирказоновые // Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л. Т. 1. С. 136.
213. Сем. *Cupressaceae* Bartl. – Кипарисовые // Там же. С. 33–40.
214. Сем. *Fagaceae* Dum. – Буковые // Там же. С. 112–115, карты 83–86. Соавторы: Связева О.А., Кубли В.А.
215. Сем. *Juglandaceae* A.Rich. ex Kunth – Ореховые // Там же. С. 86–89.
216. Сем. *Liliaceae* Juss. – Лилейные // Там же. С. 47, карта 22Г, Д.
217. Сем. *Pinaceae* Lindl. – Сосновые // Там же. С. 6–33, карты 2–11. Соавтор: Связева О.А.
218. Сем. *Taxaceae* S.F. Gray – Тиссовые // Там же. С. 5–6, карта 1. Соавтор: Связева О.А.
219. Род *Scirpus* L. – Граб // Там же. С. 107–110, карты 80А, Б, 81. Соавторы: Связева О.А., Кубли В.А.
220. Род *Chosenia* Nakai – Чозения // Там же. С. 48–49, карта 23.
221. Род *Corylus* L. – Лещина // Там же. С. 110–112, карты 82, 83Б.
222. Род *Ostrya* (Michx.) Scop. – Хмелеграб // Там же. С. 110, карта 80В.
223. Род *Populus* L. – Тополь // Там же. С. 77–85. Соавтор: Связева О.А.
224. *Alnus barbata* С.А. Меу. – Ольха бородатая, *Alnus subcordata* С.А. Меу. – Ольха сердцевидная, *Betula litwinowii* Doluch. – Береза Литвинова, *Myrica tomentosa* (DC.)Aschers. – Восковница пушистая // Там же. С.100, 106, 91, 86.

225. *Betula medwedewii* Regel – Береза Медведева, *Betula raddeana* Trautv. – Береза Радде // Там же. С. 91–92, 99. Соавтор: Скворцов А.К.

1980

226. Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л.: Наука. Т. 2. 144 с., 98 карт. Библиогр.: с. 117–130. Соавторы: Связева О.А., Кубли В.А. и др.
227. Сем. Magnoliaceae Juss. – Магнолиевые, Сем. Menispermaceae Juss. – Луносемянниковые // Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л. Т. 2. С. 26.
228. Сем. Ranunculaceae Juss. – Лютиковые // Там же. С. 21–23. Соавтор: Связева О.А.
229. Сем. Saxifragaceae Juss. – Камнеломковые (кроме *Philadelphus*) // Там же. С. 27–35.
230. Сем. Schisandraceae Blume – Лимонниковые // Там же. С. 26–27.
231. *Berberis amurensis* Rupr. – Барбарис амурский // Там же. С. 23–24.

1983

232. Лиственница Гмелина – *Larix gmelinii* (Rupr.) Rupr., лиственница сибирская – *Larix sibirica* Ledeb. // Атлас ареалов и ресурсов лекарственных растений СССР. М.: ГУГК. С. 32–33: карта. Соавтор: Связева О.А.
233. Пихта сибирская – *Abies sibirica* Ledeb. // Там же. С. 86: карта. Соавтор: Связева О.А.
234. Сосна Коха – *Pinus kochiana* Klotzsch ex С. Koch, сосна обыкновенная – *Pinus sylvestris* L. // Там же. С. 148–149: карта. Соавтор: Связева О.А.

1986

235. В.Н. Сукачев: (Из автобиографических записок) // Владимир Николаевич Сукачев: Очерки, воспоминания современников. Л.: Наука. С. 171–177.
236. Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л.: Наука. Т. 3. 182 с., 92 карты. Библиогр.: с. 151–166. Соавторы: Связева О.А., Кубли В.А. и др.
237. Сем. Actinidiaceae Hutch. – Актинидиевые // Ареалы деревьев и кустарников СССР. Л. Т. 3. С. 90. Соавтор: Кубли В.А.
238. Сем. Agaricaceae Juss. – Аралиевые (кроме *Hedera*) // Там же. С. 104–105. *Eleutherococcus* – соавтор: Связева О.А.
239. Сем. Saurifoliaceae Juss. – Жимолостные // Там же. С. 131–147. Соавтор: Связева О.А.
240. Сем. Daphniphyllaceae Muell. Arg. – Волчелистниковые // Там же. С. 57.
241. Сем. Ericaceae Juss. – Вересковые (кроме *Epigaea*, *Arbutus*, *Erica*) // Там же. С. 107–118. *Rhododendron* – соавторы: Связева О.А., Кубли В.А.; *Arctostaphylos* – соавтор: Связева О.А.

242. Сем. Rutaceae Juss. – Рутовые, Род *Celastrus* L. – Древогубец // Там же. С. 56, 67.
243. Род *Acer* L. – Клен // Там же. С. 68–77. Соавтор: Связева О.А.
244. Род *Ampelopsis* Michx. – Виноградовник, Род *Plex* L. – Падуб // Там же. С. 84, 62. Соавтор: Связева О.А.
245. Род *Maackia* Maxim. et Rupr. – Маакия, Род *Lespedeza* Michx. – Леспедеца // Там же. С. 8, 52–53. Соавтор: Связева О.А.
246. Род *Ligustrum* L. – Бирючина // Там же. С. 125. Соавтор: Связева О.А.
247. Род *Pueraria* DC. – Пуэрария, Род *Securinega* Comm. ex Juss. – Секуринега // Там же. С. 53, 57.
248. Род *Syringa* L. – Сирень // Там же. С. 124–125. Соавтор: Связева О.А.
249. Род *Vaccinium* L. – Черника // Там же. С. 119–120. Соавторы: Кубли В.А., Связева О.А.
250. Род *Vitis* L. – Виноград // Там же. С. 83–84. Соавтор: Кубли В.А.
251. *Saragana fruticosa* (Pall.) Bess. – Карагана кустарниковая; *Saragana jubata* (Pall.) Poir. – Карагана гривастая // Там же. С. 19–20. Соавтор: Горбунова Н.В.
252. *Saragana ussuriensis* (Regel) Pojark. – Карагана уссурийская, *Daphne kamtschatica* Maxim. – Волчегородник камчатский, *Fraginus mandshurica* Rupr. – Ясень маньчжурский; *Fraginus rhynchophylla* Hance – Ясень носолистный // Там же. С. 24, 98, 122, 124.

Литература о С.Я. Соколове

- [Анон.] Грецкий орех // БСЭ. 2-е изд. 1952 Т. 12. С. 573.
- Богданов П.Л.* Геоботаник и дендролог С.Я. Соколов: (К 70-летию со дня рождения) // Лесоведение. 1967. № 5. С. 96–98: портр.
- Булыгин Н.Е., Связева О.А.* Сергей Яковлевич Соколов: (К 100-летию со дня рождения) // Ботан. журн. 1997. Т. 82, № 5. С. 123–130: портр. Список опубл. работ.
- [Доклад Б.Н. Городкова на дискуссии на тему «Принципы геоботанического районирования»] // Тр. БИН АН СССР. Сер. 3. 1938. Вып. 4. С. 18–23.
- [Доклад А.П. Шенникова на дискуссии на тему «Принципы геоботанического районирования»] // Там же. С. 23–29.
- Лесков А.* Геоботанические экспедиции БИНа в 1934 г. // Сов. ботаника. 1935. № 1. С. 151–153.
- Малеев В.П.* Исследования флоры и растительности Кавказа и Крыма за 20 лет после Великой Октябрьской социалистической революции // Там же. 1937. № 5. С. 142–168.
- Нестерович Н.Д., Иванов А.Ф.* Сергей Яковлевич Соколов // Ботаника. Исследования. Белорус. отд-ние Всесоюз. ботан. о-ва. 1972. Вып. 14. С. 254–256.
- Памяти Сергея Яковлевича Соколова [20.05.1897–08.03.1971] // Н.А. Аврорин, М.В. Баранова, Ф.С. Пилипенко и др. Ботан. журн. 1971. Т. 56, № 11. С. 1711–1713: портр.
- Порфирьев В.С.* Сергей Яковлевич Соколов: (К 70-летию со дня рождения) // Там же. 1968. Т. 53, № 1. С. 121–130: портр. Список опуб. работ.
- Порфирьев В.С., Николаева К.В.* Заседание памяти Сергея Яковлевича Соколова [Казань. Ноябрь 1971 г.] // Там же. 1972. Т. 57, № 10. С. 1352.
- Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия: Страницы истории. СПб., 2003. С. 323–327.
- Связева О.А.* Деревья, кустарники и лианы парка ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова: (К истории введения в культуру). СПб.: Росток, 2005. 384 с.
- Сукачев В.Н.* Ботаническая география // БСЭ. 2-е изд. 1950. Т. 5. С. 637.
- Чубарян Т.Г.* Новый этап деятельности ботанических садов СССР // Изв. АН АрмССР. Биол. и с-х. науки. 1954. Т. 7, № 5. С. 89–98.
- Щепотьев Ф.Л.* Сергей Яковлевич Соколов: (К 70-летию со дня рождения и 45-летию научной деятельности) // Раст. ресурсы. 1967. Т. 3, вып. 4. С. 623–626: портр.
- Щепотьев Ф.Л.* Сергей Яковлевич Соколов: [Ботаник, 1897–1971: Некролог] // Лесоведение. 1971. № 5. С. 101.

Использованная литература и архивные материалы

- Васильев Я.Я.* Объем понятия «тип леса» и схема классификации типов лесов // Сов. ботаника. 1935. № 1. С. 36–63.
- Колаковский А.* [Рецензия] // Сов. ботаника. 1937. № 4. С. 138–141. Рец. на кн.: Абхазия: (Геоботанический и лесоводственный очерк). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936.
- Кузнецов Н.И.* [Рецензия] // Сов. ботаника. 1934. № 2. С. 162–166. Рец. на ст.: *Соколов С.Я.* Общий естественно-исторический и лесоводственный очерк Сочинского района: (Отчет за первый год работ лесоводственного отряда Кавказской экспедиции). Л., 1931. С. 7–96.
- Порфирьев В.С.* Сергей Яковлевич Соколов: (К 70-летию со дня рождения) // Ботан. журн. 1968. Т. 53, № 1. С. 121–130: портр.
- Шифферс Е.В.* Экспедиционные работы и выставка экспедиционных достижений Ботанического института Академии наук за 1935 г. // Сов. ботаника. 1936. № 4. С. 143–147.
- Красовский П.А., Соколов С.Я., Соснин Л.И.* Ореховые леса Южной Киргизии: Отчет Лесного отряда Киргизской комплексной экспедиции АН СССР, 1933–34 гг. // Арх. БИН РАН. Ф. 273. Оп. 11. № 445.
- Лавренко Е.М., Соколов С.Я.* Растительность плодовых лесов и прилегающих районов Джалал-Абадской области // Там же. № 448.
- Об организации в окрестностях Ленинграда пригородного парка // ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 126.
- Посадка хвойных в Ленинграде // Там же. Д. 118.
- Протокол заседания при Директоре Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии наук СССР 26 января 1942 г. // Там же. Д. 9.
- Соколов С.Я.* О состоянии зеленых насаждений в Ленинграде в конце 1947–48 гг. // Там же. Д. 114, 115, 119. Результаты работы бригады под руководством проф. С.Я. Соколова.
- Соколов С.Я.* Общий абрис современного состояния хозяйства в совхозах, 1945 г. Джалал-Абад // Арх. БИН РАН. Ф. 273. Оп. 11. № 478.
- Соколов С.Я.* Проект детского ботанического сада Выборгского района: доклад в Доме архитектора. 1962 г. // ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 1. Д. 231.
- Соколов С.Я.* Проект озеленения Сенной площади – 1939 г. // ПФА РАН. Ф. 863. Оп. 2. Д. 117.
- Соколов С.Я.* Стенограмма выступления о проблеме охраны оз. Байкал // Там же. Д. 128.

Приложение

Из неопубликованного

Дорогой
товарищ Сталин!

В 1941 г. в Ленинграде были разбиты фашистскими бомбами оранжереи Ботанического сада Ботанического института им. В.Л. Комарова Академии наук СССР.

Вследствие этого погибла ценнейшая и богатейшая в СССР коллекция живых растений, накопленная в течение 225-летнего существования Ботанического сада, давшая много полезных растений в наши субтропики и в комнатную культуру; на основе этой коллекции, кроме научных работ, Ботанический сад вел широкую культурно-просветительную работу среди учащихся и населения.

В послевоенное время восстановлена только третья часть оранжерей, в значительной мере восстановлена коллекция живых растений, научная и культурно-просветительная работа. Однако две трети огромных металлических остовов оранжерей стоит в разбитом состоянии, грозит обвалом и разрушается далее, что производит на фоне восстановленного города Ленина гнетущее впечатление на сотни тысяч посетителей Ботанического сада.

Академия наук СССР, отпускавшая ежегодно на восстановление оранжерей небольшие суммы, в текущем году, по условиям общего финансирования, смогла выделить на эту цель совершенно незначительные средства.

Вместе с тем, благодаря вниманию к нашим просьбам со стороны секретаря Ленинградских Обкома и Горкома ВКП/б/ тов. В.М. Адрианова, Исполком Ленинградского Совета Депутатов Трудящихся выделил в 1951 году строительные организации для восстановления большой пальмовой оранжереи, изгороди, парка-музея и самого парка.

Я позволяю себе, дорогой Иосиф Виссарионович, просить Вас помочь в разрешении вопроса о финансировании работ по восстановлению Ботанического сада, осуществление которых в 1951 году возможно благодаря Исполкому Ленсовета; объем этих работ выразится в сумме 2,5 миллиона рублей при выделении на них соответственных лимитных строительных материалов.

Заверяю Вас, что работы Ленинградского ботанического сада, решающего мичуринскими методами вопросы введения в культуру новых полезных растений и ведущего пропаганду передовых биологиче-

ских идей, будут стоять на высоком уровне, достойном нашей эпохи, носящей Ваше имя.

Глубоко преданный Вам

(С.Я. Соколов, профессор,

заведующий Ботаническим

садом Ботанического

института им. В.Л. Комарова

21.02.1951 г
(копия из личного архива С.Я. Соколова).

Академии наук СССР).

Ленинград

Чутко спит
могучий город
в час глухой
и темной ночи;
Шпиль высокий над Невою
тускло замер
в серой выси;
Исаакий
черной глыбой,
повитой кой-где снегами,
спрятал купол в мути неба;
Корабли
в лед грудью вмерзнув
близ гранитных парапетов,
словно призрак вырастают,
разрезая острым носом
воздух
иглистый и жгучий;
Еле видны
силуэты
темных, словно мертвых зданий,
утопающих в тумане.
Чутко спит
могучий город
в час глухой
и темной ночи.
Слышен дальний
гулкий
выстрел,
И визжит
и режет воздух
подлый
грязный
сгусток смерти.
Вот ударил и взорвался
Вздригнул город;
встрепенулся;
рану лечат руки граждан.

А вдали
 все ближе,
 ближе
слышен
 грозный
 поступ
 армий.
Гул победы
 долетает!
Будут смяты
 эти гады,
что мешают строить радость,
 нам,
познавшим радость жизни
в светлом будущем Союза;
будут смяты
 эти гады,
что свинцом убить хотели
 мысль,
 идею,
 бодрость духа
граждан города-героя!
Вновь распушит крылья город,
 Храм науки и искусства,
 колыбель Октябрьской бури,
 Город –
 Гордость всех народов.

15.01.1944

СЯС

С.Я. Соколов

Об ассортименте деревьев и кустарников в питомниках Ленинграда

В ассортименте питомников фигурирует якобы 48 видов листопадных (летнезеленых) деревьев, считая и сибирскую лиственницу, помещенную в таблице среди вечнозеленых хвойных. Среди них названия, не имеющие определенного дендрологического содержания: боярышник привитой, груша дикая, ива привитая плакучая, клен краснолиственный, липа привитая, рябина привитая и мучнистая. Дуб черешчатый и дуб красный значатся в одной графе, хотя они имеют совершенно различное декоративное значение. Следовательно, на питомнике всего лишь около 40, а не 48 видов деревьев. Указанное обстоятельство говорит о некотором пренебрежении к видовому и формовому составу деревьев, культивируемому на питомниках.

Для создания первого яруса насаждений или крупных групп деревьев еще имеется возможность подбора древесных пород. Ассортимент же

деревьев для второго и более низких ярусов и небольших (невысоких) групп, а также для опушек очень ограничен. В проектном ассортименте 13%, а в выпущенном ассортименте в 1962 г. почти 30% падает на долю тополя при львиной доле тополя берлинского. Это, несомненно, очень плохо, и может быть тем более плохо, что среди тополей выпускаются женские экземпляры, засоряющие улицы и дома «пухом» (летучками семян). Озеленять Ленинград, а также пригороды, а тем более лесопарки тополем – совершенно недопустимо.

Отрадно отметить, что в составе листопадных деревьев 46% по плану занимают широколиственные породы. Среди них ведущее значение имеют вяз, дуб черешчатый и клен остролистный. Липа, особенно наиболее драгоценная для Ленинграда липа крупнолистная, листья которой держатся осенью на две, а иногда три недели дольше, чем у липы мелколистной, хотя и запроецирована в большом количестве, выпускается, к сожалению, в очень малом числе.

Рассматривая ассортимент листопадных деревьев, хотелось бы заметить следующее.

1. Акация Лорберга (корнесобственная или привитая) справедливо не пользуется спросом. Выращивать этот вид следует только в кустовидной форме и даже в виде сформированных живых изгородей. Такие изящные живые изгороди, отпускаемые с питомника погонными метрами, несомненно, найдут спрос.

2. На питомниках имеется только одна береза – бородавчатая. Но представляется вправе требовать, чтобы на питомниках выращивалась типичная форма этой березы – с пучками длинных свисающих тонких, очень подвижных ветвей. Необходимо, чтобы наряду с этой березой выращивались изящная плакучая береза далекарлийская с рассеченной листвой и береза бумажная с яркими белыми стволами.

3. Крайне желательно увеличить количество дуба черешчатого. За счет него, липы крупнолистной и клена остролистного должны создаваться основные костяки городских насаждений.

4. Клен остролистный сильно варьирует по окраске листвы – клен остролистный Шведлера с кроваво-красными листьями весной и почти оливковыми осенью, а также клен остролистный красный с красноватыми листьями весной и темно-красными осенью заслуживают введения в ассортимент деревьев. Обе формы следует разводить прививкой на обычный остролистный клен.

5. Количество клена татарского могло бы быть увеличено за счет уменьшения количества клена ясенелистного. В небольшом количестве должны выращиваться клены серебристый, красный, желтый, зеленокорый и полевой.

6. Ольха черная отсутствует на питомниках. Этот недостаток должен быть выполнен. На питомниках и в ассортименте должна быть и ольха серая, которая в парках могла бы играть прекрасную роль, особенно для отделки далей, а иногда и в живых стриженных изгородах.

7. Количество рябины желательно увеличить. Необходимо иметь на питомниках ее пирамидальные и плакучие формы. Желательно иметь

также хотя бы небольшое количество рябины ариа с цельными округло-эллиптическими листьями.

8. Как уже говорилось, количество тополя в ассортименте следует значительно снизить, кроме осины, количество которой, особенно, если иметь в виду лесопарки, может быть поднято. При этом следовало бы отобрать для культуры мужские экземпляры осины, особенно, эффектно раскрашивающие свою листву осенью. Следует ввести в культуру также плакучую и пирамидальную формы осины, особенно последнюю, так как наши парки вовсе не обладают деревьями пирамидальной формы.

9. Среди яблонь значительное место должна занять пурпурная яблоня, особенно ее форма с пурпурными листьями весной, богато цветущая крупными розовыми цветками и осенью усыпанная мелкими темно-красными яблочками. Она вполне зимостойка в Ленинграде и исключительно декоративна.

Почти третью часть всех листопадных кустарников, выпускаемых с питомников, составляют три вида: желтая акация, боярышник сибирский и кизильник блестящий. Остальные виды, кроме жимолости татарской и барбариса обыкновенного, играют в ассортименте относительно малую роль.

При современных темпах коммунального строительства и внутриквартального озеленения новых застроек следовало бы внести в агротехнику выращивания два направления: 1) выращивание хорошо сформированных кустов, особенно красивоцветущих растений для одиночных и групповых посадок, отпускаемых поштучно; 2) выращивание почти сформированных живых изгородей, отпускаемых погонными метрами. При подобной постановке питомнического хозяйства возможно было бы быстрое создание озеленения на местах, минуя 3–5-летний период пребывания озелененной территории в состоянии подращивания высаженного на ней посадочного материала. Если бы это предложение было принято, можно рекомендовать следующий ассортимент кустарников, выращиваемых для групповых и одиночных посадок:

а) из числа мелких деревьев, формируемых крупными кустами: боярышники мягковатый, алтайский, зеленомясый, даурский, Дугласа, махровые бело- и красноцветковые формы боярышника однопестичного; клен татарский и клен гиннала, яблоню пурпурную;

б) из числа крупных кустарников: бересклет крупнокрылый, бузину красную, гордовину, дерен белый, отпрысковый и кровавокрасный, калину канадскую, обыкновенную и ее форму «Снежный Шар», иргу канадскую, круглолистную и ольхолистную, иву Шверина, крушину слабительную и особенно сорта сирени обыкновенной;

в) из средних и мелких кустарников: гортензию Бретшнейдера, древовидную, черешковую, жимолость золотистую, Максимовича, обыкновенную, Шамиссо, кизильник блестящий, остролистный, горизонтальный, курильский чай кустарниковый, лох серебристый, малину душистую, розы сортовые, морщинистую и ее сорта, гальскую и колючешую, спирею – виды, цветущие рано весной: Вангутта, опушенноплодную, виды, цветущие летом: Бумальда, японскую; виды, цветущие осенью: Дугласа, иволистную, Мензиса, а также снежноягодник.

Лианы очень мало используются в озеленении Ленинграда, тогда как многие из них могли бы играть значительную роль. Мелкие и кра­сивоцветущие – княжик сибирский, ломонос фиолетовый и тангутский, жимолость каприфоль, железистая, жестковолосистая и западная были бы прекрасны в одиночных посадках на газонах. Луносемянник даур­ский и канадский вполне пригодны для закрытия небольших сооружений, актинидия коломикта как плодое растение и для декорации зданий до второго этажа и, наконец, виноград амурский и девичий виноград пяти­листочковый – для украшения фасадов и закрытия торцов многоэтаж­ных зданий.

Ассортимент хвойных, выращиваемых на питомниках Ленингра­да, очень беден. Особый интерес для городских зеленых устройств представляет лиственница даурская, европейская, сибирская, Чека­новского – они могли бы играть большую роль в возрасте 10–30 лет при свободном стоянии, когда летом нарядно одеты нежно-зеленой, а осенью – бледно-желтой хвоей. Особенно дороги они, как быстро растущие деревья, обладающие своеобразной динамикой кроны и специфической окраской хвои для обогащения лесопарковых ланд­шафтов.

Среди видов пихты, успешно растущих в Ленинграде, особый ин­терес представляет пихта Фразера по своему темно-зеленому монументальному охвоению и пихта сибирская. Но их место – в загород­ных парках и лесопарках, а не в городе, где они быстро гибнут от за­дымления.

Среди сосен для городских садов можно рекомендовать только со­сну кедровую сибирскую, так как она является самой дымостойкой. Для загородных парков, в первую очередь, нашу обычную сосну обыкновенную и сосну веймутову, сибирскую кедровую и кедровый стланник.

Среди видов ели для города пригодна только ель колючая, особен­но, серебристая форма. Значительное место на питомниках должно быть отведено ели обыкновенной, выращиваемой для загородных пар­ков и лесопарков, в том числе плакучая, опрокинутая и низкорослая формы. Не стоит забывать, что из ели обыкновенной строят классиче­ские живые изгороди. Для этих целей на загородных питомниках ель должна воспитываться в очень большом количестве.

Для городских садов и парков может представлять интерес, как рас­тение высокой степени дымостойкости, обыкновенный можжевельник, особенно в своей колоновидной форме. Для загородных парков и лесопарков он особенно дорог.

Среди вечнозеленых голосеменных большое место должно быть от­ведено туе западной. Она дымостойка, имеет очень большое число изящных форм по характеру роста, ветвления и окраске чешуевидных листьев. Она прекрасно выдерживает самую сильную стрижку и долго сохраняет приданную ей форму. Чудесна она и в живых изгородях, ко­торым можно придавать любую форму. На питомниках туя должна культивироваться в хорошо отобранных формах и приготовленной для быстрого создания живых изгородей.

Таким образом:

1) ассортимент растений, культивируемых на питомниках в Ленинграде, должен быть переопределен и названия их упорядочены; 2) ассортимент деревьев и кустарников должен быть расширен и разбит на две группы – растения, воспитываемые для городских садов и парков и для загородных парков и лесопарков; 3) разведение многих видов должно производиться в чистых сортах вегетативным путем; 4) число школ в питомниках, по-видимому, должно быть увеличено для того, чтобы выпускался хорошо сформированный посадочный материал.

ПРОЕКТ
резолюции Конференции ботанических садов
по вопросу об организации Государственной службы
интродукции растений в СССР

I. Освоение флоры Союза для культурного хозяйственного строительства и обогащение растительных ресурсов СССР путем интродукции полезных растений является проблемой большой государственной важности.

Однако выполнение этой проблемы расплылось в настоящее время между различными ведомствами и ведется ими преимущественно через ботанические сады, работающие без единого плана и руководства. Это является одной из основных причин недостаточной роли ботанических садов в социалистическом строительстве и связано с нерациональным расходованием государственных средств.

II. Для упорядочения этой работы и поднятия ее на должную высоту Конференция полагает необходимым просить Правительство СССР поручить Академии наук СССР через БИН научное руководство и контроль интродукцией новых полезных растений из дикой флоры и обязать все ботанические сады Союза и организации, ведущие подобные интродукционные работы с растениями утверждать годовые планы своих научных работ в АН СССР и выполнять поручения последней в области интродукции растений в обязательном порядке.

III. Для надлежащей постановки службы Государственной интродукции Конференция просит Президиум АН СССР объединить эту работу под руководством БИН АН СССР путем учреждения при последнем Совета ботанических садов на следующих основаниях:

А. Задачи Совета ботанических садов

I. Совет ботанических садов планирует, дает методические указания и контролирует работу сети ботанических садов СССР по интродукции растений и другим вопросам их программы.

2. Совет ботанических садов ставит перед последними стержневые темы, имеющие всесоюзное или краевое значение.

3. Совет ботанических садов содействует организации научно-просветительных работ ботанических садов.

4. Совет ботанических садов организует и проводит помощь ботаническим садам в области получения исходного семенного материала, обмена семенами, живыми растениями, гербариями, литературой и опытом работ.

5. Совет ботанических садов разрабатывает и согласовывает проекты новых ботанических садов и стандартного строительства сооружений, обслуживающих научную работу ботанических садов.

*Б. Организационная структура
Совета ботанических садов*

1. Председателем Совета ботанических садов является Директор БИН.

2. Совет ботанических садов состоит из а) представителей следующих главнейших ботанических садов СССР, назначаемых Директорами этих садов по одному от каждого сада – Ленинградский ботанический сад БИН АН СССР, Московский ботанический сад АН СССР, Никитский ботанический сад им. Молотова, Бакинский ботанический сад Азербайджанского филиала АН СССР, Батумский ботанический сад Главного управления субтропических культур, Ташкентский ботанический сад СаГУ, Ашхабадский ботанический сад Наркомзема Туркменской ССР, Полярно-альпийский ботанический сад Кольской базы АН СССР, Минский ботанический сад Белорусской АН, Киевский ботанический сад Украинской АН,

б) лиц, персонально избираемых Конференциями ботанических садов из числа крупных специалистов в области интродукции растений сроком на три года.

3. Совет ботанических садов созывается его председателем по мере надобности, но не менее одного раза в год.

4. Текущая работа Совета ботанических садов выполняется Бюро ботанических садов, состоящим из Председателя, которым является заведующий отделом интродукции БИН АН СССР, ученого секретаря, состоящего в штате БИН и трех членов, избираемых Советом ботанических садов.

5. Бюро ботанических садов имеет рабочий персонал – ученого секретаря, двух старших научных сотрудников и одного научно-технического сотрудника, инструктирующих и инспектирующих работу ботанических садов СССР и ведущих научную тематику по плану Отдела интродукции растений БКН АН СССР.

22-ХІ-1939 г.

П.п. д-р б.н. (С.Я. Соколов)

д-р б.н. (В. Малеев)

д-р б.н. (Б. Федченко)

канд.б.н. (Н. Аврорин)

Список принятых сокращений

ВБО	– Всесоюзное ботаническое общество
Гипролестранс	– Государственный институт по проектированию заготовительных лесосплавных предприятий и путей лесотранспорта
Госзеленхоз	– Государственный трест зеленого хозяйства
ЛОС	– Лесная опытная станция
НИИЛХ	– Научно-исследовательский институт лесного хозяйства
ЦНИИЛХ	– Центральный научно-исследовательский институт лесного хозяйства
НИТО	– Научно-инженерное техническое общество
РГО	– Русское географическое общество
СОПС АН СССР	– Совет по изучению производительных сил АН СССР
УСПХ и ЗС	– Управление садово-паркового хозяйства и зеленого строительства

Именной указатель

- Авакян А.А. 31
Авrorин Н.А. 45, 89, 123, 136, 143, 152
Адо М.И. 15
Акимов П.А. 63
Алексеевский А.Н. 99
Алехин В.В. 58
Алисов В.П. 30
Анантов А.И. 11
Андреев В.Н. 38
Андреева 28
Андреианов В.М. 85, 145
Антик Г.Н. 121
Антипов В.Г. 106
Антипов-Каратаев И.Н. 15
Антошевская В.Б. 13
Ануфриев Г.И. 14, 17
Арнаутов Н.Н. 6
Артюшенко Э.Т. 67, 87, 134–137
Асосков А.И. 15
- Баранов П.А.** 31, 89
Баранова М.В. 75, 143
Бардин И.П. 34, 85
Беззубов А.Д. 30
Белкина М. А. 121
Беляев М.А. 18, 130
Блюменталь И.Х. 45
Бобров Р.В. 106
Богданов П.Л. 14, 17, 18, 63, 143
Богданов Ф.Б. 25
Борисов П.Н. 15
Борхсениус Н.С. 38
Брем А.Э. 9
Брызжев Н.А. 15
Булыгин Н.Е. 6, 62, 74, 76, 106, 123, 143
Буш Н.А. 20,21
Бяллович Ю.П. 15, 16
- Вавилов С.И.** 33, 85
Вага Л.Я. 38
Ванин С.И. 15
- Василевич В.И. 6
Васильев А.В. 38, 81
Васильев В.Н. 140
Васильев И.В. 140
Васильев Я.Я. 15, 27, 56, 81,144
Васильченко И.Т. 132
Верюжская Ф.И. 87
Виленский Д.Г. 30
Власов А.В. 23, 24
Вознесенский А.В. 18
Воинов Г.В. 15
Вольф Э.Л. 14
Воробьев Д.В. 60
Вьюгина Н.Г. 87
- Гаель А. А. 14
Галахова В.И. 87
Герасимов И.П. 30
Герниц О.О. 132
Гладкий Н.П. 133
Гожев А.Д. 14, 26, 63
Головач А.Г. 87, 97, 135, 137
Горбунова Н.В. 142
Гордягин А.Л. 10, 11, 53
Городков Б.Н. 57, 143
Грибанов Л.Н. 60, 106
Гроссгейм А.А. 89
Грубов В.И. 6, 73,117
Гулисашвили В.З. 38, 63
Гуман В.В. 12,15
Гусев В.И. 15
- Дарвин Ч. 31,32
Джангалиев А. Д. 106
Дзенс-Литовская Н.Н. 18
Дмитриев 98
Дылис Н.В. 39, 43
Дыренков С.А. 123
Дьяченко А.Е. 15
- Ершов В.И. 42

Жилкин Б.Д. 136
Жук А.П. 87
Жунгиету И.И. 106

Заборовский Е.П. 138
Замятнин Б.Н. 82, 87, 89, 135, 140
Звиргзд А.В. 106, 123
Зонн С.В. 39, 43

Иванов А.Ф. 143
Иванов Л.А. 10,12
Иванов С.Л. 129
Ивановский М.И. 15
Игнатенко М.М. 106
Изосимов А.И. 22, 23, 131
Ильин Л.А. 23
Ильинский А.П. 21, 23, 26, 27, 83

Каверзнев В.П. 87
Калинин А.П. 15
Калинина А.В. 132
Калужский Н.И. 15
Капинос Г.Е. 106
Кац Н.Я. 131
Каяндер А.К. 61
Келлер Б.А. 21–24
Кернер А. 9
Ключарев В.К. 13
Ключарева (см. Соколова) О.В. 13
Кобранов Н.П. 8, 14
Ковальская-Ильина П.В. 102
Кожевников В.А. 16
Колаковский А.А. 57, 144
Колесников Б.П. 60
Колмин С.Н. 87
Комаров В.Л. 21, 23, 24
Комаров Н.Ф. 28
Комлев П.П. 132
Кондратович Р. Я. 106
Коновалов И.Н. 69
Коновалов Н.А. 14, 55, 63
Кормилицын А.М. 133
Коропачинский И.Ю. 46
Корчагин А.А. 45, 73, 123
Красильников П.К. 30
Краснобрыжев В.И. 17
Красовский П. А. 18, 49, 131, 144
Крупская Н.К. 13
Крылов А.Г. 44
Крылов Г.В. 44
Крылова З.И. 22,23, 131
Кубли В.А. 72, 73, 75, 117, 140–142

Кузнецов И.И. 15
Кузнецов Н.И. 48, 144
Кулагин Ю.З. 106
Кулешов Л.В. 87
Курнаков Н.И. 26, 27, 83

Лавренко Е.М. 17, 28–30, 51, 131–134,
144
Лазутин 53
Лапин П.И. 63, 79, 133
Латманизова Т.М. 75
Лебедев Д.В. 73
Лебединова Н.С. 106
Ленин В.И. 19
Леонтьев В.Л. 134
Лепехина А.А. 106
Лесков А.И. 27, 143
Ливерский Ю.А. 30
Линчевский И.А. 38
Линь-жун 42, 43
Лисавенко М. А. 81
Личков Б.Л. 18
Лозина-Лозинская А.С. 87, 134
Лукс Ю.А. 137, 138
Лупанова Л.П. 87
Лупинович И.С. 30, 51
Лучник З.И. 119
Лысенко Т.Д. 30–33
Лю Цун-ло 39
Ляшенко Н.И. 139

Маевский П.Ф. 9
Макаров В.Н. 19
Макеев Г.А. 15
Малеев В.П. 18, 20, 26, 50, 81, 82, 89,
134, 143, 152
Малиновский А.В. 19
Мамаев С.А. 46, 106
Матвеев Г.И. 43
Матюк И.С. 130
Мауринь А.М. 106, 139
Медведева А.В. 6
Микешин Г.В. 17
Митин М.Б. 31
Мичурин И.В. 8, 85, 135
Молодчиков А.И. 16, 17
Монтеверде Н.А. 9
Мончадский А.С. 38
Морозов Г.Ф. 9, 10, 66, 68
Морохин Д.И. 132
Муратгельдиев Н. 106
Мушегян А.М. 106

Напалков Н.В. 132
Недригайлов С.Н. 17
Нестерович Н.Д. 63, 143
Никитин А. А. 30
Николаева К.В. 143

Озерова Е.Н. 103, 104
Орбели Л.А. 29, 31, 32
Орлов М.М. 10, 13–15, 53

Павловский Е.Н. 31
Панкратова Г.Н. 6
Панфильев Д.В. 38
Первухин Ф.С. 27
Петровский В.А. 11
Печникова С.С. 18
Пигулевский Г.В. 33
Пилипенко Ф.С. 73, 82, 136, 143
Победимова Е.Г. 137
Поварницын В.А. 14, 15, 17, 18, 50, 63
Погребняк П.С. 58
Покровская И.М. 14
Полетико О.М. 82, 87
Полянский В.И. 33, 39
Поплавская Г.И. 14, 29, 58, 62
Попов В.А. 15
Попов П.Н. 18
Портнова Т.С. 6, 25
Порфирьев В.С. 6, 61, 106, 119, 143, 144
Правдин Л.Ф. 15, 16, 25, 64, 120, 139
Прасолов Л.И. 15
Прозоровский А.В. 18

Рагузский Я.В. 87
Расцветаев М.К. 30
Ребристая О.В. 6
Регель Э.Л. 135
Речан С.Н. 44
Римский-Корсаков М.Н. 10, 15
Родин Л.Е. 18
Родионенко Г.И. 73, 87
Родышевцев А.Ф. 25
Розанов А.Н. 30
Рубаник В.Г. 106, 120
Русанов Ф.Н. 38, 63
Рябинин А.А. 27

Сааков С.Г. 87, 133, 135
Савицкий Г.Г. 15
Сахаров М.И. 11, 16, 17, 136
Сацыперова И.Ф. 36

Связева О.А. 44, 62, 68, 72, 73, 75, 117, 119, 120, 122, 123, 139–143
Северова А.И. 16
Семенов-Тянь-Шанский М.Д. 18
Семенова-Тянь-Шанская А.М. 115, 118, 123
Силина З.И. 87
Симоненко Т.И. 6
Смидович П.Г. 19, 100, 104
Смирнов Ю.С. 6
Соболев С.С. 30
Соколов Ал-др Я. 7
Соколов А.Я. 7
Соколов В.С. 27, 36, 83
Соколов И. 7
Соколов И.Я. 8
Соколов М.П. 106
Соколов М.Я. 8
Соколов Н.И. 7
Соколов Н.Я. 8
Соколов П.Я. 8, 9
Соколов Я.Н. 7
Соколова Г.С. 14
Соколова Е.В. 28
Соколова (Ключарева) О.В. 13, 117
Соколова (Софотерова) М.В. 7
Солодовникова В.С. 120, 137
Солоневич К.И. 27
Соснин Л.И. 16–18, 49, 131, 136, 137, 144
Софотеров Л.В. 8, 9
Софотерова (Соколова) М.В. 7
Сочава В.Б. 14, 33
Спорягина О.М. 87
Сталин И.В. 34, 85, 145
Стемпневский В.М. 9, 10
Стратонович А.И. 134
Стародубцев М.И. 15
Стоянов Н.А. 43
Сукачев В.Н. 9–18, 20, 21, 28–31, 39, 42, 43, 47, 51–66, 68, 73, 76, 77, 83, 105, 107, 111, 122, 132, 133, 136, 141, 143
Сухорукова М.К. 87

Тарасов Г.А. 121
Тарашкевич А.И. 15
Ткаченко М.Е. 12
Толмачев А.И. 38
Третьяков Н.В. 15
Троицкая О.В. 24
Ту Ко-чен 42

Турбин Н.В. 32
Тюльпанов Н.М. 99, 107

У Чжэн-и 39
Уханов В.В. 18, 26, 81

Фадеев Н.В. 11
Федоров Ан.А. 38, 39
Федорова-Саркисова О.В. 14
Федченко Б.А. 23, 26, 89, 152

Хэ Кан 42
Холодковский Н.А. 9, 10
Хрущев Н.С. 44

Цинзерлинг Ю.Д. 17
Циновскис Р.Е. 123

Чаплыгина О.Я. 6
ЧеньХуань-юн 42
Чжу Кэ-чжэн 39, 42
Чубарян Т.Г. 143

Шенников А.П. 11, 12, 14, 17, 18, 57,
61, 107, 143
Шипчинский Н.В. 21, 33, 35, 77, 80, 81,
84, 131, 134, 136, 137
Шифферс Е.В. 51, 131, 144
Шишкин Б.К. 21, 33
Шлапин В.О. 87
Шмальгаузен И.И. 30, 31
Шнитников А.В. 38
Шретер А.И. 45
Шульгина В.В. 87

Щепотьев Ф.Л. 63, 143

Юй Де-дзюн 39, 42, 43
Юнатов А.А. 139
Юркевич И.Д. 63

Яковлев С.А. 11, 12
Янишевский Д.Е. 20, 21
Ярмоленко А.В.

Содержание

Предисловие	5
Жизненный путь	
Сергей Яковлевич Соколов о себе и современниках (автобиография)	7
Последние годы жизни	45
О научном наследии	
Экспедиции и поездки	47
«Я занимаюсь фитоценологией...»	52
С.Я. Соколов как дендролог	62
Ботанический сад – нежеланный, но мучительно любимый	76
От Сада на Аптекарском острове до заботы о ботанических садах всей страны	88
«Посадить дерево – это только начало...»	91
«Восстановить в тысячу раз труднее, чем уничтожить»	100
Преподаватель со студенческих лет	105
Отзывы, воспоминания о С.Я. Соколове	110
Послесловие	123
Основные даты жизни и деятельности С.Я. Соколова	124
Труды С.Я. Соколова	128
Литература о С.Я. Соколове	143
Использованные литература и архивные материалы	144
Приложение. «Из неопубликованного»	145
Список принятых сокращений	153
Именной указатель	154

Научное издание

Связева Ольга Александровна

**Сергей Яковлевич
Соколов**

1897–1971

*Утверждено к печати
Редколлегией серии
«Научно-биографическая литература»
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.А. Степанова*
Редактор *Г.П. Панова*
Художник *Ю.И. Духовская*
Художественный редактор *В.Ю. Яковлев*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева,
Г.В. Дубовицкая, М.Д. Шерстенникова*

Подписано к печати 16.02.2007
Формат 60 × 90 1/16. Гарнитура Таймс
Печать офсетная
Усл.печ.л. 11,0. Усл.кр.-отг. 11,3. Уч.-изд.л. 10,9
Тип. зак. 4427

Издательство “Наука”
117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
www.naukaran.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ГУП “Типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА

О. А. Связева
**Сергей
Яковлевич
СОКОЛОВ**

О. А. Связева

**Сергей Яковлевич
СОКОЛОВ**

НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Сергей Яковлевич Соколов (1897–1971) – доктор биологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, один из крупнейших и талантливых ученых СССР. Его имя широко известно геоботаникам и лесоведам, дендрологам и архитекторам «зеленого строительства», работникам ботанических садов и заповедников. С 1932 по 1971 г. Сергей Яковлевич работал в Ботаническом институте им. В.Л. Комарова АН СССР. В течение 27 лет был научным сотрудником Ботанического сада этого института, из них 14 лет заведовал Садам.

Сергей Яковлевич Соколов – инициатор, редактор и один из авторов шеститомного издания «Деревья и кустарники СССР». Он был горячим защитником природы, ратовал за создание заповедников в нашей стране. Под его редакцией в 1964 г. вышел в свет научно-популярный сборник «Природа Ленинграда и окрестностей».

ISBN 978-5-02-035357-2

9 785020 353572

